

Николай Ермаков

Утро под Катовице-2

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Annotation

Андрей Ковалев хорошо устроился в довоенном СССР — свой дом, красавица жена, что ещё человеку надо, чтобы встретить самую страшную войну в истории человечества?

Глава 1

— Ну, ложки-то мы потом нашли, однако осадочек остался, — завершил я очередной анекдот и вся застольная компания дружно разразилась громким смехом.

Лишь только Горбушкина изо всех сил старалась сдержаться. «Все-таки надо поменьше шутить, а то и правда родит, — подумал я, глядя на её страдальческое лицо, — шестой месяц, как-никак.» На свадебном застолье ей было непросто — пить нельзя, острое нельзя, жирное нельзя, да вот ещё и хохот от души может привести к преждевременным родам. Хотя, думается мне, она преувеличивает опасность, сомневаюсь, что из-за смеха могут быть проблемы. Вон Болеслава ржет как лошадь и никаких проблем, а у неё третий месяц. Живота ещё не видно но всё-таки! Ну да ладно, это всё мелочи, а в целом праздник очень даже удался, несмотря на сравнительно небольшое количество гостей.

Тут женщины затянули «Ой цветёт калина...», и я со всем пьяным усердием принялся подпевать. По окончании песни, несмотря на довольно большое количество выпитого, я вспомнил про шашлыки и бросился к мангалу — ни на кого нельзя положиться, даже на собственной свадьбе всё приходится самому делать! Как оказалось, никто из моих гостей не знаком с этим русским народным блюдом. Удивительно! Вот и получается, хоть я и являюсь главным виновником торжества, бегаю каждые пятнадцать минут к мангалу... Ага, готово!

— Миша, тащи сюда ту салатницу!

Петренко шаткой походкой приблизился ко мне и протянул посуду, в которую я стал бросать снимаемые с шампуров ароматные куски мяса. Закончив, я отправил товарища к столу, а сам принялся нанизывать вторую очередь. Тем временем со стороны гостей донеслись восхищенные возгласы. Ещё бы — трудно найти человека, которому бы не понравились правильно приготовленные шашлыки. В ЭТОМ времени вегетарианцы встречаются крайне редко, да и те за границей. Положив обновленные шампуры на мангал, я вернулся к столу и приступил к дегустации полностью собственноручно приготовленного блюда. М-м-м! Вкуснятина!

Вы спросите, что это у меня за праздник? Так я отвечу, чтобы вы порадовались вместе со мной — свадьба! Хотя, кажется я уже об этом говорил...

И даже не спрашивайте, сколько проблем мне пришлось решить за три месяца, прошедшие после моей демобилизации и встречи с Болеславой. Не хочу вспоминать. Зато сейчас жизнь, хочется надеяться, входит в спокойную колею. Сегодня утром мы с Болеславой в ЗАГСе зарегистрировали бракосочетание и вот в кругу немногочисленных гостей на веранде моего собственного дома отмечаем это знаменательное событие.

Думаю, надо перечислить, кого я пригласил разделить со мной эту радость. Про Петренко я уже упоминал, он пришел со своей женой Клавой, полноватой шатенкой, которая легко нашла общий язык с женской половиной нашей компании. Кстати, Михаил сыграл немаловажную роль в приобретении мною этого дома — он ведь живет на соседней улице и именно от него я получил информацию о продаже. Беременную Горбушкину я также уже упоминал, она, разумеется, пришла одна, ведь отец её будущего ребенка — комиссар Белковский погиб в Питкяранте и теперь её судьба — это путь матери одиночки. В это время к подобным женщинам отношение в обществе ярко отрицательное и шансы найти мужа, имея довесок, близятся к нулю, а после грядущей войны мужиков вообще останется мало, а те из них, кто уцелеет, будут весьма и весьма разборчивыми при выборе подруги жизни. Но, несмотря ни на что, благодаря недавнему боевому эпизоду в своей биографии и ордену, а также, возможно, и высоким профессиональным качествам, она в свои двадцать пять лет уже получила должность заместителя начальника следственного отдела городского управления НКВД. Неслабо так. Поэтому необходимо знакомство с ней поддерживать — нужный, что называется, человек, с хорошими перспективами. Здесь также был и комсорг техникума Тихонов Михаил, пришедший вместе со Светой Дементьевой. С Никитиной у него так ничего и не получилось, а вот с Дементьевой роман идет полным ходом. Ну и Лиза Большакова, инструктор горкома комсомола по спорту и староста женской группы секции по самбо. Так-то мы, конечно, не особенно с ней дружны, однако чтобы нормально жить в этом времени, необходимо иметь широкий круг хоть сколько-нибудь влиятельных знакомых, с которыми меня связывали бы не только деловые отношения. Лиза пришла со своим мужем Виктором, ведущим инженером автозавода — солидным мужиком, который старше ее лет на десять.

Вот так мы и сидели — шашлыки запивали вином, пели хором застольные песни, я периодически травил анекдоты, тщательно подбирая по тематике (чтобы было понятно и антисоветчиной не пахло) и бегал к шашлыкам. Идиллия. А если учесть, что рядом была любимая женщина, так вообще благодать.

На следующее утро я проснулся от того, что кто-то бесцеремонно сигнализировал автомобильным клаксоном рядом с домом. Кого это черт принес утром в субботу? Не вставая с кровати, дотянулся до часов, лежавших на тумбочке. Десять минут одиннадцатого. Ещё спать и спать, учитывая, что сегодня суббота, у меня каникулы и похмелье. А может это не ко мне? Тогда всё-равно надо идти, чтобы научить мерзавца этикету!

Решительно сбросив одеяло, я натянул штаны, с завистью посмотрел на сладко посапывающую Болеславу и

направился к выходу, попутно прихватив с комода бутылку белого вина, в которой оставалось около трети живительной для меня сейчас влаги. Выйдя на крыльцо и осмотревшись, я убедился, что это всё-таки приехали по мою душу. За забором напротив моего дома стояла черная «эмка», возле которой топтался мужчина средних лет в серых брюках, голубой рубашке с коротким рукавом, бежевой шляпе и кожаным портфелем в руке. Увидев меня, он с радостным выражением лица направился к калитке.

— Андрей Иванович? Позвольте войти.

Я утвердительно кивнул, отпил пару глотков вина из бутылки и задумчиво осмотрелся. После вчерашнего застолья Болеслава не стала, глядя на ночь, наводить порядок, отложив это нелёгкое дело на сегодня. Так что гостя даже и усадить некуда. Тем временем незнакомец приблизился ко мне и представился, протянув руку:

— Василий Лукич Безруков! — мы скрепили наше знакомство рукопожатием, после чего он продолжил:

— Я ведущий инженер автозавода, мне необходимо с Вами поговорить по очень важному делу.

Я махнул рукой в сторону заставленного грязной посудой стола на веранде:

— Вы уж извините, пригласить мне Вас некуда, у меня вчера свадьба была...

— Поздравляю! Тогда может, прогуляемся? — он мотнул головой в сторону улицы. Я сделал ещё глоток, после чего, немного поразмыслив, отрицательно покачал головой:

— Нет уж, постойте пять минут...

От легкой опохмелки у меня в голове значительно просветлело, и я довольно быстро освободил стол, отнеся в четыре захода грязную посуду на кухню, после чего протер столешницу тряпкой.

— Ну вот, теперь милости просим, прошу садиться, — я показал гостю на лавку и сам тоже плюхнулся напротив него.

Безруков сел, положив портфель перед собой на стол, и сразу приступил к делу:

— Я к Вам по поводу снегохода.

Ах вот оно что! Что-то с похмелья сразу и не сообразил, а ведь должен был сразу догадаться. Я ведь, когда после демобилизации с финской понял, что не успею закончить техникум до начала Великой Отечественной войны, немного подумав, перешел на план «Б». Можно же было стать инженером-конструктором, даже и не имея диплома. Дегтярев, например, не имел соответствующего образования, да что там Дегтярев, сам Михаил Калашников и тот институты да техникумы не заканчивал. Однако, поразмыслив, я решил не лезть в оружейную сферу — там моё иностранное происхождение могло сыграть негативную роль. А вот создать что-либо новое в области автотехники, попробовать стоило. После недолгих раздумий я остановился на снегоходе — вполне актуальное изобретение для страны, значительная часть которой по несколько месяцев в году лежит под снегом. Даже как-то странно, почему здесь никто до идеи создания снегохода не додумался. Хотя, это как раз понятно — в области техники Россия, а вслед за ней и СССР, в основном занимались копированием и приспособлением под себя иностранных изобретений, а когда русские умельцы умудрялись придумать что-то новое, вроде паровой машины Ползунова или самолёта Можайского, то это не вызывало должного интереса со стороны власти и деньги предержащих. Вот и снегоход современного мне типа был придуман в пятидесятых годах двадцатого века в США как машина для отдыха и развлечений, и лишь после того, как американцы убрали все детские болезни, в СССР тщательно изучив канадский «Бомбардье» сделали свой снегоход «Буран» который оказался высоко востребован уже не как игрушка, а в качестве удобного средства передвижения по необъятным заснеженным просторам нашей страны.

В моей родной Тюмени двадцать первого века снегоходы были довольно широко распространены, и, хотя мой отец и не был владельцем такой машины, предпочитая в качестве зимнего отдыха старые добрые лыжи, всё же у некоторых родственников и друзей снегоходы имелись и мне много раз на них доводилось кататься, помогать обслуживать и ремонтировать. Потому, бегая и ползая по заснеженным лесам Финляндии, я неоднократно вспоминал такое полезное и удобное детище американцев. И после возвращения в Горький, задумавшись о том, чего бы хорошего и полезного «изобрести», я в первую очередь вспомнил о снегоходах. Ну а после того, как определился с задачей, в течении полутора месяцев примерно по часу в день я тратил на создание проекта. Хотя то, что в результате получилось, правильнее было бы назвать схематическим описанием. Однако некоторые узлы были проработаны на мой взгляд довольно неплохо. Результат своих трудов я в конце мая направил в бюро новизны — это контора в СССР играла роль патентного органа. К проекту мною было приложено подробное описание задач, которые могут выполнять снегоходы как в армии, так и в народном хозяйстве. Зная о неповоротливости советской бюрократии, я надеялся хоть на какую-то реакцию от патентных властей в конце лета или осенью. При этом старался особо не тешить себя надеждами и среди суеты по поводу сдачи сессии, покупки дома и подготовки к свадьбе потихоньку обдумывал и другие варианты «изобретений».

Но вот сейчас, двадцать девятого июня тысяча девятьсот сорокового года передо мной сидит ведущий инженер автозавода Безруков, который приехал ко мне именно по поводу снегохода. Великолепно! Стараясь ничем не выдать охватившую меня радость, я сделал глоток вина из бутылки и переспросил:

— Можно поподробнее?

— Из наркомата прислали поручение сделать до первого октября действующий опытный образец снегохода и произвести испытания.

Услышав эту новость, я едва смог удержать каменное выражение лица. Где эти умники в сентябре собираются испытывать снегоход? Из какого дурдома они сбежали? Разумеется, я не стал задавать этих вопросов Безрукову, ведь наркомы — как правило верные сталинцы и сомнение в их компетенции может быть приравнено к антисоветской агитации. Хотя, вероятнее всего, нарком тут и не при чем, а решение принималось на более низком уровне без углубления в детали.

— Ну раз наркомат поручил, значит сделаем! — оптимистично ответил я, отсалютовав ему бутылкой, и перешел к делу, — Когда начинаем?

— Мы планируем приступить к работе с понедельника, но предварительно надо с Вами решить организационные вопросы, — Василий Лукич сделал паузу, задумчиво посмотрел на меня и продолжил, увидев, что я его внимательно слушаю, — Ваш проект весьма неплох, однако недостаточно детализирован, чтобы его можно было считать законченным изобретением, поэтому на него не может быть выдан патент, да и, кроме того, в случае выдачи патента, на правообладателя ложится обязанность самостоятельно реализовать проект, однако вряд ли у Вас есть возможности для доведения его до рабочего образца, — на этом Безруков замолчал, давая мне возможность высказаться.

— Но, я так понимаю, Вы пришли ко мне с готовым предложением? — не замедлил я с ответом, — Так что не тяните, выкладывайте.

— Так вот, завод предлагает сформировать коллектив разработчиков, куда вошел бы я, как руководитель проекта, Вы как автор получаете должность конструктора с соответствующим окладом, ещё один техник, два чертежника и три слесаря, ну и со стороны завода будет оказываться вся необходимая помощь производственно-техническим ресурсами.

И-да, похоже, меня хотят цивилизованно слегка ограбить, однако с другой стороны, моей главной целью было не обогащение (хотя материальный вопрос тоже немаловажен), а закрепление на заводе в должности, попадающей под бронь от призыва.

— Тут у меня возникает два вопроса. Во-первых, откуда я могу знать, что Вы, Василий Лукич, в состоянии потянуть это непростое дело, а во-вторых, меня интересует вопрос об авторском вознаграждении?

Безруков ничуть не смутился от моей прямолинейности, открыл портфель и протянул мне несколько листов с машинописным текстом и печатями.

— Вот, смотрите — я работал ведущим инженером на мотоциклетном производстве Подольского механического завода, так что сейчас на Горьковском автозаводе я единственный опытный специалист по мототехнике, потому руководство завода и решило меня привлечь к этому делу. Кроме того, у меня есть возможность достать десять форсированных подольских мотоциклетных двадцатичетырехсильных двигателей.

Вот, умеет человек найти подход! Когда я готовил проект снегохода, вопрос двигателя мне казался трудноразрешимым, я опасался, что придется создавать его с нуля, так как мотоциклетные были слабоваты, а автомобильные слишком тяжелы. А тут с ходу такой себе вполне неплохой вариант.

— Ну, с компетенцией вроде понятно, а как всё же насчет авторского вознаграждения?

— Нам с Вами по тридцать, а оставшиеся сорок процентов делятся между сотрудниками поровну.

— Мне сорок, а с Вас все организационные, технологические и снабженческие вопросы, — надо сразу показать твердость характера, а то на шею сядут.

— Договорились! — неожиданно быстро согласился Василий Лукич, что свидетельствовало о том, что я всё-таки продешевил, — В понедельник к девяти часам подходите в заводоуправление... кстати за Вами может на машине заехать?

— Да, это было бы неплохо!

Безруков достал из портфеля блокнот и сделал запись.

— Заеду в половине девятого, это пропуск, — он протянул мне листок с текстом и печатью, — Пока временный, а там оформим постоянный.

На этом Безруков откланялся, а я задумчиво отпил вина из бутылки. Хм, неплохо получается. Теперь надо сделать рабочий образец, наладить производство — и, глядишь, получится остаться на заводе. Может кто-то посчитает моё нежелание воевать трусостью, но если логически подумать, то на заводе от меня больше толка будет. Я ведь хорошо разбираюсь в машинах. Вы спросите, как я могу считать себя знатоком автомобилей, если я закончил университет по специальности «Организация туризма»? Отвечу. Начну с того, что у моего деда была древняя машина — «Жигули» шестой модели, которую он больше ремонтировал, чем эксплуатировал по прямому назначению, а так как у меня как и у большинства нормальных пацанов с детства была тяга к технике, то значительную часть своего свободного времени я пропадал в гараже у деда, на практике приобщаясь к ремонтно-

автомобильным премудростям. Так что годам к пятнадцати я уже хорошо разобрался в вазовских машинах, а в это время отец одного из моих друзей купил подержанный снегоход «Ямаха», после чего мне не только довелось на нем кататься, но принимать самое деятельное участие в ремонтах. Когда четырьмя года позже я по заданию ГРУ вступил в клуб реконструкторов, то оказалось, что он состоит в ассоциации с клубом ретроавтомобилей, чьи гаражи и ремонтные боксы были расположены по соседству. Владельцами раритетных автомобилей хотя и были в основном представители варшавской элиты и верхней части среднего класса, но тем не менее, это были весьма бережливые и расчетливые господа, которые умудрялись делать деньги буквально из воздуха, разрешая за деньги всем желающим поучаствовать в ремонте и техобслуживании своих автомобилей. Для Центра эти персонажи представляли определенный интерес, так как многие из них были неплохо осведомлены о различных аспектах как международной, так и внутренней польской политики и легко делились своими этими секретами в дружеских беседах во время промывки карбюратора, замены рулевой тяги и иных работ. Так что за пять лет я многократно пообщался практически со всеми членами автоклуба и неплохо изучил их раритетных железных коней. Причем и ремонтируя снегоход, и обслуживая ретроавтомобили, я старался изучать техническую литературу по этим вопросам. Разумеется, мои знания были несколько хаотичны, хотя и весьма обширны, но учеба в техникуме помогала мне их систематизировать, и я абсолютно уверен, что, работая на заводе, смогу предложить немало улучшений, как в конструкционном, так и технологическом плане. Кроме того, изучив передовые для двадцать первого века достижения управленческой науки, я способен внести положительный вклад и в сфере организации производства. А учитывая важность Горьковского автозавода для обороноспособности страны, то мой труд здесь принесет России гораздо больше пользы, чем на поле боя. Вот взять хотя бы эти снегоходы. Казалось бы, какой от них может быть толк? Однако, если вспомнить, что первые крупные победы в Великой Отечественной войне советская армия одержала именно зимой, то становится понятным, что принятие снегоходов на вооружение, может значительно улучшить результаты зимних кампаний РККА как в сорок первом, так и в сорок втором годах.

Тем временем, пока я раздумывал о своих перспективах, медленно попивая вино из бутылки, Болеслава проснулась, побренчала посудой на кухне и вскоре вынесла на стол две тарелки с яичницей — очень своевременно, надо сказать.

— Кто это был? — спросила красавица жена, прежде чем приступить к завтраку. По-русски спросила. Она вообще поразительно быстро выучила язык и теперь на великом и могучем разговаривала вполне прилично, лишь с небольшим акцентом.

— С автозавода инженер приезжал, в понедельник уже выхожу на работу.

— Понятно, — с грустью в голосе протянула она, и я был с ней в этой грусти полностью солидарен, ведь после того, как мы встретились в начале апреля, я был постоянно занят — догонял учебную программу, делал проект снегохода, занимался покупкой дома, а затем его ремонтом и обстановкой, вел секции по самбо, и мы всё это время мечтали о том, что после того, как я сдам сессию и мы поженимся, то какое-то время сможем отдохнуть от этой суеты, бездельничая и наслаждаясь друг другом. Но, как это со мной уже многократно бывало, хотя нет, наверно правильнее будет сказать — как всегда, реальность внесла свои грубые коррективы в мои планы.

— Да милая, мечты о спокойных каникулах летят к черту. Так что, было бы разумно, если бы ты не откладывала поездку во Львов.

Ну да, ей обязательно надо ехать. Во-первых, нужно забрать своего сына от первого брака. А то она сюда приехала, оставив Святослава у родителей, но теперь, когда здесь есть дом и достаток, было бы абсолютно неправильным и далее оставлять его там, да и видно было, как Болеслава страдает. Во-вторых надо убедить её родителей тоже переехать сюда. До войны остался год, а ведь ее мать еврейка, со всеми вытекающими последствиями. И с поездкой лучше не затягивать, потому как через месяц уже живот появится.

Супруга в молчаливом раздумье доела яичницу, потом отнесла пустые тарелки на кухню и вскоре принесла две чашки с кофе.

— Да, — наконец нарушила она молчанье, — сегодня же куплю билет.

— Вместе пойдем, купим на вечерний субботний, я вместе с тобой доеду до Москвы, в воскресенье посажу тебя на киевский поезд и к утру понедельника вернусь в Горький.

Болеслава в ответ на проявленную заботу благодарно посмотрела на меня своим лучистым взглядом, под волшебным воздействием которого я немедленно подошел к ней, поцеловал в губы, потом взял на руки и отнес в спальню. Как же я счастлив!

Через два часа мы всё же нашли в себе силы разомкнуть сладострастные объятия и, приведя себя в порядок, вышли из дома. До вокзала было недалеко — двадцать минут пешком в прогулочном темпе. Дальше пришлось в очереди за билетами стоять.

На следующий день я приехал в техникум на тренировку. Вообще, на лето я планировал устроить в секции каникулы, но после долгих уговоров все же пошёл навстречу спортсменам-энтузиастам, которые очень просили продолжать занятия.

Построив девушек, я подозвал к себе Лизу Большакову и приступил к объяснениям:

— Хоть самбо и расшифровывается как самооборона без оружия, но думаю не будет лишним изучить некоторые приемы ножевого боя, в первую очередь для того, чтобы научиться хорошо защищаться от противника, вооруженного ножом. Сегодня я Вам покажу как снимать часового стоящего на посту. Лиза, повернись спиной!

После того, как девушка выполнила команду, я скользящим шагом подкрался к ней сзади, левой рукой закрыл рот, а правой нанес удар резиновым иммитатором ножа под левую лопатку. Затем продолжил объяснения:

— Как видите, на первый взгляд ничего сложного, однако для удачного выполнения акции надо быть максимально внимательным к деталям. Во-первых, подходить надо точно сзади, иначе часовой может заметить движение, что называется «краем глаза», во-вторых единственное подходящее место для удара — это небольшая область спины под левой лопаткой, чтобы наверняка пробить сердце. Удар наносится правой рукой, поэтому нанося его, смещаемся влево и одновременно с захватом рта противника бьём так, чтобы лезвие прошло между ребрами. Сразу оговорюсь, что колоть спереди в грудь вот так, — я показал на Лизе неправильный прием, — Нельзя, так как у противника на груди может быть значок, медаль, ну или портсигар в нагрудном кармане, а резать горло неэффективно, так как в этом случае человек может прожить ещё несколько секунд, что в боевой обстановке значит очень много. Да и в крови испачкаетесь... Всё понятно? Тогда приступаем!

Далее в течении этой тренировки я показал девушкам ещё пару приемов с ножом, а также защиту от таких ударов. По окончании тренировки сообщил Лизе, чтобы распространила по своим каналам информацию о том, что я устроился на работу и с инструкторами смогу заниматься только в воскресенье после четырех часов.

* * *

В понедельник машина за мной подъехала чуть раньше, чем договаривались, но я уже был полностью собран и не заставил себя ждать. Выйдя к автомобилю, я обнаружил, что кроме Безрукова, который сидел за рулем, в салоне находится ещё два человека. Свободным оставалось только место на заднем сиденье справа, которое я и занял. Рядом со мной сидела русоволосая женщина среднего телосложения в возрасте лет тридцати пяти, которая первой протянула мне руку и представилась:

— Пастухова Мария Трофимовна.

— Очень приятно, Ковалев Андрей Иванович, — ответил я, пожав мягкую ладонь.

— Я знаю, Василий Лукич про Вас рассказал, — доброжелательно откликнулась собеседница, и показав взглядом на мужчину, сидящего на переднем сиденье, сообщила, — а это Сухарев Кондратий Петрович.

Тот тем временем слегка повернулся на своем месте, но не стал тянуть руку между сиденьями, а ограничился минимумом вежливости:

— Рад знакомству.

В течении нашей поездки выяснилось, что во-первых Мария Тимофеевна работает врачом-терапевтом в заводской поликлинике, а во-вторых, это очень общительная и разговорчивая особа. Прямо до колик в печенке разговорчивая.

По приезду мы с Безруковым направились в заводоуправление, где я тщательно прочитал и подписал документы. Далее он проводил меня в опытно-производственный цех, где познакомил с персоналом, после чего мы, посоветовавшись и определив планы, приступили к работе. Сроки наркомат нам определил жесткие, но на мой взгляд, вполне выполнимые. Снегоход — штука относительно простая, ненамного сложнее велосипеда. По большому счету, здесь только два сложных узла — двигатель и коробка передач. Двигатели, благодаря связям Безрукова, должны поступить на завод до конца недели — он сам за ними выезжает во вторник. А вот КПП придется делать с нуля. Мною уже в изначальном проекте была предложен вариатор на четырех конусах, однако Безруков, хотя и был восхищен изяществом конструкторского решения, всё же предложил сделать прототип ещё и с механической коробкой передач. Я согласился на это его предложение, так как у меня были сомнения, что на доступном мне заводском оборудовании можно сделать качественную автоматическую коробку — здесь очень важна точность обработки деталей. Определив задачи на ближайшее время, мы приступили к работе. На следующий день Василий Лукич уехал в Подольск за двигателями и всё руководство производственным процессом осталось на мне. Тут я столкнулся с тем, что в наш небольшой коллектив хоть и были подобраны относительно неплохие специалисты, но с производственной дисциплиной и инициативой у них было туго. Эти ребята были готовы ходить на перекур каждые полчаса, поставленную задачу делали медленно, с ленцой, а когда заканчивали какую-либо работу, то не спешили об этом сообщить, чтобы не получить новое поручение. Одним словом, все

дружно волюнили. Я как-то по-иному представлял себе советский пролетариат. Но жесткий контроль, командный опыт, полученный мною в Финляндии и демонстрация орденов сделали свое дело: к пятнице мне удалось заставить коллектив работать без моего ежеминутного контроля. А там и Безруков приехал, активно подключившись к делу. В субботу (рабочая неделя-то шестидневная!) мы с ним ещё раз обсудили наши планы и сошлись на том, что я концентрирую свои усилия в первую очередь на коробках передач, а на нём — все остальные агрегаты.

Вечером я вместе с Болеславой выехал в Москву. Там мы на метро добрались до Киевского вокзала, где в десять часов утра я посадил её на поезд до столицы Советской Украины и в расстроенных чувствах отправился бродить по московским рынкам, где к моему глубокому удовлетворению, смог купить то, что искал — сильно подержанную печатную машинку с дореволюционным шрифтом и пачку бумаги немецкого производства. Это были весьма значимые детали для выполнения ещё одного моего плана.

Изначально, попав в СССР, я имел довольно простые намерения — легализоваться, получить неплохой источник дохода и избежать участия в боевых действиях. Если говорить о доходе, то я частенько вспоминал о саквояже с золотишком, который зарыл неподалеку от Львова, однако сейчас дотянуться до него не было никакой возможности. Между Западной Украиной и СССР так и оставалась граница с паспортным контролем и досмотром, пересекать которую можно только при наличии специального разрешения, которое в общем получить несложно, вон Болеслава без проблем получила разрешение на выезд, надеюсь и на обратную дорогу получится в Киеве оформить. Но у меня статус особый, поэтому без шансов. Можно было бы дать координаты закладки Болеславе, но вдруг она засыпется при перевозке через границу? Мне любимая дороже всего золота мира. Кстати, те драгоценности, которые я отдал Болеславе перед расставанием под Немировом, она полностью привезла сюда, но там в основном были женские украшения, да и не в том количестве, чтобы вызвать у таможенников серьезные подозрения. Однако их оказалось вполне достаточно, чтобы поддержать наше благосостояние. Так что, как это ни печально, саквояжу скорее всего придется ждать меня до конца войны. В этой связи меня более всего бесило то, что там было полно иностранной валюты в бумажных банкнотах. Марки после войны станут макулатурой (а их там больше всего), франки и фунты сильно упадут в цене. Курва! Пся крев! И трехэтажный русский мат в придачу!

Ладно, кажется я отвлекся. Так вот, что касается печатной машинки. Изначально я не хотел сообщать о своих послезнаниях советским властям. Так спокойнее. Мне спокойнее. Я ведь знаю, что СССР всё-равно победит. Но пожив здесь, повоював плечом к плечу с советскими гражданами, я стал ощущать какую-то общность с окружающими меня людьми, можно даже сказать, что я полюбил тех простых и открытых людей, которые в большинстве своём окружали меня. Поэтому после возвращения с войны я стал обдумывать возможность письма Сталину, такого письма, чтобы не навредить ни себе, ни стране. А то и другое вполне возможно, если рубануть всю правду-матку. К примеру если написать про ядерное оружие и Сталин вдруг поверит в возможность его создания и бросит на это направление все силы, а в результате, по различным причинам бомбу сделать не смогут, истратив ресурсы которые были бы полезнее на других направлениях. Или, поверив в неизбежность войны, Сталин решит нанести превентивный удар, начнет концентрировать войска на границе, но немцы, получив об этом информацию, с учетом более развитой транспортной сети и лучшей организации, смогут быстрее сформировать ударные группы, а затем и разбить нашу армию в приграничном сражении за счет боевого опыта и лучшей тактики. В этом случае у СССР второго эшелона не останется и дорога на Москву будет открытой. И вот после долгих раздумий я решил написать в адрес руководства СССР от имени выдуманного белоэмигранта, который якобы получил доступ к военно-политическим секретам третьего рейха. Письма будут мною печататься на импортной бумаге с помощью машинки со старым шрифтом. Теперь вот ещё надо старую дореволюционную грамматику изучить. Разумеется, на этих приобретениях я не остановился (в кои-то веки в Белокаменную выбрался), купив на рынках по сумасшедшим ценам кофе, английский чай и кое-что из одежды.

По возвращении в Горький я впрягся в работу на полную катушку. Времени на раскачку нет совсем. Тут ведь оригинальная система мотивации — за невыполнение правительственного поручения могут и в саботаже обвинить, со всеми вытекающими последствиями. Эту тему я с Безруковым не обсуждал, но было видно, что он тоже понимает опасность затягивания сроков. Поэтому мы вдвоем и оставались каждый день, работая сверхурочно. Это у пролетариев восьмичасовой рабочий день, как положено, а нам, инженерам, о таком даже мечтать нельзя. Разумеется, на автозаводе мы такие были не одни. Тот же Сухарев выходил с завода вместе с нами около восьми вечера. Пастухова уезжала раньше, так она и не инженер.

Ну а через две недели я снова поехал в Москву, чтобы встретиться Болеславой. Мы ведь заранее условились, что две недели ей должно хватить на всё про всё и в воскресенье я буду ждать её на Киевском вокзале. Как и договаривались, она приехала на прямом Львовском. Стоя у торца прибывшего состава я издали увидел свою любимую. В легком до колен ситцевом платье без рукавов с полторагодовалым мальчиком на руках она шла летящей походкой вслед за носильщиком, как модель по подиуму, невольно притягивая взгляды всех окружающих мужчин. Но в этом людском потоке любимая смотрела только на меня своим чудесным лучистым взглядом. Когда

она приблизилась, я протянул руки, чтобы взять мальчика на руки — ей ведь нельзя долго нести тяжелое, но Святослав упёрся кулачками мне в грудь и захныкал. Болеслава тут же стала гладить ребенка и уговаривать, чтобы он согласился покататься на дяде Андрее. Пяток минут покапризничав, мальчик наконец успокоился, я взял свободной рукой чемодан и мы направились к стоянке такси, откуда вскоре добрались до Ярославского вокзала. Там получилось удачно купить билет на дневной поезд, так что к девяти вечера мы были уже в Горьком. Только оказавшись дома, Болеслава подробно рассказала про своих родственников, раньше мы об этом молчали, опасаясь посторонних ушей. Начала она с того, что марте этого года родителей её бывшего мужа Казимира арестовали. Те ведь жили во Львове, были дворянами, да ещё и его отец состоял в какой-то правой польской партии. Вообще странно, что они так долго на свободе протянули. А в апреле энкавэдэшники приходили и к ней домой. Но её родители показали тем справку о разводе, сказали что она уехала в СССР, адрес им неизвестен. Энкавэдэшники ушли и больше не появлялись. Кстати, я, кажется, об этом ранее не упоминал — развелась она ещё в октябре прошлого года. Оказалось, что мамин двоюродный брат дядя Миша сотрудничал с коммунистами ещё при поляках, вследствие чего при новой власти смог получить неплохую должность в городской управе. Он и поспособствовал разводу. Местонахождение Казимира было неизвестно, однако это не имело никакого значения, по одному её заявлению в тот же день внесли запись в ЗАГСе и выдали справку о разводе. Тот же дядя Миша помог ей оформить и разрешение на выезд в СССР. Так вот, возвращаясь к родственникам, родители Болеславы всё же поверили в то, что оставаться во Львове опасно и решились на переезд в Горький. Дело это небыстрое, там ведь надо продать дом, но они планируют за пару месяцев управиться. Так что скоро к нам приедет тёща. Даже не знаю, огорчаться или радоваться.

Ну да это всё дела житейские, для меня же первоочередной задачей было создание снегохода. А там всё пока было довольно сложно, работы с коробками переключения передач было невпроворот, но я, не впадая в уныние, упорно двигался к намеченной цели. Если по вариатору уже приступили к изготовлению деталей (он ведь к началу работ был у меня уже спроектирован), то по механической коробке пока ещё была стадия расчетов. Но дело шло и в середине августа мы поставили на стендовые испытания вариатор, который в целом показал неплохие результаты, однако Безруков высказался о нем довольно скептически.

— Ремень рвет через семьсот-восемьсот километров пробега, так никакой резины не напасешься. И это ещё на стенде, а при эксплуатации в реальных условиях хорошо если пятьсот километров вытянет. Так на одних ремнях разоримся!

— Пеньковое армирование никуда не годится. Надо попробовать другие варианты, шелк, например, и сделать ремень многослойным.

— Ты хоть представляешь сколько такой ремень будет стоить? Допустим, протянет он две тысячи километров, а стоить будет раз в десять дороже пенькового.

Да, гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Похоже, несовершенство современных технологий ставит крест на вариаторе. Где же вы, высокопрочные синтетические волокна? Да, ЗДЕСЬ вам не ТАМ.

— Ну, в любом случае, хотя бы один экземпляр с автоматикой надо собрать, покажем, что не зря хлеб ели. А механическая коробка будет через неделю готова, но я опасуюсь, что при отключении сцепления, замедление будет слишком быстрым.

— Ты уже говорил об этом. Думаю надо поставить маховики вот тут, — Василий Лукич ткнул карандашом в лежащий перед нами на столе чертеж, — Инерция увеличится.

— Хм, а это вариант, — согласился я с ним, немного поразмыслив, — Набор скорости замедлится, но зато нам будет что показать наркомату. Надо изготовить маховики разных размеров, чтобы подобрать оптимальный вариант на испытаниях.

Да, проблем при создании снегохода хватало, но как бы то ни было, работая с Безруковым рука об руку в состоянии перманентного аврала, к двадцатому сентября мы изготовили четыре прототипа — один с автоматической коробкой, и три с механикой с различными вариантами ходовой части. А двадцать первого Безруков отправил в наркомат телеграмму, что образцы изготовлены, но из-за отсутствия снега нет возможности провести ходовые испытания. Так-то мы немного погоняли по траве на пойменном лугу, чтобы убедиться, что машины едут, но эти покатушки к делу не пришьёшь, хотя оптимизма они нам добавили.

По причине того, что работа нашей группы встала на паузу, Безрукова и остальной персонал перекинули на другие участки работ, чтобы не бездельничали, а я взял на за заводе отпуск за свой счет и вернулся к занятиям в техникуме. А то в этом учебном году я был там всего один раз — первого сентября, когда сообщил директору, что ходить на занятия нет возможности. Тот уже знал, что я работаю на автозаводе, и к моим прогулам отнесся с пониманием, тем более что ранее мной уже было показано, как быстро я могу догнать учебную программу.

Дома у меня в это время был настоящий бедлам — семья Болеславы приехала в начале сентября, и не только родители с младшим братом Михаилом, но ещё и дядя Абрам из Немирова с женой и двумя младшими дочками. Он как-то быстро поверил, что евреям опасно оставаться рядом с немецкой границей. Успел насмотреться на

уберменшей за те десять дней, что фашисты хозяйничали в Немирове. Так что мой дом временно превратился в хостел, даже баня в качестве жилья используется. Но ничего, родители жены уже присмотрели себе дом в паре километров от нас. Дядя Абрам пока в активном поиске, но надеюсь, тоже скоро съедет.

По причине перенаселенности я старался как можно больше времени проводить в техникуме, домой только ночевать приходил. Памятуя о быстротечности времени, усиленно учился, догонял программу, кроме того, подробно обсуждал с преподавателями техникума снегоход, ведь многих из них эта новаторская идея очень заинтересовала. Дошло до того, что в воскресенье шестого октября я с группой преподавателей и директором техникума выехал на завод, где показал им готовые прототипы и погонял один образец на стенде. Обсуждение затянулось до самого вечера и ушли все в приподнятом настроении. Я гордился искренними похвалами и интересом со стороны преподавателей, а они радовались, что их ученик такую передовую шпуковину изобрел. Вариатор, несмотря на все его недостатки, привел моих наставников в неопишуемый восторг. И все единогласно решили, что надо, не посягая на моё авторство, заняться исследованиями на базе техникума.

В то же время появилась и новая напасть — на тренировку заявился Кошкин из горкома комсомола и с ходу заявил, что я должен, просто обязан, принять участие в чемпионате СССР по самбо, который состоится в конце ноября. Вот не было печали. Мне, вообще-то, выше крыши хватило награды за высокие результаты в стрельбе и лыжах. Эта награда называлась «увлекательная поездка на войну». Поэтому я аккуратно его отшил, сославшись на выполнение правительственного задания.

К началу октября мой дом, наконец, освободился от постояльцев и я смог заняться письмом с послезнаниями. В первом послании я написал о себе, представившись белым офицером-эмигрантом, переживающим судьбе Родины. «Скажу честно, я не питаю любви к большевикам и не представляю для себя возможным вернуться в коммунистическую Россию, но гитлеровская власть мне представляется куда более разрушающей для моей далекой Родины нежели коммунистическое правление. Получив доступ к военно-технической информации Германии...». Далее я подробно описал тактику и стратегию, применявшуюся вермахтом во французской кампании, штатные расписания частей и подразделений, описал технику и вооружение. Ну и про «Брандербург-800» упомянул. Пришлось, конечно, попотеть со старой грамматикой, но тут мне очень помог орфографический словарь 1910 года выпуска, купленный в букинистическом магазине. Письмо отпечатал в четырех экземплярах и спрятал в тайнике. Отправлять надо из Москвы, чтобы выглядело, будто этот доброжелатель передал его через дипломатов или торговых представителей.

За всеми этими заботами дождливый октябрь промелькнул как опавший лист, гонимый осенним ветром, а уже второго ноября весь день шел долгожданный снегопад, навалив полуметровые сугробы. Утром третьего числа, несмотря на воскресный день и непогоду, ко мне заявился Безруков. Стряхнув в сених снег с шапки и пальто, он не стал проходить в дом, а, поздоровавшись, потребовал, чтобы я немедленно одевался.

— Василий Лукич, что же Вы так спешите, никуда наши снегоходы не денутся, заходите, попьём чаю, да и поедем.

— Нет, нет Андрей Иванович, одевайтесь скорей. Я сегодня машину не смог завести, да она бы по этим сугробам и не прошла, сюда-то на трамвае добрался, а на автозавод придется паровозом ехать, он через полчаса отправляется!

Вот чёрт! Я немедленно бросился в дом, натянул на себя первую попавшуюся под руку одежду, сверху накинул пальто, впрыгнул в унты и, схватив шапку, выскочил на улицу.

— Идёмте, быстрым шагом должны успеть.

Да, с транспортом здесь серьёзные проблемы. Трамвайной линии до автозавода нет, изредка ходят автобусы, но если улицы и правда занесены снегом, то на них надеяться нельзя. Остаётся пригородный паровоз, который здесь выполняет роль электрички. Но ходит он по расписанию каждые два часа. Так что лучше не опаздывать. Исходя из этих соображений, мы с Безруковым устроили экстремальный забег по заснеженным тротуарам. Ну не то что бы бежали, если быть точным, мы быстро шли по колёно в снегу, а где-то и по уже натоптаным тропкам. У меня-то выносливость в норме, а коллеге туго пришлось. Спортом надо заниматься! Но как бы то ни было, на поезд мы успели и, заняв место, Безруков первым делом достал папиросу и закурил, блаженно закатив глаза. Вот что меня бесит, ГУТ курят все и везде, как будто так и надо. Сделав пару затяжек и отдышавшись, он продолжил разговор, начатый ещё у меня дома, на бегу-то нам не до болтовни было:

— Снегоходы никуда не денутся, тут ты, Андрей Иванович прав, а вот снег и стоять может. Ноябрьский снег весьма ненадежный. Сегодня минус десять, а завтра и плюс пять может быть. Поэтому нельзя терять ни минуты.

— Это да, время нельзя терять, — сидящий рядом со мной мужичок бесцеремонно влез в разговор, прикурил свою «беломорину» от папиросы Безрукова и, с показательным наслаждением затянувшись, продолжил, — А то я едва успел, как конь по вокзалу бежал, будь неладен этот снегопад! А опоздал бы на минуту, пришлось бы два часа ждать. Во как!..

Н-да в вагоне о делах не поговоришь, народ ведь тут простой, этикетам не обучен. А мужичок, назвавшийся

Кузьмой, оказался весьма разговорчивым и, не обращая внимания на вежливое игнорирование с нашей стороны, старательно скрашивал нашу дорожную скуку своими житейскими рассуждениями:

— ...А это ещё что молодежь-то удумала — чуть что сразу разводиться! У меня соседу ещё тридцати нет, так он уже третий раз женат. Вот я ему говорю: ты что это Миша, думаешь, что можешь найти бабу, у которой там как-то по другому устроено? — Эта незамысловатая шутка вызвала заметное оживление среди близидящих пассажиров, и Кузьма, воодушевившись проявленным вниманием, продолжил, — А он мне говорит, дескать, характер! Да какой-сякой характер? Дай ей пару крепких зуботычин, будет как шелковая!

На эту его эскападу с середины вагона откликнулся звонкий женский голос:

— Ишь, мракобес, что удумал — зуботычины! Да я такому скалкой всю дурь вместе с мозгами в два счета бы выбила!

После этой эмоциональной реплики большинство пассажиров с жаром подключилось к обсуждению современных нравов, по большей части выражая возмущение непристойным поведением молодежи.

* * *

Когда мы приехали на завод, то я с некоторым удивлением обнаружил, что несмотря на выходной день, здесь довольно много народа, в основном инженеры, но кое-где было видно и рабочих. Добравшись до опытного цеха, мы вывели на улицу два снегохода, завели их, и по заснеженным заводским улицам двинулись к проходной. Выехав за ворота, прибавили скорость и пронеслись мимо жилых многоквартирных домов в сторону ближайшего пустыря. Остановившись там, я увидел на лице Безрукова неподдельный восторг — да, такого удовольствия от скорости как на снегоходе, не испытываешь даже на мотоцикле. Душа буквально поет, когда под рев двигателя летишь по снежной равнине. Но холодно, однако. На скорости встречный ветер моментально выдувает тепло и мороз пробирает до костей. Как-то я во всей этой кутерьме забыл о необходимости специальной одежды, в модном пальто поехал испытания проводить, пижон одним словом.

— Вот что мы упустили с Вами, Василий Лукич, надо специальную теплую одежду — лучше всего подойдет костюм на меху, крытый кожей, как у летчиков.

— Это ты Андрей Иванович, правильно заметил, и главное своевременно, — с сарказмом согласился Безруков, растирая ладонью замерзшее лицо, — В самом лучшем случае, на все согласования уйдет недели две, это если получится на нашем авиазаводе договориться. А снег в любой момент может растаять, и за нарушение сроков, которые и так уже пропущены, нас по голове не погладят.

Н-да. Снег. Я осмотрелся по сторонам. Вокруг белым-бело и нет никаких намеков на скорую оттепель, но местным старожилам лучше доверять.

— Так может, хотя бы ватные костюмы...

— Согласен, — после короткого раздумья ответил инженер, — По крайней мере это лучше чем ничего. Возвращаемся на завод!

Мы сели на железных коней, дали по газам и вскоре вернулись на предприятие. Я остался в цеху и поставил кипятить чайник, чтобы согреться, а Безруков рванул на снегоходе добывать одежду. Не было его минут двадцать, как раз успела вскипеть вода. Коллега, как и обещал, где-то раздобыл ватные костюмы, но не новые, а хорошо поношенные, но подходящие по размерам. Попив горячего чаю, мы вновь отправились на пустырь и стали гонять машины на разных режимах. Вскоре на пустыре появились местные мальчишки, которые, несмотря на все наши просьбы не мешать, с восторженным улюлюканьем стали бегать вслед за снегоходами, потом подтянулись и взрослые, которые стояли в стороне и с интересом разглядывали и обсуждали между собой странные мотоциклы. К часу дня мы оба основательно замерзли и проголодались. Василий Лукич сообщил, что неподалеку есть хорошее кафе и мы направили туда своих железных коней. Оставив снегоходы у крыльца, мы вошли в просторный светлый зал, сдали одежду в гардеробе, сели за свободный столик, и пока не забыли подробностей, приступили к заполнению протокола испытаний. Вскоре подошла вежливая официантка и приняла заказ.

— А неплохо тут, — констатировал я, отведав щей с бараниной.

— Одно из лучших мест в городе, — согласился Безруков, — Его изначально создавали для американских инженеров, которые помогали завод строить, те давно уехали, а кафе вот осталось.

Сытно поев, мы оседлали снегоходы и, вернувшись на пустырь, продолжили испытания.

В понедельник к испытаниям подключились представители заводского конструкторского бюро, а во вторник на пустыре появились и преподаватели техникума. Неожиданно среди преподавателей увидел Смирнова, преподавателя химии. Казалось бы, это не его тема, но тот с интересом осмотрел машины, потом подошел ко мне:

— Коллеги сказали, что у вас проблемы с ремнем коробки передач?

— Да, рвется быстро, думаю пеньковое армирование для него слабовато.

— Да, пенька для таких нагрузок — слабый материал, но могут быть и другие причины. Вы ведь обычное трансмиссионное масло заливаете?

— Ну да, другого ведь нет!

— А в автомобильной коробке передач резины нет. Поэтому надо посмотреть, как это масло с резиной на химическом уровне взаимодействует. А так-то существуют методы повышения прочности и эластичности резины, которые могли бы значительно улучшить прочность ремня, но из-за дороговизны у нас такую резину не делают.

Ну а мне-то что с того, что методы вроде и есть, но фактически нет? Сомневаюсь, что в нынешних условиях вариатор примут в производство. А ведь такая хорошая идея была! Эх!

Смирнов, так и стоявший рядом со мной, после некоторой паузы продолжил, понизив голос:

— Я, собственно говоря, хотел бы с Вами ещё по одному делу поговорить, наверное этот вопрос даже более важный, — здесь он сделал паузу и осмотрелся, поблизости никого не было, все остальные устроили перекур чуть в стороне и что-то шумно обсуждали, кажется речь шла о ресурсе гусеницы, — Дело в том, что я родом из Мурома, и у меня обычно останавливаются родственники, приезжающие в Нижний по делам, — тут он практически перешёл на шепот, — Елена Викторовна родила в конце августа. Мальчик.

Нокаут. Я забыл как дышать, судорожно пытаюсь осмыслить услышанную информацию. Курва!.. Ничто не предвещало... Нет, ну как так-то?!.. А ведь как все было хорошо... Она ведь говорила... Пся крив!.. А что вообще делать?.. Болеслава на седьмом месяце... Нет, ну ведь Лена говорила!.. Так вот почему!.. Курва!..

Зачерпнув горсть снега, я растер лицо. Пиковая волна стресса быстро схлынула и вскоре я смог вернуться в реальность. Смирнов, прочитав по моему лицу эмоциональную реакцию, отошел в сторону, остальные коллеги, похоже, не успели заметить мой кратковременный нервный срыв. Что-то хромает у меня стрессоустойчивость, спокойнее надо быть, а там глядишь и само рассосется. Хотя нет, это не тот случай, не рассосётся. Ну Ленка, ну сука! Теперь понятно, что она из Горького свалила не из-за болезни матери, а в связи собственным положением. Ну вот кто бы мне ещё сказал, нахрена она это всё затеяла? Ну да ладно, правда ведь спешить некуда. Мальчик-то уже родился. Усилием воли я отодвинул мысли о Ленке и ребенке на второй план и постарался переключиться на работу. Получилось весьма посредственно. Однако в данный момент каких-то особых интеллектуальных или физических усилий от меня не требовалось. Испытания шли своим ходом, желающих наматывать круги на снегоходах было более чем достаточно. Статистику взял на себя Безруков, так что я вообще мог ничего не делать. Хотя, всё-же надо было показывать своё деятельное участие, чем я и занялся — накрутил десяток кругов по пустырю на первой передаче. Отметил в протоколе испытаний появившиеся шумы в КПП, поговорил с заводскими инженерами и преподавателями об особенностях рулевого управления — дескать, попытка сэкономить, оставив одну лыжу вместо двух, выйдет боком. Ну и дальше в том же духе.

По приходу домой выпил стакан водки, чтобы не утонуть в рефлексиях, а перед сном добавил. Супруге объяснил, что устал и надо снять стресс. Поэтому выспался хорошо, и с утра проблема Лены и ребенка более не казалась такой глобальной и нерешаемой как вчера.

Сегодня мы испытывали возможность буксировки саней с грузом. Здесь посыпались проблемы. При расчетах изначально неправильно оценили силу трения, что сейчас приводило сбоям в работе машин. На одном снегоходе КПП заклинило, два других вообще не тянули прицеп с тонной груза на третьей и четвертой передачах, лишь машина с вариатором без каких-либо сложностей таскала сани, груженные ребятей. И детворе развлечение и нам проще, когда груз сам садится в прицеп и покидает его. После обеда я сообразил, что было бы неплохо сохранить для потомков этот исторический момент, съездил до ближайшего фотоателье и привез фотографа. Моя идея всем присутствующим пришлась по душе и оставшиеся три часа светлого времени были для испытаний потеряны. Фотограф трудился не покладая рук, все участники испытаний стремились запечатлеться по одному и группами, верхом на снегоходе и стоя рядом, одетыми в ватник и раздевшись до костюма. Н-да, в этом времени любителей селфи тоже предостаточно, однако каждый кадр стоит немалых денег, особо не разгонишься.

Седьмого ноября, разумеется, мы не работали, праздник ведь. Я пошел на торжественную демонстрацию вместе с коллективом техникума, хотя Безруков и предлагал идти с заводчанами. И на банкет пришлось остаться, а то ведь не поймут, скажут оторвался от коллектива. Но, слава Богу, на этот раз на мою девственность никто не покусился и я в лёгком подпитии без проблем добрался домой.

А на следующий день сильно потеплело и за пару дней снег сошел, превратившись в труднопроходимые ручьи и лужи — как раз для таких ситуаций резиновые сапоги и придумали.

Тем временем мы занялись подготовкой к визиту в наркомат. Необходимо было представить результаты испытаний и определить первоочередные задачи. Хотя, если быть точным, был только один вопрос, требующий решения — проблемы, выявленные при движении с прицепами, но пути решения здесь были понятными — надо изменить передаточные числа в КПП с учётом результатов испытаний, снизив максимальную скорость снегохода. Можно было ещё поставить более мощный двигатель, но взять его было негде. Работу по пересчету коробки взяло на себя заводское конструкторское бюро, а я принялся за подготовку презентации. Это уж точно никто кроме меня сделать не сможет. ЗДЕСЬ искусство проведения презентаций находится пока в зачаточном состоянии. Я, разумеется, тоже не в состоянии показать в этом деле всё, на что способен, по причине отсутствия компьютерной техники, но даже на имеющейся базе должно получиться весьма недурно.

Для начала я поручил нашим слесарям, оставшимся почти без дела изготовить три модели снегохода высотой десять сантиметров и пообещал каждому по тридцать рублей премии от себя лично. Мужики воодушевились и с головой ушли в работу. Далее я отправился к фотографу, который работал с нами на пустыре и за два дня мы с ним сделали вполне приличный диафильм. Оставшееся до отъезда в Москву время я рисовал плакаты на ватмане (так-то художник из меня плохой, но там были графики, например, расход топлива в зависимости от скорости), совместно с Безруковым написал и отдал в машбюро текстовый доклад, в общем, занимался чисто бумажной работой.

Утром понедельника 18 ноября мы с Безруковым сели на утренний московский поезд, заняли двухместное купе и зарылись в бумаги, проверяя их по десятому разу и проговаривая наши выступления. Вечером мы приехали в Первопрестольную и были неприятно удивлены тому что в ведомственной гостинице, несмотря на заранее сделанную бронь, мест не было. Пятидесятилетняя женщина, занимавшая должность дежурного администратора, полистав журнал, подтвердила — да, бронь была, но так получилось, что командировочные со всего Союза забронировали больше мест, чем есть в наличии. Все койки заняты, приходите через неделю. Хорошее начало поездки.

В расстроенных чувствах мы с Безруковым вышли на улицу, встретившую нас влажным промозглым ветром. Стоя на крыльце, мы в нецензурной форме высказали безучастным московским просторам все, что думаем о сложившейся ситуации и с чемоданами в руках уныло побрели прямо по тротуару. Через пять минут бесцельного движения я увидел вывеску «Столовая» и предложил коллеге зайти, чтобы поесть и подумать о решении проблемы. Конечно, кафе или ресторан было бы предпочтительнее, но где его сейчас искать? Зайдя внутрь, мы сдали пальто и, получив номерок, я без всякой надежды спросил у старухи-гардеробщицы:

— Бабуль, а Вы случаем не знаете, тут поблизости никто не сдаст комнату для двух командировочных инженеров?

Бабка подозрительно осмотрела нас обоих, зафиксировала взглядом ордена у меня на пиджаке и удостоила ответом:

— У Люськи Беловой на раздаче спроси.

Окрыленные надеждой, мы прошли в зал, густо пропахший неаппетитными столовскими ароматами, встали в конец небольшой очереди и вскоре приблизились к раздаче, на которой хозяйничали две дородные женщины. Попросив положить котлету с макаронами, я поинтересовался:

— Как бы мне с Люсей Беловой поговорить?

Ближняя ко мне женщина иронично ответила:

— Говорите и Вас услышат.

— Нам бы с коллегой комнату снять.

— Садитесь за стол, я подойду.

Заняв столик у окна, мы с Безруковым приступили к трапезе. Н-да, довольно поганенько. Такое впечатление, что они котлеты делали из сухожилий и жарили на машинном масле. Макароны жутко переварены, но хоть не просятся обратно. Из всего взятого только компот относительно приличный.

Люся подошла через пять минут, усмехнулась, глядя как я отодвинул от себя почти полную тарелку, и без предисловий спросила:

— Что, в наркоматовской гостинице завернули?

— Ага, даже бронь не помогла.

— Да там всегда так! — согласилась она и перешла к делу, — У меня сейчас постояльцы, у соседей в одной комнате с хозяевами могут постелить на полу, три рубля за ночь и есть ещё комната у тети Глаши, но она дорого берёт — двенадцать за сутки.

Ох, ни хрена себе цены! В гостинице мы бы по полтора рубля заплатили. Однако выбирать не приходится и я, переглянувшись с коллегой, спросил, как пройти до тети Глаши.

В общем, ночлег мы нашли и вполне неплохо выспались, а утром отправились в наркомат, где был заранее согласован прием у заместителя наркома Прохорова в десять утра. Пришли мы сильно заранее, отметились у секретарши и практически сразу были приглашены в кабинет, минут на двадцать раньше назначенного времени. Прохоров занимал весьма недурственный просторный кабинет, отделанный в лучших традициях сталинского ампира. Указав на стулья напротив себя, он немедленно перешёл от слов к делу:

— Ну показывайте, что там у Вас?

Я выставил на стол перед ним модель снегохода, которую он тут же взял в руки и стал вертеть, разглядывая со всех сторон.

— Что-то вроде гусеничного мотоцикла с лыжами вместо переднего колеса, — веско высказал он очевидную мысль и перешел к разглядыванию фотографий.

Затем он без особого внимания пролистал протоколы испытаний и произнес:

— Я смотрю, этот ваш снегоход ездит, что уже очень неплохо. Завтра у нас будет плановое совещание совместно с представителями НКО, включим туда и вашу машину.

После этих слов Прохоров нажал на столе кнопку, в кабинет зашла секретарша, обращаясь к которой, он сказал:

— Людочка, поставь этот вопрос в завтрашнее совещание с военными.

Далее он кивком показал, что аудиенция окончена и мы с Безруковым вышли вслед за секретаршей, которая сев за стол в приемной записала наши данные и краткие сведения о снегоходе.

— Приходите завтра к девяти утра, но, возможно, Вам придется долго ждать, пока доберутся до этого пункта.

— Большое спасибо, но у меня есть вопрос: там будет возможность показать диафильм?

— Не знаю, но завтра Вам сообщу.

— Позвольте ещё спросить, где тут у вас можно поесть?

— На первом этаже есть наша наркоматовская столовая.

— Ещё раз спасибо, — на этом мы вежливо распрощались и направились на первый этаж искать местное заведение общепита, ведь сегодня мы ещё совсем не ели.

В найденной по указанному адресу ведомственной столовой кормили не в пример лучше, чем во вчерашней забегаловке, и я с удовольствием покушал блинчиками с творогом. Хорошо!

За завтраком Безруков сообщил, что в этом здании работает его старый знакомый, к которому он хочет зайти поговорить. Я понял тонкий намек и сказал, что пойду прогуляюсь по городу. Удобно получилось, а то я всё думал, как бы мне вежливо освободиться от его компании, ведь у меня в портфеле лежали конверты с одинаковым содержанием предназначенные для четырех адресатов — Сталина, Берии, Тимошенко и Мерецкова. Расставшись с коллегой, я сел на трамвай и в течении двух часов бросил письма в разные почтовые ящики. Так надежней. Потом с чувством выполненного долга погулял по центральной части Москвы, с интересом разглядывая дома, людей и автомобили. Дорого и вкусно пообедал в ресторане со странным названием «Коммунист». После чего купил газеты и сел в трамвай, чтобы ехать на комнату к тете Глаше. Однако, проехав пару остановок, услышал, как две девушки обсуждают балет «Лебединое озеро». Хм, а это идея, надо бы посмотреть главную местную достопримечательность! Приняв это решение, я вклинился в разговор девушек:

— Прошу извинить меня за бесцеремонность, я приезжий, услышал, вы про «Лебединое озеро» говорите, может подскажете, как мне до Большого театра добраться?

Девушки оказались весьма дружелюбными и дали мне подробное объяснение. Оказывается, надо было ехать в другую сторону. Поблагодарив, я вышел на ближайшей остановке, пересел на встречный трамвай и через полчаса добрался до Большого театра. Ознакомившись с расписанием спектаклей, я понял, что посмотреть «Лебединое озеро» у меня не получится, этот балет будет только в субботу, а сегодня дают оперу «Иван Сусанин», ну что же, хоть так приобщимся к прекрасному. Купив билет, я вновь отправился бродить по московским улочкам, перекусил в кафе и за пятнадцать минут до начала спектакля пришел в театр. Убранство и внутренняя архитектура помещений произвели на меня большое впечатление, а вот опера не зашла. Видимо, я недостаточно культурно развит для понимания столь высокого искусства.

На следующий день мы с Безруковым, как и было договорено, пришли в наркомат к девяти часам и заняли один из диванов в приемной. Кроме нас здесь еще было восемь человек, ожидавших вызова. Первый из

ожидавших вошел в кабинет примерно в половине десятого. Нас с Безруковым пригласили ближе к одиннадцати часам. В кабинете, кроме заместителя наркома находилось ещё четверо гражданских и три военных — генерал-лейтенант, полковник и старший лейтенант.

— Здравствуйте, садитесь! — Прохоров рукой указал на стулья с торца стола и обратился к собравшимся, — Вот, знакомьтесь, конструкторы с горьковского автозавода, создатели снегохода мотоциклетного типа — вещь вроде бы простая, но раньше никто не додумался, а вот товарищ Ковалев, геройски повоював в Финляндии, придумал, как можно быстро ездить по снегу и сам, с нашей помощью на горьковском автозаводе, эту идею реализовал, — он выставил на середину стола модель снегохода, — просто и эффективно!

Генерал взял модель и стал вертеть её в руках, а Прохоров продолжил:

— Мы приготовили диафильм об испытаниях, сейчас товарищ Ковалев его покажет, Миша, займись!

Молодой парень, сидевший с краю, подскочил со стула как на пружине, задернул шторы на окнах, достал из шкафа диапроектор и поставил его рядом со мной, наведя на большой лист ватмана, висевший на стене. Я дал ему пленку, которую он вставил в аппарат, после чего выключил свет.

— Всего нашей опытно-конструкторской группой было собрано четыре снегохода... — начал я, когда на экране появился первый кадр.

После завершения просмотра, первый вопрос задал генерал:

— А что там по стоимости?

— При мелкосерийном производстве, это до пятидесяти штук в месяц, стоимость составит около одиннадцати тысяч рублей, а при увеличении выпуска хотя бы до пятисот штук в месяц, эта сумма может быть снижена до шести-семи тысяч, — Безруков, который был ответственен за бухгалтерию, дал максимально полный ответ.

— Насколько я понял, снегоход может использоваться только зимой, а летом это будет ненужный балласт, — продолжил прения генерал.

— Да, это машина исключительно для движения по снегу, хотя летом на небольшой скорости может передвигаться по влажному грунту или по траве, но это нецелесообразно, — тут уже я вступил в разговор, чтобы ответить на самый ожидаемый мною вопрос, — Однако недавние боевые действия в Финляндии показали, что обычная техника зимой в местности с неразвитой дорожной сетью, также становится балластом, а у нас страна большая, подобные области есть и на северо-западе СССР, и на востоке, причем они расположены в приграничных областях с враждебно настроенными соседями.

В ответ на мои слова полковник согласно кивнул, а генерал нахмурился.

Далее посыпались вопросы уже технического характера от полковника и сотрудников наркомата. Здесь мне пригодились заранее заготовленные плакаты на эту тему. Всего обсуждение заняло около часа и мы с Безруковым вышли из кабинета вымотанными, как будто разгружали баржу, но не руками, а мозгами и нервами.

В приемной секретарша сообщила, что нам будет нужно подойти в пятницу к одиннадцати часам, чтобы узнать итоги совещания по нашему вопросу. Передохнув минут пятнадцать на диване, я осведомился у коллеги:

— Какие планы, Василий Лукич? Я вчера тут неподалеку пообедал в ресторане под названием «Коммунист», знаете ли, весьма неплохая кухня.

— Хм, хорошая идея! Но позволь немного поправить. На улице Горького есть прекрасный ресторан «Арагви», меня туда не пустят, но вместе с тобой, — он многозначительно указал взглядом на орден, — пообедать сможем.

Ну что сказать? Ресторан оказался роскошным, с прекрасной кавказской кухней и тщательным фейс-контролем, преодолеть который помогли лишь мои ордена. А так-то мы рожами для таких ресторанов не вышли.

На следующий день Безруков отправился по магазинам и рынкам со списком покупок от своей супруги, а я остался в комнате, погрузившись в чтение томика Герберта Уэлса, который, по всей видимости, здесь забыл кто-то из предыдущих постояльцев.

Когда в пятницу мы прибыли в наркомат, секретарша нас перенаправила в кабинет помощнику заместителя наркома Куприянову Федору Кузмичу, который так же присутствовал на позавчерашнем совещании. Куприянов встретил нас радушно, поздоровался за руку и усадив за стол напротив себя, перешел к делу:

— Сколько времени надо, чтобы произвести пятьдесят снегоходов?

После короткой паузы Безруков ответил:

— Что касается нашей части работы, то за два месяца должны сделать, при условии полной поддержки руководства нашего завода, но двигатели мы использовали Подольского производства, а там станки демонтированы и вывезены сюда на велозавод. Я со склада последние десять штук вывез, сейчас есть запас шесть штук и всё. Техдокументация на двигатели есть, при наличии станков, можно за пару недель наладить производство.

— Сейчас узнаем! — Куприянов поднял трубку телефона, стоявшего у него на столе и произнес, — Петр пятьсот двадцать девять соедините!.. Федор Михайлович! Это Куприянов. Как там у вас дела с монтажом оборудования с подольского завода?.. Ага, получается, пока станки простаивают! Значит, будет Вам скоро

подработка! В понедельник направьте ко мне начальника цеха, где эти станки стоят, а лучше, чтобы и Вы тоже подъехали, надо срочно наладить выпуск двигателей от старого подольского мотоцикла... Да, это очень срочно!

Положив трубку, Куприянов, устало потерев лоб, обратился к нам:

— Значит так: как можно скорей выпускаете оставшиеся шесть снегоходов на имеющихся моторах, велозавод я беру на себя, двигатели будут. И, давайте, не затягивайте. Военные заинтересовались машиной, однако этой зимой надо успеть провести полноценные войсковые испытания!

Когда мы вышли из наркомата, Безруков остановился на крыльце, закурил папиросу и, глядя в туманную перспективу ноябрьской московской улицы, спросил:

— Ты в Нижний не торопишься? А то у меня здесь ещё дела есть, командировка-то у нас до воскресенья оформлена.

— Вообще-то, не очень, — ответил я после некоторой паузы, прикинув транспортные возможности и наличие свободного времени, — Надо заехать... В Вологду... К родне... Так что идею о возвращении в воскресенье поддерживаю. Ты как себе билет на поезд купишь, на меня тоже возьми, — я протянул ему десятку, — Чтобы проще отчитаться было.

— Да брось, у соседей по купе возьму, кто не командировочный, — отказался он от денег и мы пошли по улице, обсуждая планы работ по снегоходам.

Вскоре мы расстались, он пошел к трамвайной остановке, а я к станции метро, чтобы добраться до Ярославского вокзала. Там я взял билет до Мурома на вечер, потом прогулялся по рынку, купил несколько комплектов ползунков, детское пуховое одеяльце и пару погремушек.

Поезд в Муром пришел в половине шестого утра, поэтому чтобы не ломиться в гости на рассвете, я уселся с газетой в зале ожидания, да так и просидел больше трех часов, безуспешно пытаясь сосредоточиться на смысле статей. Когда часы показали девять, я решил, что пора идти и направился на привокзальную площадь, где взмахом руки подозвал к себе извозчика. Сев в бричку, сказал тому, чтобы вез на Овражную. Лена в разговорах о своем детстве несколько раз упоминала название улицы, а вот номер дома был мне неизвестен, ну так улица не бог весть какая большая, найду! Отъехав от вокзала, пожилой извозчик спросил:

— А дом-то какой?

— Номер не знаю, там Пономарева Елена живет.

— Найдем, не извольте волноваться! А Вы видать, давно в Муроме не были?

— Вообще не был.

— А, ну понятно, а то Овражную уж лет десять как Октябрьской называют.

Минут через десять извозчик остановился, увидев идущую по улице женщину средних лет.

— Эй, гражданочка! Не подскажите где тут Пономарева Елена живет?

Женщина на минуту задумалась, но довольно быстро переспросила:

— Эта потаскуха, что ль? — И, не дожидаясь ответа, махнула в руку, — Она четвертый дом по левую сторону! — но на этом не остановилась и требовательно спросила, — А вам она зачем?

— Надо! — коротко ответил извозчик, тронул бричку, и, отъехав о женщины, сказал, обернувшись ко мне, — Ага, вот теперь понял, кто эта Пономарева.

Ну да, сразу же всё ясно!

Выйдя из брички, я немного постоял у нужного дома, собираясь с духом, и постучал в калитку. Из собачей будки высунулась лохматая голова и двор огласился залившимся лаем. Через минуту из дома выглянула полноватая женщина лет пятидесяти и, оглядев сначала меня, потом улицу, неприветливо спросила:

— Че надо?

— Мне бы Елену Викторовну увидеть.

Хозяйка что-то нечленораздельно пробормотала под нос и скрылась в доме. Вскоре на окне колыхнулась занавеска, а ещё через минуту в полушубке, накинутом поверх домашнего платья, на крыльцо вышла Елена и, с ярко выраженным удивлением спросила:

— Андрей? Ты как тут?

— Может в дом пригласишь, по старой дружбе, а то ведь не май месяц!

Бывшая любовница испуганно замотала головой:

— Нет, не могу...

— Да ладно, Лен, всё знаю, или ты думаешь, что я просто так приехал?

Женщина пронзительно взглянула на меня и произнесла, жестом указывая на открытую дверь:

— Ну заходи, раз так.

Проводив на меня в горницу, она, усадив меня за стол, села напротив и, глядя мне в глаза сказала:

— Я тебя не обманывала, когда говорила, что бесплодна. Врачи об этом уверенно говорили, да я и много раз пыталась с другими мужчинами. Ты не представляешь как ужасно это осознавать. Наверное, ты какой-то

особенный, я всегда это чувствовала... — она немного помолчала, потом неожиданно спросила, — Можно мне прикоснуться к тебе? — потом, не дожидаясь ответа, приблизилась и сев на скамейку рядом со мной, обняла, положив голову мне на плечо, и мне ничего не оставалось, как обнять её за талию.

— Я знаю, что ты женат, но мне ничего от тебя не надо, я смогу сама воспитать сына, — продолжила она, — Надеюсь скрыть от тебя, но для этого, наверное, надо было ехать куда-нибудь на необитаемый остров... С деньгами у меня всё нормально, работаю учительницей, скоро на работу выходить.

— Ну нет, — возразил я ей, — я привез тебе деньги, посиди дома подольше, занимайся ребенком, и давай уж, покажи моего первенца...

* * *

Когда я вернулся в Горький воскресным утром, меня буквально разрывали противоречивые эмоции — я залился на Лену и чувствовал вину перед ней, меня терзало чувство вины перед Ванечкой, я чувствовал вину перед Болеславой, злость по отношению к себе и на столь драматические обстоятельства. Обиднее всего было осознавать, что во всех проблемах виноват в первую очередь я сам. Что-то я с этими бабами сам стал какой-то чувствительный. Да ещё Болеслава тут вся из себя любящая и заботливая.

Чтобы отвлечься от терзающих душу размышлений, я было уселся за составление нового письма Сталину. Надо было написать о том, что Гитлер окончательно отказался от планов завоевания Англии в пользу нападения на СССР. Написал два листа черновых набросков, перечитал. Неубедительно. Порвал и сжег в бане.

Необходимость ехать на тренировки в техникум стала спасением для моей истерзанной души и в полдень я вышел из дома.

— Равняйся! Смирно! — девушки дисциплинированно застыли в строю, выпятив грудь вперед. Да, есть на что посмотреть, особенно у Дементьевой. Не зря на неё Тихонов переключился.

— Вольно! Итак товарищи спортсменки, здесь мы занимаемся боевым самбо. А кто из вас знает, когда в реальном бою может понадобиться бойцу знание рукопашного боя? — спросил я девушек и увидев, что одна из них сразу подняла руку, разрешил ответить, — Захарова, слушаем Вас!

— Ну, в разведке, например, — ответила стройная блондинка по-кукольному хлопнув ресницами.

— Неправильно! В разведке боя быть не должно, если только это не разведка боем. А в бою знание самбо понадобится, если солдат умудрится утратить винтовку со штыком, малую лопату, ремень и каску, и кроме, того, ему ещё должен встретиться такой же бестолковый противник.

Девушки в строю оживились от бородатой для меня шутки, а я продолжил:

— Поэтому, учитывая, что мы не просто занимаемся спортом, а, как я это уже многократно говорил, изучаем самбо в том числе и для защиты нашей Родины в случае возникновения такой необходимости, то сегодня займемся изучением приемов с применением малой пехотной лопаты, — я показал девушкам макет — вырезанный из отработанной резиновой покрышки кусок резины, прикрепленный к деревянному черенку, и продолжил, — Эту лопату часто ошибочно называют саперной, хотя она именно пехотная, так как должна быть у каждого пехотинца. Ещё нам понадобятся деревянные макеты винтовок, я указал на составленные в углу грубые поделки, сделанные студентами техникума по моей инициативе, — Делимся на пары, одна спортсменка берёт ружьё, другая — лопату и... — я замялся, выбирая, на ком из девушек показать прием, — Захарова подойди ко мне с этой палкой, наноси штыковой удар... — Девушка заученным на допризывной подготовке движением сделала выпад, попытавшись деревяшкой ударить меня в живот, но я сделал скользкий шаг влево, отвел черенком псевдоружьё в сторону и нанес удар резиновым полотном в шею, поймав её на встречном движении. — Вот так! Теперь давай медленно, следим за ногами... Ещё раз...

Показав прием ещё пару раз с разбором движений, дал команду приступить к отработке. Через полчаса показал приемы лопатой против ножа и ножом против лопаты.

После девушек пришли студенты, потом парни из клуба железнодорожников, которые уже стали тренерами и самостоятельно вели секции. Позанимался с ними подольше и провел два пятиминутных спарринга с лучшими. Навтыкал обоим, но парни крепкие, держались хорошо, обошлось без нокаутов.

Хорошо нагрузился, отвлекся от рефлексий.

На следующее утро за мной как обычно заехал Безруков и, по прибытии на завод, мы с ходу врубались в заботы по выполнению заказа на снегоходы. Василий Лукич выбил ещё четыре ставки ставки слесарей, сформировал заявки на комплектующие, продолжил хлопотать насчет летних костюмов, а я контролировал рабочих и сам до конца дня собрал коробку передач, проверив её на стенде.

Вторник мы с Безруковым начали с производственного совещания в узком кругу.

— Производство расширяется, — начал я разговор, — и ещё будет расширяться, поэтому надо усилить

разделение операций, я вчера посмотрел, у кого что лучше получается, поэтому давай сделаем так, — далее я перечислил кого на какие операции поставить, — А я буду осуществлять общее руководство и контроль, а то за ними глаз да глаз нужен, вот Князев, из новеньких, вчера шестеренку на ведущий валок хотел с другой стороны присобачить, а когда не получилось, потащил валок к сверлильному станку, чтобы дырки просверлить, не успея я углядеть, испортил бы в два счета. Да и вообще все работают как из-под палки, чуть что — перекур или просто передохнуть садятся.

— А давай проведем открытое комсомольское собрание нашего трудового коллектива! — выдвинул идею Безруков, — У нас ведь половина работников — комсомольцы, а остальные — сочувствующие.

Ну да, только попробуй тут не быть сочувствующим... Хотя идея небесполезная — маловероятно, что принесёт пользу, но в случае чего, факт проведения собрания может помочь отбрехаться — дескать, из кожи вон лезли, даже собрания проводили (и протокол у нас есть!), так что не саботажники мы и не вредители! Конечно, не факт, что поможет в случае серьезных проблем, но пренебрегать не стоит. Так что, поразмыслив, я с ним согласился:

— Хорошая идея! Надо бы связаться с местной комсомольской организацией, а то я на учете в техникуме состою, здесь ни с кем не знаком.

— А мне в заводоуправление сейчас надо идти, вот и зайду в комитет комсомола.

Ещё немного обсудив организационные и снабженческие вопросы, мы расстались — я направился в цех, а Безруков в заводоуправление.

Ну а на следующий день, в среду, мы провели собрание. Неожиданно для меня, наш небольшой коллектив почтил вниманием второй секретарь заводской комсомольской организации Михайлов Степан Петрович весьма крупная фигура даже в масштабах города и области. Он привел с собой и помощницу для ведения протокола.

Как положено, собрание начал Михайлов:

— Товарищи, собрание проводится по предложению товарища Ковалёва, как оказалось, в вашем трудовом коллективе есть некоторые проблемы, поэтому надо вместе всё обсудить и наметить пути решения. Предлагаю начать собрание и предоставить слово товарищу Ковалеву. Кто за? — посмотрев на поднятые руки, он подытожил, — Единогласно! Андрей Иванович, прошу!

Подчиняясь приглашению комсомольского функционера, я встал, осмотрел присутствующих и приступил:

— Товарищи комсомольцы и сочувствующие! В текущем и прошедшем годах наша родная Рабоче-Крестьянская Красная армия под руководством партии и товарища Сталина добилась огромных успехов в деле защиты нашей социалистической Родины! Освобождены от белополяков огромные территории на западе Украины и Белоруссии, дан жесткий отпор японским и белофинским наймитам мировой буржуазии! Но мы должны ясно осознавать, что враг ещё силен и не отказался от своих агрессивных планов задушить молодое советское государство! Мне в этом году довелось принять участие в боях против белофинов. Воевать пришлось в сложных условиях заснеженного бездорожья. Но как бы тяжело там ни было, мы одержали победу! Вот в тех холодных заснеженных лесах мне и пришла мысль о том, что нужны легкие снегоходы, которые смогли бы значительно повысить боевую мощь пехоты в подобных условиях. На дворе ведь двадцатый век и наша армия должна использовать все достижения технического прогресса, для того, чтобы максимально эффективно бить врагов. Именно для этих целей мною и был создан проект, а потом и опытные образцы снегохода. На прошедшей неделе правительством был одобрен выпуск опытной партии для войсковых испытаний, которые надо провести в течении нынешней, фактически уже начавшейся зимы. Вот тут и начинаются проблемы, ради обсуждения которых мы здесь собрались. Не буду сейчас говорить о конкретных лицах, но скажу прямо, не вижу я вашего желания работать, что называется огонька! Вроде все свои задачи делают, но как бы из под палки, при первой возможности и даже без таковой долгие перекуры. Мы вот с Василием Лукичем и в воскресенье работали и почти каждый день по два-три часа к рабочему дню прибавляем. От вас этого не требуется, надо лишь работать с желанием, не волынить, помогать насколько это возможно, нам и друг другу. А сейчас, нам надо в кратчайшие сроки сделать ещё шесть снегоходов, чтобы направить в армию на испытания. А потом ещё двадцать и тоже очень быстро, зима ждать не будет. И враг ждать не будет, каждый лишний перекур может стоить жизни наших солдат, если подлый враг осмелится напасть нашу Родину. У меня всё! — с этими словами я сел на место. Что-то я как-то излишне эмоционален. Хотел ведь просто спокойно произнести речь, заранее подготовленную мной в лучших традициях местной ораторской школы, но вот сам себя и распалил. Ну вот и нехрен! А то тут вертишься как белка в колесе, а эти ходят как сонный мухи. Тьфу, спокойнее!

Тем временем слово взял Михайлов:

— Вот, все слышали что сказал товарищ Ковалев, по большому счету мне и добавить нечего, но всё же скажу. Мне кажется зря Вы не стали указывать на лица, но для первого раза оставим этот вопрос в стороне. Как правило на работу в опытном цехе направляются наиболее квалифицированные рабочие, но как видно, надо подбирать еще и по другим качествам. Если ничего не изменится в ближайшие дни, то нужно будет проводить замены, и мы

сможем по рекомендациям цеховых комсомольских ячеек подобрать людей, которые будут работать с желанием, по-комсомольски! Хотя, возможно кто-то хочет выступить? Может товарищ Ковалев в чем-то не прав? Поднимай те руки, — он сделал паузу, осмотрел рабочих, которые сидели, дружно глядя в пол, — Смотрю желающих нет, но вот я ещё вот что подумал, — надо у Вас организовать комсомольскую ячейку, а то все комсомольцы продолжают числиться за теми цехами, откуда мы их перевели, упустили мы этот вопрос, вовремя не придали значения, а оно вот как повернулось. Товарищ Безруков, давайте рассмотрим возможность введения ещё одной рабочей должности, а мы вам хорошего активиста подберём, — Василий Лукич молча кивнул, и Михайлов продолжил, — Ну раз больше желающих нет, пока на этом остановимся, но я лично буду держать ваш цех на контроле, ваша работа очень важна для нашей Родины и прошу, чтобы каждый из работающих здесь, осознал это!

На этом собрание закончилось, Михайлов с помощницей ушел, а мы приступили к работе. Я занялся проверкой коробки передач, но через пятнадцать минут ко мне подошел набычившийся Харитон Токарев, самый старший (ему было тридцать четыре года) и авторитетный слесарь нашего небольшого цеха.

— Андрей Иванович, что же Вы так, сразу собрание? Могли просто сказать.

— Слушай, Харитон, ты что не помнишь сколько я говорил и уговаривал? Или мне надо было матом крыть? Так сами тогда и пожаловались бы на меня за неуважение к рабочему классу.

— Ну нет, не стали бы жаловаться, у нас все нормальные!

— Вы нормальные, ни хрена не понимаете, а начнете что-то соображать, когда будете сидеть в окопах, но тогда поздно будет! Сейчас вкалывать надо, сейчас! И хватит болтать, иди работай, — Как-то я утомился сегодня в эмоциональном плане, а тут ещё этот!

Однако, собрание дало некоторые результаты, хотя гибкая система материальной мотивации по принципам двадцать первого века была бы эффективнее, но кто же даст мне её здесь внедрить? Всё-таки как-то познергичнее стали работать, но надолго ли? Вечером мы с Безруковым опять остались сверхурочно и после шести к нам в цех пришла девушка. Можно сказать, знакомая — как звать не знаю, но часто видел в техникуме. Симпатичная, русоволосая, с женственной, но крепкой фигурой некрасовского типа.

— Здравствуйте, я Екатерина Рыбакова, меня Михайлов прислал! — представилась девушка звонким голосом.

— Зачем? — спросил я, слегка удивившись.

— Слесарем работать, ну и по комсомольской линии улучшить организацию. Вы не волнуйтесь, я четыре месяца на сборочном конвейере отработала без замечаний, мастер сказал и тут справлюсь, я ведь полтора года в автомобильном техникуме отучилась, в механике разбираюсь.

— А почему ушла?

— Замуж вышла, родила в мае, но с февраля мне уже тяжело стало учиться, пришлось пока бросить учебу, но в январе я восстановлюсь на вечернее.

— А ребенок как же? — удивительная история для меня, человека двадцать первого века, но да, я уже успел узнать, что здесь отпусков по уходу за ребенком длиной в полтора года не было.

— С бабушкой, даже с двумя.

— Ну раз так, то иди сюда, я коробку передач монтирую, давай подключайся.

Катя сразу подключилась к работе, разумеется, сегодня она в основном смотрела и подавала инструменты, но надеюсь, скоро сможет и сама сборкой заниматься.

Работали мы часов до восьми, после чего Безруков её также как и меня подвез до дома. На следующий день Катя уже полноценно работала в цеху, хотя сложных работ я ей ещё не доверял, при этом она успевала проконтролировать рабочих, чтобы много не курили и работали энергичней, то есть сняла часть нагрузки с моих плеч, при этом без всякой дополнительной оплаты. В воскресенье она также пришла поработать вместе со мной и Безруковым. Такой энтузиазм внушал уважение, особенно если учесть, что у неё дома маленький ребенок, поэтому я не стал в этот день загружать её работой по полной программе, а уделил пару часов только обучению. Да и работали мы в воскресенье лишь до трех часов.

На следующей неделе рабочие, всё ещё находившиеся под впечатлением собрания, продолжали работать в ускоренном темпе и к среде мы собрали все шесть оставшихся снегоходов, о чем с утра Безруков сначала телеграфировал в Москву, а потом и позвонил нашему куратору Куприянову. Тот принял информацию к сведению, сообщил, что на велозаводе уже приступили к выпуску двигателей и поинтересовался, как идет подготовка к производству оставшихся сорока снегоходов.

* * *

Первое мая — день международной солидарности трудящихся был в довоенном СССР вторым по значимости праздником после седьмого ноября — дня Великой Октябрьской Социалистической Революции. Но весенний

праздник мне нравился больше. Весна, солнышко светит, цветы распустились, птички поют. Красота! По весенней погоде постоять и выступить на митинге, пройтись в колоннах демонстрантов намного приятнее, чем делать это же самое в ноябре. Настроение портило лишь осознание надвигающейся беды, но сегодня я гнал тревожные мысли и старался хоть немного забыть о проблемах. Но Безруков, которого к весне сорок первого года я мог назвать уже своим настоящим другом, не дал мне расслабиться за праздничной рюмочкой водки на традиционном банкете в техникуме, который он предпочел застолью в автозаводской столовой. За последнее время Василий Лукич успел неплохо сдружиться со многими преподавателями, которые живо интересовались развитием нашего проекта. Поэтому, когда он изъявил желание отметить Первомай в техникуме, никто возражать не стал. Так вот, после второй рюмки он вспомнил о нашем разговоре недельной давности:

— Всё-таки ты слишком тревожишься насчет Германии. Это же надо быть полным идиотом, чтобы напасть на СССР. У нас сильная армия, мощная промышленность, огромная территория, население намного больше чем в Германии. Да стоит им только сунуться, мы их как муху раздавим.

Тихонов, который сидел с нами за столом, согласно кивнул:

— Пусть только сунутся! — и сунул в рот кусок котлеты.

— Как раз наша территория Гитлеру и нужна, а по поводу армии и промышленности с их стороны всё может видаться немного иначе. И у них там может быть своё «Головокружение от успехов», да и англичане, я уверен, не сидят спокойно, дожидаясь германского десанта, а усиленно заваливают немцев ложными сведениями о том, что якобы СССР готовится к нападению. В общем, если привлечь математику, то вероятность нападения Германии на СССР равняется одной второй — то есть либо нападет, либо нет, а такая вероятность очень много.

Тут произнесли третий тост, после которого мои друзья уже не смогли критически осмыслить моё наглое манипулирование теорией вероятности, и наш разговор постепенно перешел на другие темы.

А на следующий день я пошел в техникум. Надо было сдавать все накопившиеся за семестр долги. Поэтому взяв на автозаводе отпуск, я свалил все заботы на Безрукова и Рыбакову, которую с апреля повысили, поставив на должность мастера. Нам ведь в марте, после удачного завершения войсковых испытаний, утвердили постановку снегоходов на вооружение и выставили план на восемьдесят машин в месяц — не абы что, конечно, но я считаю, заказ весьма неплохой. И авторское вознаграждение выплатили хорошее — на мою долю пришлось чуть менее семи тысяч рублей. Затем весь апрель мы в ставшем уже привычном для меня авральном режиме налаживали промышленное производство, да мы с Безруковым и в январе-марте не расслаблялись — выезжали в части, проводившие испытания, разбирались с замечаниями и поломками, вносили изменения в конструкцию. Ну а в мае я решил взять в некотором смысле отдых. Как война начнется, отпусков уже не будет. Хотя какой тут отдых, учиться и учиться.

В субботу вечером я выехал в Москву, за пару часов раскидал по почтовым ящикам четыре письма, в которых написал, что датой нападения на СССР Гитлер объявил пятнадцатое мая, но фактически Вермахт к боевым действиям пока не готов и дата нападения скорее всего будет перенесена, но война точно начнется в мае или июне. Это был уже четвертый комплект отправок с описанием планов и военно-технических секретов нацистской Германии. Надеюсь, хоть кто-то из адресатов прочитал эту информацию. Далее я снова сел в поезд и отправился в Муром, там покачал подростка Ванечку на коленке, дал Лене полторы тысячи рублей и сказал ей, чтобы запаслась продуктами и товарами первой необходимости, разъяснив ей сложные моменты международной политики. Она мне поверила сразу и пообещала точно следовать моим инструкциям.

В течении мая я смог нагнать учебную программу и натаскать домой полный подвал запасов. До десятого июня я сдал сессию и вернулся на завод, с первого часа погрузившись с головой в производственные заботы. Почти двадцать процентов производимых снегоходов на выходе оказывались бракованными и это при том, что мы на входе забраковывали до тридцати процентов комплектующих, поступающих от других цехов и заводов. То есть брак в готовом изделии — в основном результат работы наших разгильдяев. Комсомольские собрания мы проводили каждый месяц, выгнали троих самых бестолковых рабочих, ну не то, чтобы выгнали — в другой цех перевели, где работа попроще, двое сами ушли, сказав, что их задолбали постоянные придирки. От собраний, конечно, определенный эффект был, но доброе слово и правильно выверенная материальная мотивация всё же лучше, чем просто доброе слово.

Утром четырнадцатого июня Безруков, как всегда заехал за мной и, после того как я занял место рядом с Пастуховой, сунул мне в руки «Правду»:

— На, смотри, войны не будет!

Я, демонстрируя заинтересованность, взял газету и посмотрел на первую страницу. Сообщение ТАСС было на своем законном месте, и, перечитав его, я отложил газету.

— Ну, видишь Андрей, получается все твои логические выкладки оказались ошибочными! — это уже Сухарев подключился к обсуждению. Я ведь во время совместных поездок многократно говорил о том, что вероятность нападения Германии на СССР довольно высока, апеллируя к ранним высказываниям Гитлера о жизненном

пространстве и экономическим потребностям немецкой экономики. Мои оппоненты давили на то, что у нас с Гитлером договор о ненападении, в советской прессе нет никаких упоминаний об опасности, а Германия находится в состоянии войны с Англией и будет избегать войны на два фронта.

— В этом сообщении не сказано, что войны не будет, — я разом категорично отмел все доводы оппонентов.

— Да ты хоть прочитай, что там написано?! — возмутился Сухарев.

— Очень внимательно прочитай и вот что я вам скажу: такие сообщения должны публиковаться обоими сторонами в форме совместных заявлений. А когда одна сторона стягивает войска к границе, о чем, кстати, написано в тексте и при этом никак не реагирует на подобное заявление, становится очевидно, что ситуация очень и очень опасная.

— Ну-ка дай сюда, — Сухарев схватил протянутую мной газету, впился глазами в текст заявления и через пару минут выругался, — Твою ж мать, как я сам-то не увидел?!

— О господи! — со слезами в голосе простонала Пастухова рядом со мной, — что же теперь будет?

— И как ты думаешь, когда?.. — спросил Безруков после некоторой паузы.

— Времени осталось мало, лето идет, нападать выгоднее в воскресенье, когда все отдыхают. Поэтому или завтра, или двадцать второго, но я думаю, что двадцать второго. Красивая дата. Во-первых в этот день Наполеон перешел Неман, а во вторых, год назад французы подписали с немцами перемирие, фактически капитулировали. Только, товарищи, прошу вас не распространять панических настроений, а то сами понимаете.

Надеюсь, понимают. Мне же удивительно, как органы до сих пор не обратили на меня пристального внимания, я ведь довольно большому числу людей говорил о приближении войны. В основном, правда, в форме пропаганды — дескать мировая буржуазия не дремлет и будет изо всех сил пытаться толкнуть Гитлера на войну против СССР, поэтому мы должны быть сплоченными, лучше работать, учиться и заниматься спортом. А в более узкому кругу людей — вот так, с логическими доводами.

До завода доехали молча, в тягостном настроении, ну а там снова производственные проблемы, не до рефлексий.

В последнюю мирную неделю я постарался снизить свою рабочую нагрузку, уходил с работы вовремя, в воскресенье пятнадцатого остался дома, погулял вдоль реки вместе с женой и детьми. Болеслава, которую я также предупредил о скорой войне, старалась выглядеть беззаботной, но у неё это не очень хорошо получалось. Во вторник Безруков, увидев, что я опять ухожу с работы в шесть часов, удивленно спросил:

— Андрей, что-то я тебя не совсем понимаю, говоришь, война скоро, готовиться, надо, работать, а сам в шесть часов — раз и домой!

— Так потому и домой, тебе кстати, тоже бы не помешало, а то сам подумай, как мы будем впахивать, когда война начнется, это если ещё в армию не заберут, так что осталось совсем немного времени, чтобы побыть с семьёй.

Василий почесал голову, отложил бумаги в сторону и вышел из-за стола со словами:

— Ты прав, даже если войны не будет, то немного сбавить обороты на недельку не помешает, — и мы вместе пошли на выход, хорошо что он со мной согласился, а то я на рейсовом паровозе ехать собирался.

Впрочем, дома я не только отдыхал, но и понемногу занимался эскизным проектом СУ- 76. До начала войны предлагать это самоходное орудие ответственным чинам РККА не было никакого смысла, так как в сложившейся тогда парадигме развития бронетанковых сил места самоходным орудиям не было. Считалось, что все боевые задачи способны выполнить танки. Да у меня и не было никакой возможности заняться этим более плотно, ведь даже не хочется думать, как отреагировали бы сотрудники НКВД, попытайся я раздобыть информацию о массогабаритных характеристиках орудий семьдесят шестого калибра, стоящих на вооружении РККА. Наверняка и у них на контроле, пусть и не очень жестком. Снегоход-то ведь хоть и имел в первую очередь военное назначение, тем не менее был гражданской несекретной продукцией, примерно как мотоцикл. А вот артиллерия — это уже другое дело.

* * *

Двадцать второго июня около десяти часов, когда я сидел на веранде и присматривал за Станиславом, игравшим с деревянной машинкой на полу, по громкоговорителю передали, что в двенадцать часов будет важное заявление правительства. У нас ведь в частном секторе радиоточек не было, как и телефонов. Вся информация — только из громкоговорителя висевшего на перекрестке. Можно было ещё радиоприемник купить, но я этого делать не стал, зная, что после начала войны их конфискуют у населения.

Болеслава, которой я уже давно сказал, что сегодня начнется война, вышла из дома, мы переглянулись, после она села рядом, положив мне голову на плечо и прошептала:

— А я, дура, надеялась, что ты ошибаешься, но ты посланник, ты же всё знаешь...

Да, я так и не смог убедить её, что я обычный человек. На все мои доводы она отвечала: «Мне же видно, как ты отличаешься от других, просто удивительно, как окружающие этого не замечают!» Ну и хорошо, что не замечают, иначе бы мне несдобровать.

Помолчав, она продолжила:

— Теперь война заберет тебя у меня, ты должен защищать людей, а хочу чтобы ты остался, никуда не уходил. Я дура, правда?

Я её обнял и поцеловал в губы. Станислав бросил машинку, притопал к нам и застыл, с интересом глядя на нас.

— Вполне нормальное желание, — ответил ей, оторвавшись, — Тем более, что и мне не хочется воевать. Надеюсь, что смогу быть полезнее на заводе, ведь наша продукция имеет военное назначение.

Тут из дома раздался плачь Алешки и Болеслава упорхнула к ребенку. Станислав, нахмурившись, вернулся к машинке, а я продолжил заниматься ничегонеделаньем, пока есть такая возможность.

Ближе к двенадцати ожидаемо пожаловали тесть с тещей. У них дом расположен далеко от громкоговорителя, и сидя на веранде, как у нас, радио не послушаешь. После теплых приветствий Роман Адамович расположился рядом со мной за столом на веранде, а Мария Давидовна зашла в дом.

— Как поживаете? — задал я дежурный вопрос для завязки заговора.

— В целом хорошо, — тесть изучал медицину до революции в Санкт-Петербурге и по-русски говорил без малейшего акцента, — есть определенные житейские проблемы...

— Но похоже, что скоро все станет намного хуже, — продолжил я его мысль, воспользовавшись паузой.

— Вы думаете это война?

— Уверен, больше не может быть никаких причин, для правительственного сообщения в выходной день.

— Да, наверное Вы правы, — с трагичной ноткой в голосе согласился тесть.

В это время появилась теща с подносом, на котором стояли чашки с чаем и блюдо с печеньем. За ней вышла и Болеслава, коротко сообщив:

— Уснул! — после чего она села за стол, а Станислав забрался ей на колени.

Мария Давидовна разлила чай по чашкам и, показав на печенье, сказала по-польски:

— Кушайте, напекла вот с утра, хотела днем зайти к Вам, угостить, а тут и повод появился... Там у нас на улице соседи собрались, говорят, объявят, что война началась, а Миша ещё с утра с мальчишками на речку убежал рыбачить. Хорошие у него друзья, только дерутся много. Пока в школу ходили ещё ничего было, а как каникулы начались, так через день с синяками приходит. А на прошлой неделе штаны так порвал, что только выбрасывать. Но это ещё ничего, вон на соседской улице мальчика ножом зарезали — девочку не поделили. А там девочка такая, я её позавчера видела, мне соседка показала, так по ней видно что она ш... — Болеслава успела слегка хлопнуть свою мать по руке, чтобы та при ребенке попридержала при себе вульгарную форму нелестной оценки девушки. Тем временем по радио диктор объявил о предоставлении слова заместителю председателя правительства товарищу Молотову, после чего раздалось слова Вячеслава Михайловича: «Граждане и гражданки...»

По окончании речи Болеслава заплакала, сначала тихо всхлипывала, потом её мать стала утешать и уже через пять минут они рыдали в голос вдвоём. Роман Адамович достал трубку, набил её табаком, затем спустился с веранды во двор и затянулся, глядя поверх забора на людей, понуро расходящихся от громкоговорителя. Я взял Станислава за руку и подошел к тестю, пусть бабы там сами проплачутся.

— Знаете, Андрей, а я ведь всё время сомневался. Когда из Львова уезжал — сомневался, когда по Вашему совету продуктами закупался, тоже сомневался, даже когда сказали, что сегодня будет важное сообщение правительства, тоже сомневался, — он помолчал, глядя куда-то вдаль, — и продолжил, — Спасибо тебе, — он всё никак не мог определиться с тем, как ко мне обращаться, на ты или на Вы? — Во Львове сейчас, наверное, будет очень тяжелая ситуация... А как ты думаешь, чем это всё кончится?

— Сначала немцы будут наступать за счет лучшей организации и опыта, но потом СССР проведет мобилизацию, перенастроит промышленность и в конце концов разгромит немецкую армию. Коммунисты хорошо умеют работать в мобилизационном режиме в отличие от канувшего в лету царского режима. Но это может затянуться на несколько лет. Немецкая армия очень сильна.

— Меня ведь в шестнадцатом году после четвертого курса на фронт забрали и назначили хирургом в полевой госпиталь, — Тестю вдруг захотелось поделиться воспоминаниями о своём военном прошлом, — Солдат пользовал, офицеров ведь лечили опытные квалифицированные специалисты, а нижних чинов — чаще всего недоучки вроде меня, или вообще фельдшеры. Поначалу... — он замолчал, мысленно погружившись в воспоминания, пару раз затянулся и продолжил, сменив тему, — Повезло, что во время революции наш госпиталь в Латвии стоял, там я и остался, а когда Пилсудский с Советами мир подписал, тогда и во Львов переехал. Ужасное было время, и вот опять!

— Да, тяжелые времена настают, — согласился я с ним, и перешел на другую тему, — А Мише, наверное, лучше в автомобильный техникум перейти.

— Думаете? — заинтересованно переспросил Роман Адамович.

— Да, ему ведь скоро шестнадцать, и если война затянется, то его после окончания десятилетки, в восемнадцать лет скорее всего направят в офицерские ускоренные курсы, а потом на фронт. Ну а обучение в техникуме даст возможность остаться работать на автозаводе, а если и заберут в армию, то скорее всего — в ремонтные или автомобильные подразделения. Это ничего не гарантирует, но шансы уцелеть на этой войне будут выше.

— Пожалуй, в этом есть смысл, спасибо за совет.

Ещё немного постояв, мы вернулись к столу, где нитью разговора прочно завладела не в меру разговорчивая тёща. Надеюсь, Болеслава эту черту от матери не унаследовала, во всяком случае, пока у моей жены излишней болтливости не заметно.

В понедельник на заводе провели митинги, где ораторы с абсолютной убежденностью в своих словах заявили, что советский народ как один сплотился вокруг партии и товарища Сталина, враг будет разбит и победа скоро будет за нами. Ну а дальше рутинная работа без особых изменений, хотя нет, изменения были — рабочие стали более ответственно работать, тем более что я недвусмысленно всех предупредил, что брак в военное время может быть приравнен к вредительству.

Двадцать четвертого вечером зашел Петренко, сказал, что его призывают, посидели, выпили. Он поведал, что служить будет в войсках НКВД, но где именно, ему, разумеется не известно. Разговор с ним меня несколько обнадежил — даже если меня заберут, то, скорее всего, тоже направят служить в частях НКВД, которые на войне в целом несли потери значительно меньше чем части РККА. Но служба тоже нужная и в некотором смысле почетная.

Двадцать шестого числа нам на заводе объявили, что в связи с военным положением рабочий день продлён и выходные отменены. Все вокруг это восприняли как должное, ведь идет война, а с фронта поступают неутешительные сведения. Тридцатого июня я разослал в наркомат, в главное артиллерийское и автобронетанковое управления РККА свой эскизный проект самоходки, предварительно зарегистрировав его в секретной части автозавода. В пояснительной записке я указал, что это самоходное орудие может собираться на автомобильном заводе с широким использованием автомобильных комплектующих. Больших иллюзий я по поводу принятия самоходки на вооружение не питал, но попытаться стоило.

Второго июля я в цеху с утра прослушал сводку Совинформбюро и с некоторым удивлением услышал, что «Части Рабоче-Крестьянской Красной армии ведут тяжелые оборонительные бои западнее и севернее города Минск». Вообще, я историю Великой Отечественной войны знал, что называется, «на четверку с минусом», то есть воспроизвести подробности всех операций и сражений с точной датировкой я не мог, но то, что немцы взяли Минск 28 июня, помнил точно. Тут возможны три варианта: либо Совинформбюро попросту врёт, либо мои письма Сталину и компании сыграли всё-таки определённую роль, хотя пока особых отличий в развитии событий пока не заметно, за исключением того, что немцы несколько запаздывают по сравнению с известной мне историей, и третий вариант — вокруг меня параллельный мир, в котором течение событий изначально отличается от моего родного измерения. Что называется — выбор на любой вкус, а если учесть, что возможны парные сочетания вариантов, то поле для игр разума становится очень и очень широким. Однако, если немцы на самом деле всё ещё не взяли Минск, то это не может не радовать. Вот в таком приподнятом состоянии меня и застал вернувшийся из заводоуправления Безруков, который тонко почувствовал моё настроение:

— Что это ты такой веселый?

— Да, вспомнилось, Алешка вчера «папа» сказал первый раз! — ну не говорить же ему истинную подоплеку моего хорошего настроения, а сын и правда вчера это сказал, так что я Безрукову и не соврал почти.

— Поздравляю! — Василий Лукич пожал мне руку и похлопал по плечу, — Но у меня для тебя плохая новость, — он сел на скамейку рядом со мной и продолжил, глядя в пол перед собой, — Наш цех расформируют. Вот, — он положил на стол бумаги, — в течении двух дней, включая сегодняшний, прекратить производство, недоделанные изделия сдать на склад, оборудование передать согласно прилагаемого реестра. Работников направить в распоряжение начальника сборочного цеха.

Вот тебе матушка и Юрьев день! Новость меня буквально ошеломила, но я всё-таки спросил:

— А с нами что?

— Тебя в электротехнический цех, а меня — на производство мостов.

Видя моё удручённое состояние, Безруков тяжело вздохнул, похлопал меня по плечу и пошел в цех — за два дня было необходимо проделать огромный объем работы, и времени рефлексировать не было. Однако я остался на месте наедине с моими расстроеными мыслями. Весь мой, казавшийся безупречным, план пошёл прахом. А ведь идея была очень хороша, вот только я не учёл, что это только для меня ясно, что в зимней кампании наличие

снегоходов принесет неоспоримую пользу. А местным военным и промышленникам сейчас кровь из носу нужно максимально увеличить выпуск автомобилей, при этом польза снегоходов сейчас, когда на улице тридцатиградусная жара, кажется весьма и весьма спорной. Это называется «изыскали резервы». Ну что тут ещё сказать? Я дебил.

Усиленно потрудившись, мы за два дня выполнили все поставленные задачи, закрыв производство и четвертого числа с утра я приступил к работе в электротехническом цеху простым слесарем. В мои задачи входил ремонт неисправных автомобилей выпущенных с конвейера. При выявлении проблем с механикой ремонт делали на месте в сборочном цеху, а при неисправности электрики машину тащили к нам. Брака у готовых машин обнаруживалось довольно много, отчего я трудился не покладая рук.

Рабочие будни слились в серый поток одних и тех повторяемых же действий — осмотрел, прозвонил тестером, выявил неисправность, поменял неисправный узел или кабель, проверил и пошел на следующий автомобиль. Домой я появлялся только чтобы поесть и поспать. Персонального автомобиля к дому, разумеется, больше не было, да и Безруков добирался своим ходом, мы иногда с ним пересекались в рейсовом поезде. Машина ведь у него была служебной, а после начала войны это посчитали излишней роскошью, направив автомобиль в РККА. Все личные машины и мотоциклы также подлежали мобилизации.

Одиннадцатого июля после обеда меня вызвали в к партком. Прямо на выходе из столовой ко мне подошел незнакомый паренек и передал бумажку с текстом, написанным от руки: «Ковалеву А.И. срочно явиться в партком кабинет ЛБ4». Пока я шел к заводууправлению, то терялся в догадках, что от меня понадобилось парткому? Неужто решили меня в партию принять? Ну так эти вопросы, насколько я знаю, на уровне цеховых организаций решаются.

Дойдя до нужной двери, я постучал и, не дожидаясь приглашения, вошел. Там, расположившись вокруг одного стола заваленного бумагами столом сидели трое: Филимонов Федор Петрович — один из секретарей заводской партийной организации, женщина средних лет, чье имя я не помнил, но знал, что она работает в отделе кадров, и незнакомый мне пехотный майор. Такой состав заседающих явно указывал на то, что вечер перестает быть томным.

— Ага, Андрей Иванович! — Филимонов вышел из-за стола и пожал мне руку, — Вот, прошу любить и жаловать! — Представил он меня, обращаясь к остальным присутствующим, — Ковалев Андрей Иванович, дважды орденносец, комсомолец, спортсмен и изобретатель! Воевал в финскую, где заслужил «Красную звезду» а до этого в составе польской армии против немцев, и, надо сказать, немало им крови попортил, за что и «Красным знаменем» награжден! Да не дергайся ты так, — это он сказал уже мне, увидев, как я напрягся от разглашения секретной информации, — Здесь у всех допуски к гостайне, да и чего сейчас уже скрывать? Садись! — он указал мне на свободный стул, а сам вернулся на свое место и продолжил, испытующе глядя мне в глаза, — Ты, случаем, не писал заявления заявления с просьбой отправить тебя на фронт добровольцем?

— Нет, не писал, я ведь так думаю: если я там нужен и без заявления призовут, а ежели я нужен здесь, то пиши — не пиши, не отпустят. Так чего бумагу переводить?

— Вот, сразу видно рассудительного человека, а то завалили заявлениями, — он кивнул на ворох бумаг на столе, — спасу нет! Так значит, — продолжил он, — У Вас нет никаких возражений против направления в действующую армию?

Вот интересно, какая реакция будет, если я скажу, что категорически против? Думаю, лучше не проверять.

— Разумеется я всегда готов принять участие в защите нашей страны! — произнес я, встав со стула и демонстративно вытянувшись по стойке смирно, и изо всех сил демонстрируя энтузиазм.

— Вот и прекрасно! — он протянул мне чистый лист бумаги, пододвинул чернильницу с пером, — Давай, пиши заявление на имя первого секретаря... — и он продиктовал мне текст, который я старательно записал и даже ни одной кляксы не поставил.

Затем Филимонов завизировал моё заявление своей подписью и передал его кадровичке, которая внесла данные в лежащий перед ней гроссбух, поставила на заявление штампик и номер, после чего убрала заявление в папку. Затем взял слово майор:

— Вам присваивается звание младшего лейтенанта, — он раскрыл свою папку и протянул мне бумагу с машинописным текстом — Это копия приказа, распишитесь в получении, он придвинул мне журнал, где я и поставил свой автограф, после чего он продолжил, — Сегодня же Вам надо прибыть в автозаводский райвоенкомат, оформить документы, получить форму и довольствие.

Ну хоть на фронт пойду офицером, это реально воодушевляет!

— Итак продолжим! — Филимонов снова обратил на себя внимание, — Андрей Иванович, ты сдавал деньги на помощь фронту?

— Ну да, было дело, — подтвердил я, ведь действительно, ещё в конце июня Катя Рыбакова собирала на нужды обороны, вот я и сдал сто рублей, чтобы подать пример рабочим и себя показать с лучшей стороны, хотя вообще-то и червонца хватило бы.

— Вот! Все трудящиеся нашего предприятия в едином порыве по инициативе партийной организации сдали, кто сколько мог, на помощь фронту. На эти деньги завод выпустил двадцать четыре автомобиля, которые необходимо перегнать своим ходом в расположение наших войск, которые героически защищают Родину от немецко-фашистских агрессоров!

Во шпарит, прямо как на митинге!

— И Вы, товарищ Ковалев, как нельзя лучше подходите для того, чтобы возглавить эту автоколонну, — продолжил функционер свою речь, — Отправление завтра, в девять утра, Вам надо прибыть к северной проходной к восьми часам, сами понимаете — вопрос политический, так что постарайтесь соответствовать! Идите, собирайтесь!

На следующий день без десяти восемь я подошел к северной проходной, на мне была новая командирская форма, под синими галифе на бедре была скрытно закреплена кобура с трофейным ТТ, а на внутренней стороне левой голени спрятан финский нож. У ворот уже были Филимонов и давешний майор, а за забором стояли в ряд в ряд новые полуторки с одинаковыми надписями на дверях: «От рабочих ГАЗа — фронту». Около машин крутились красноармейцы в новой, необмявшейся ещё форме. Судя по всему, это мои будущие временные подчиненные. Подойдя к майору, я козырнул, после чего тот поздоровался со мной за руку и сказал:

— Пойдемте, я представлю Вас подразделению!

Приблизившись к машинам, майор зычно скомандовал:

— Рота, в две шеренги становись!

Услышав команду, новобранцы засуетились, одни стали строиться, другие топтались на месте, не зная, куда себя приткнуть. Но тут голос подал сержант, которого я сперва принял за одного из бойцов, но, присмотревшись, разглядел на петлицах по два треугольника. Короткими меткими фразами он добился того, что красноармейцы перестали бестолково суетиться и построилось как положено. Майор пояснил:

— Десять бойцов без опыта службы, но шоферить умеют все, — затем хорошо поставленным голосом он скомандовал, — Равняйся, смирно! Товарищи бойцы, представляю Вам командира маршевой автомобильной роты младшего лейтенанта Ковалёва! Сержант Федоткин, ко мне!

После того, как сержант подбежал и доложил, майор сказал мне:

— Рота сформирована в составе одного взвода, Федоткин назначен и.о. командира взвода, разбивки по отделениям нет, да это и не надо, вам ведь только до прифронтовой зоны доехать, а там расформируют, вот приказ о назначении, список личного состава и приказ о перегоне автомобилей двадцатому мехкорпусу в Клычев.

Логика, конечно, железная — рота в составе одного взвода. Но, как говорится, кто в армии служил, тот в цирке не смеется. Ладно, рота-взвод — это малозначительный нюанс, на фоне более животрепещущих вопросов, которые я и задал майору:

— Мне хотелось бы узнать по поводу оружия, мне не выдали, у бойцов тоже нет, насколько я вижу.

— Маршевым частям и подразделениям вооружение не положено, придете на фронт, там и выдадут. У тебя половина — ещё присягу не принимали.

— Так хотя бы мне дали! — так-то у меня под синими галифе в набедренной кобуре спрятан ТТ, который трофей с финской, но хотелось бы легальный ствол, хотя бы наган какой заваливающий.

— Пока к воинской части не приписан, оружие не положено, — извиняющимся тоном ответил майор.

— А карта мне положена?

— Положена, но с ними напряженка, так что придется тебе ехать так.

— Как — так!? Я же этим таким неизвестно куда заехать могу, хоть покажите, чтобы я кроки срисовал!

— Нет у нас карт, выдали все перегонным командам, даже одной, для кроков не осталось, заказали, но когда они будут — неизвестно. Ты вот что, в Москве в ГАБТУ спроси, покажешь там приказ о перегоне, должны показать для кроков.

Это просто дурдом какой-то: оружия нет, карт нет, но машины должны быть доставлены точно в срок. У меня просто нет цензурных слов для выражения своих мыслей по поводу этой богадельни.

— Ну а что у нас с питанием? — спросил я, ожидая, что майор ответит в том же стиле, типа ничего нет, выкручивайтесь, как хотите.

— Бойцам уже выдан сухой паёк на три дня, твой заберёшь у Федоткина.

Ну хоть тут есть позитив, даже удивительно!

— Ну и последний вопрос — что делать с машинами, которые сломаются по дороге?

Майор на полминуты замаялся и после паузы предложил:

— Пойдем у Филимонова спросим!

Филимонов, когда мы подошли к нему с этим вопросом призадумался и начал отвечать издали, с предысторией.

— Вообще, с начала войны мы передали военным более тысячи машин, но их сразу забирали здесь перегонные команды от воинских частей, так что этот вопрос уже относился к их ведению. А ведь Вы правы Андрей Иванович, пока колонна доедет до Белоруссии, одна-другая машина вполне могут сломаться. Давайте так: если автомобиль не поддается быстрому ремонту, то вы его буксируете до ближайшей военной части, имеющей автохозяйство и передаёте им по акту.

— Надо это отразить в предписании, — сказал я, согласно кивнув.

— Да, сделаем так, — без раздумий ответил партфункционер, — переписывать бумаги уже нет времени,

сейчас от руки внизу добавлю текст и распишусь, думаю, в случае чего, этого хватит, — увидев, что я согласно кивнул, Филимонов подошел к трибуне, стоявшей на невысоком помосте слева от ворот, разложил на ней писчие принадлежности и принялся писать. А я тем временем направился к своей роте и подзвал Федоткина.

— Тебя как звать? — спросил я сержанта, когда он подошел ко мне.

— Максим.

— Так вот, Максим, давай потренируй бойцов строиться и выполнять команду «По машинам», а как митинг начнется, построишь их в две шеренги.

— Есть! — сержант молодецкато козырнул и развернувшись к бойцам гаркнул:

— Взвод, в две шеренги становись!

Убедившись, что дело пошло, я вернулся к трибуне, где Филимонов уже закончил писать, и забрал у него документы, сложил их и осмотрелся. Похоже, рабочих на митинге будет совсем мало, ну и правильно, нечего время зря тратить. Но зато пришло около пятидесяти пионеров в красных галстуках, которые скучковались около автомобилей и смотрели, как бойцы учатся строиться. Также уже подтянулись старшеклассники комсомольцы, и несколько десятков женщин различного возраста. Вскоре подъехал автобус и оттуда выбрались полтора десятка человек, в том числе пара фотографов, один кинооператор и Лиза Большакова, увидев которую, я направился к приехавшим.

— Ты как тут? — удивленно спросила Лиза, когда я к ней подошел. Видимо, она была не в курсе, что это именно я возглавляю автоколонну.

— Да вот, — я жестом махнул в сторону машин, — Поручили доставить на фронт.

— Добровольцем? — вновь спросила она и, дождавшись моего утвердительного кивка, пожаловалась, — А меня не пускают, я уже с нашим первым секретарем ругалась и в ЦК написала!

— Здесь ведь тоже много работы, так что, может быть, они правы.

— Вот и ты туда же, — с горечью и обидой в голосе констатировала Лиза.

— Ты лучше послушай, что я тебе скажу. Хотел с тобой раньше связаться, но тут так всё завертелось... Короче, дело вот в чём — тех самбистов, что у нас занимались, нерационально направлять служить в обычные части, больше пользы от них будет в разведывательных и диверсионных подразделениях, после небольшой дополнительной подготовки.

Лиза задумчиво помолчала немного и кивнула:

— Да, наверное, ты прав, надо этим заняться, может так и мне на фронт попасть получится! — она замолчала, видимо, в уме прикидывая план работы, — Жаль, что много кого уже забрали, но и осталось ещё немало. Сегодня же поговорю с первым!

В это время я увидел, что Филимонов машет нам рукой, сказал Лизе, и мы вместе с корреспондентами направились к помосту. Когда мы подошли, Филимонов с трибуны заявил:

— Товарищи, прошу внимания! Митинг, посвященный отправке автомобилей на фронт, объявляю открытым, — выждав минуту, пока народ подтянется, он начал, — С начала войны Горьковский автомобильный завод отправил на фронт более тысячи машин, но сегодня мы отправляем особенные автомобили, они созданы на средства сотрудников завода, которые самоотверженным трудом и своими сбережениями делают всё для помощи нашей родной Красной Армии! — он сделал паузу, чтобы присутствующие могли поддержать его интенсивными аплодисментами, и вскоре продолжил, — Так же хочется представить Вам незаурядного человека — Ковалёва Андрея Ивановича, который возглавит эту автоколонну, его интересная судьба стоит того, что чтобы остановиться на ней подробнее. Он родился и вырос в русской семье в белопанской Варшаве и встретил наступление немецко-фашистских войск в составе польской армии первого сентября тридцать девятого года, — (вот это номер! Прямо скажем неожиданно!) — Проявив недюжинные смекалку и героизм, он захватил немецкий новейший танк и, уничтожая по пути вражеские отряды, смог пробиться на территорию, освобожденную Красной Армией. Советское правительство по достоинству оценило этот подвиг и наградило его орденом Красного Знамени. Оказавшись в СССР, он поступил в горьковский автомобильный техникум, где вступил в комсомол и зарекомендовал себя как образцовый студент и активист-общественник, но в декабре сорокового года нашей стране потребовались опытные солдаты, и он вновь отправился на фронт, где в многочисленных боях с белофиннами показал смелость и героизм, за что и был награжден орденом Красной Звезды. С лета сорокового года он уже трудился на нашем автозаводе, совмещая работу с учебой в техникуме, был инженером на опытном производстве и изобретателем. И вот теперь снова, когда Родина в опасности, он попросил снять с него бронь и направить его добровольцем в действующую армию, чтобы сражаться с врагом!.. — Выждав короткую паузу для аплодисментов, Филимонов провозгласил, — А теперь слово предоставляется дважды орденноносцу, младшему лейтенанту Ковалёву Андрею Ивановичу, — и ушел с трибуны под громкие аплодисменты.

«Ну Федор Петрович, ну подкузьмил, вот сюрприз так сюрприз» — думал я, стоя на трибуне, пока восторженные аплодисменты не давали возможности говорить, но вскоре они затухли и я начал:

— Товарищи, на нашу страну подло напал сильный и коварный враг, который хочет поработить нас так, как он поработил многие страны Европы. Но здесь он просчитался. Нас ему не победить, потому что у нас есть товарищ Сталин и Коммунистическая партия! — гром аплодисментов, — Советский народ гораздо смелее и трудолюбивее поверженных европейцев, поэтому враг будет разбит и победа будет за нами! — гром аплодисментов, — Но уверенность в победе не должна порождать самоуспокоенности. Каждый на своём месте должен делать всё, что в его силах и даже больше для нашей скорейшей победы!

Под третий вал аплодисментов я сошел с трибуны, на которую поднялась Лиза Большакова и произнесла зажигательную речь, полную лозунгов и уверенности в победе. Затем выступило ещё три оратора, после чего митинг закончился, а ко мне пошли фотокорреспонденты и кинооператор, которые попросили меня сфотографироваться и дать возможность снять, как бойцы занимают место в машинах. Я согласился выполнить их просьбы, но сначала надо было заняться подразделением. Подойдя к строю, я взял в руки список личного состава роты и стал по порядку вызывать бойцов и проверять у них документы. При этом выяснилось, что у бойцов нет солдатских книжек, что, в общем, было довольно распространенной практикой, но зато у всех были удостоверения шофёра и у девяти бойцов наличествовали комсомольские билеты.

Закончив с документами, я приступил к осмотру машин. Внешне вроде всё нормально. ГАЗ — ММ выпускается ещё в довоенной комплектации — кабина и двери железные, крылья штампованные, задние колёса сдвоенные. Проверил топливо — бензобаки полные и у каждой машины в запасе по две канистры — хватит до Москвы, а там заправимся, талоны есть. Удостоверившись, что всё готово, я немного попозировал перед фотоаппаратами, затем забрал у Федоткина мешок с пайком, скомандовал: «По машинам!» и сел за руль в свою полуторку. Правда, пришлось подождать, пока бойцы попрощаются со своими родными. Я-то не стал сюда Болеславу тащить, мне её рыданий и дома хватило, а у многих бойцов родственники пришли и теперь спешно прощались, не сдерживая слёз. Требовательно нажав на клаксон, я направил автомобиль в сторону Московского шоссе и грузовики колонной неспешно потянулись за мной.

Через полчаса, выехав за пределы города я остановился, пересчитал машины и людей, поставил Федоткина замыкающим, а сам поехал в голове колонны. Шоссе Горький-Москва представляло из себя двухполосную отсыпанную гравием дорогу, по которой довольно сложно было ехать со скоростью сорок километров в час, но чтобы уложиться в график и вечером доехать до столицы, медленнее ехать было нельзя. Тут надо ещё сказать и про полуторку — автомобиль, как будто специально созданный для того, чтобы каждый, кто сел за руль этого произведения советского автопрома (по американским лекалам) уже через час езды проклял тот день и час, когда решил стать шофёром. Места в кабине мало, приходится сидеть в неудобной позе. Чтобы повернуть рулевое колесо, приходится прилагать невероятные усилия. В кабине тряска, как из-за неровной дороги, так и из-за вибрации мотора. Ну и самое плохое — жара, а кондиционера нет. Единственно, что у меня, благодаря месту в голове колонны, есть большой бонус — мне не приходится глотать пыль, поднятую идущей впереди машиной.

К десяти вечера, когда мы проехали Балашиху, я уже чувствовал себя трясущимся полужомби, но ещё нашел в себе силы, чтобы подыскать место для стоянки на берегу небольшой речушки, составить график парных караулов и поужинать сухпайком. После чего завалился спать в кузове прямо на досках — только плащ-палатку постелил, шинель-то не выдали, так как время летнее.

Проснулся в семь утра и сразу объявил роте подъём, а в восемь утра мы уже подъехали к зданию автобронетанкового управления и я вошел через центральный вход, где объяснил свою проблему дежурному майору. Тот проверил у меня документы, неліцеприятно высказался о работниках Горьковского военкомата, не обеспечивших автоколонну картой, оформил пропуск и сказал, чтобы я обратился в двадцать девятый кабинет. Там мне предоставили подробные карты автомобильных дорог всех областей, через которые должна проезжать автоколонна и в течении часа я подробно зарисовал всё что необходимо, после чего сдал карты и направился к выходу из здания. Но там меня остановил всё тот же дежурный майор и сообщил, что я должен срочно явиться к начальнику автотракторного управления и приставил ко мне старшего лейтенанта, который сопроводил меня до нужного кабинета.

Когда я вошел в прокуренное помещение, то увидел сидящего за столом млаожавого генерал-майора, который устало поднял на меня тяжелый взгляд от бумаг и спросил:

— Ковалев?

— Да! — ответил я, вытянувшись по стойке смирно.

— Документы по колонне! — он требовательно протянул руку и я ему отдал все свои бумаги, которые он тут же пробежал глазами, — после чего мрачно сообщил, — Нет больше двадцатого мехкорпуса, пойдёте в седьмой, он в Могилеве стоит. Круглов, — он протянул старлею мои бумаги, — быстро подготовь приказ, эту колонну направить в седьмой мехкорпус, цепляем к ним дивизион сорокопятков, которые тут у нас уже второй день прохлаждаются. Приказ мне сразу на подпись. И обеспечить питанием. Выполнять!

Мы со старлеем козырнули, вышли из кабинета, после чего тот сказал: «Идем» — и я двинулся вслед за ним.

Спустившись на первый этаж, мы пришли в столовую, где он быстро договорился о завтраке для всей роты. Хоть мы с бойцами с утра и перекусили сухпайком, но я, разумеется, не стал отказываться и позвал вверенное мне подразделение позавтракать в человеческих условиях. Хорошо подкрепившись, мы вышли из здания и расположились у своих автомобилей. Кто-то курил, кучкуясь по трое-четверо, кто-то просто сидел в кабине, а несколько парней залезли в кузова своих машин и дремали. Около десяти утра появился Круглов, вручил мне приказ, согласно которому маршевая авторота временно переходит в подчинение командиру дивизиона ПТО капитану Долгавину, после чего сказал:

— Поехали к артиллеристам!

— Нам бы заправиться, бензина километров на пятьдесят осталось, — сообщил я ему о проблеме.

— Так там и заправка есть, едем!

Ну едем, так едем. Я скомандовал: «Рота, по машинам!», затем дал по газам и уже через пятнадцать минут движения по асфальтовым московским улицам мы были на месте — в небольшом военном городке к югу от Москвы. Благодаря наличию нужных бумаг у Круглова, нас пропустили в расположение и мы сразу подъехали к складу горюче-смазочных материалов, где я поручил Федоткину проконтролировать заправку роты и залить топливо в мою машину, а сам, взяв одного бойца в качестве вестового, вместе с Кругловым направился к артиллеристам, чьё расположение легко определялось по аккуратно выставленным в три ряда зачехленным пушкам, возле которых околачивалось около полусотни бойцов. Подойдя к ним, старлей приказал первому попавшемуся красноармейцу, чтобы тот нашел командира дивизиона. Паренёк резво убежал, а через пять минут появился капитан — тридцатилетний коренастый мужчина с густыми черными усами и, подойдя к Круглову, взял под козырек:

— Капитан Долгавин!

Круглов также представился и протянул артиллеристу документы, прочитав которые тот нахмурился:

— Мы же недоукомплектованны! Помполита нет, командиров взводов нет, ездовых нет, лошадей нет...

— Лошади и ездовые вам не нужны, так как идёте на автомобильной тяге, а без командиров взводов воевать вполне можно. Политработника назначат в Могилёве, может там и командиров взводов подберут, — старлей безапелляционно отверг претензии капитана и приказал, — Вам два часа на сборы и до тринадцати-ноль-ноль вы должны выехать с территории базы!

— Есть! — Долгавин с нескрываемым огорчением козырнул и не спеша направился к пушкам. Похоже, капитан не горит желанием Родину защищать.

Я отправил вестового к Федоткину, чтобы перегонял машины сюда и спросил старлея:

— А нам можно получить недостающее материальное обеспечение?

— А что надо?

— Оружия нет ни у кого, даже мне не выдали, лопаты нужны, маскировочные сети. Машины и канистры сейчас заправим, но как дальше с топливом неизвестно, поэтому пяток бочек в качестве НЗ не помешало бы, ну и сухпайк пополнить.

Круглов, выслушав меня, утвердительно кивнул:

— Да, это всё здесь есть, сейчас оформим!

Далее мы с ним проследовали в небольшое двухэтажное здание, где походив полчаса по кабинетам, оформили получение нужного моей роте имущества. И оружие с патронами выдали на всех без рассуждений о том, что маршевой роте не положено.

Тринадцатого июля без четверти час пополудни, наша колонна выехала из ворот тыловой базы бронетанковых войск и направилась на запад. Около ворот остались провожающие — старший лейтенант Круглов и плачущая девчущка лет восемнадцати.

— Двадцать четвертого июня женился, — заговорил Долгавин, сидевший в моей машине на пассажирском сиденье, и я понял, что он говорит про ту девчущку, — год на неё заглядывался, даже не знал как зовут — она на соседней улице жила, и ругал себя — она же ещё школьница! А тут, как война началась, подошёл, сказал, что люблю, она испугалась, убежала, а мне хоть пулю в лоб!.. Ну а на следующий вечер она пришла ко мне домой, нашла как-то, где я живу, и осталась... — он замолк, закурил папиросу и дальше мы ехали в тишине, погруженные в свои мысли.

Вскоре колонна выехала на Старое Варшавское шоссе, асфальт кончился и началась тяжелая шофёрская работа. Если от Горького до Москвы шоссе было полупустым, то здесь было довольно плотное движение — на запад медленно шли войсковые колонны, преимущественно состоящие из пеших подразделений, которые приходилось объезжать по грунтовкам или полям. Двигаясь таким образом, к вечеру мы добрались только до Юхнова, за которым и заночевали в чистом поле.

Следующим утром после побудки и завтрака, я сказал Долгавину:

— Приближаемся к фронту, опасность попасть под бомбежку возрастает, поэтому надо принять меры.

— Какие меры? — он выглядел довольно удивлённым от такой постановки вопроса.

— Разместить на машинах элементы маскировки, проинструктировать, назначить воздушных наблюдателей.

— До фронта ещё далеко, так что не будем тратить время, да и не дадут наши летчики немецким самолётам здесь дорогу бомбить.

Ну да, не дадут... Однако Долгавин сейчас тут главный, поэтому мы сели в машины и двинулись дальше. В полдень мы въехали в Рославль, в самом центре которого я увидел разрушенные строения и остановился.

— Что случилось с домами? — спросил я стоящего на перекрестке милиционера.

— Немцы разбомбили, что же ещё? Вообще они по станции метили, но и по другим местам накидали.

— А шоссе бомбят?

— Угу, последнюю неделю каждый день долбят, так что будьте осторожнее.

Завершив разговор, я посмотрел на Долгавина, и тот, как ни в чем не бывало, сказал:

— Надо принять меры к защите от вражеской авиации, остановимся за городом и всё сделаем.

Выехав из Рославля, мы нашли подходящую поляну и остановились. Я приказал своим бойцам построиться и объявил:

— Здесь уже есть опасность попасть под бомбежку, поэтому срезаем ветки с деревьев и закрепляем их так чтобы замаскировать машину, но чтобы это не мешало движению и обзору. Бегом!

Бойцы бросились выполнять приказ. Артиллеристы также приступили к маскировке орудий.

Я тоже пошел к зарослям кустарника, нарезал веток и стал маскировать свою машину. Закончив, проверил результаты работы бойцов, раскритиковал их и дал пятнадцать минут на исправление. Затем мы пообедали, и, назначив наблюдателей тронулись в путь.

Проехав Чериков, мы уперлись в хвост пехотной колонны, которую объехать не было никакой возможности. Поэтому пришлось снизить скорость и так, со скоростью пешехода ехать около часа, до тех пор, пока рядом с шоссе не появилась параллельная грунтовая дорога, точнее колея, по которой можно было обогнать пехоту, благодаря чему мы смогли ускориться. Однако, когда мы достигли головы колонны, то нам перегородили дорогу полтора десятка бойцов во главе с капитаном, глядя на которого в голову сразу пришла мысль, что это генеральский адъютант — уж очень ухоженным и подтянутым он выглядел, контрастируя с пропыленными усталыми бойцами. Разумеется, нам пришлось остановиться.

— Кто старший? — требовательным тоном спросил капитан, подойдя к моей машине.

Долгавин спустился из кабины на землю и представился, показав свои документы, затем ознакомился с документами собеседника, после чего адъютант потребовал пройти в штабной автобус, стоявший на обочине дороги в сотне метров от нас, и они вдвоём удалились. Я тем временем вышел из машины, сказал бойцам, чтобы долили бензин, поправили маскировку, и сам занялся тем же. Через полчаса ожидания вернулся злой и вспотевший Долгавин. Ударив в сердцах ладонью по крылу полуторки, он с раздражением в голосе сообщил:

— Нас включают в состав девятнадцатой стрелковой дивизии!

— Но у нас же другой приказ, — удивленно произнес я в ответ на эту неожиданную новость.

— А теперь вот новый приказ, — он протянул мне бумагу с печатью, — А в случае неповиновения пообещали расстрелять.

— Ох... ренеть! — только и смог произнести я, читая документ, — И что теперь нам делать?

— Выполнять! — ответил капитан всё в том же злобно-раздраженном тоне, — А потом, при первой возможности доложить в ГАБТУ, этот приказ оставь себе, я два взял.

Всё страньше и страньше... Я положил приказ в планшечку, в которой уже скопилось целая кипа всяческих бумаг с печатями. Докладить... это он хорошо сказал. Чтобы доложить, сперва надо выжить, а с этим могут быть серьёзные проблемы. Особенно у Долгавина, ведь противотанковая артиллерия — практически смертники, да и у меня шансы выжить в Смоленской мясорубке, откровенно говоря значительно ниже, чем пятьдесят на пятьдесят. И тут не имеет значения, в какой части воевать — потери будут громадными у всех.

Пока я стоял и обдумывал сложившуюся ситуацию, подошел майор, представившийся помощником начальника штаба дивизии Юрием Борисовичем Самусевичем, объявил, что авторота и дивизион ПТО переходят в непосредственное подчинение штаба дивизии, потом он приказал разделить нашу автоколонну: четырнадцать машин, которые буксировали пушки, везли боеприпасы, имущество и личный состав дивизиона, под командованием Долгавина занимали место позади штабной колонны, а десять машин под моим руководством должны встать около дороги и по мере прохождения подразделений заполнить кузова красноармейцами, стершими себе ноги и утратившими способность к самостоятельному пешему передвижению. Раздав необходимые указания и поставив Федоткина старшим в артиллерийскую полубаталью, я подогнал оставшиеся десять грузовиков к дороге и спустился из кабины на землю. За эти два дня езды на неудобном сиденье и тряской дороге задница превратилась в сплошной синяк, так что надо было использовать предоставившуюся возможность, чтобы дать небольшой отдых этой важнейшей части тела. Я прошелся вокруг машины, попинал колёса, думая о том, как

будет выглядеть со стороны, если я завалюсь подремать в тенечке. Мои размышления о возвышенном прервала девушка-военфельдшер, подошедшая со стороны штабной колонны, которая подойдя ко мне, вытянулась по струнке, взяла под козырек и представилась:

— Вонфельдшер Климова! — Хм, однофамилица! Настоящая моя фамилия ТАМ была такой же. Хотя ничего удивительного — фамилия довольно распространенная.

Девушка была блондинкой с правильными чертами лица и светло-серыми глазами невысокого роста, худощавая, одета, как и положено, в китель защитного цвета с синими галифе. И чего она передо мной тянется, если я младше по званию?

— Младший лейтенант Ковалев. Вы, я так понимаю, будете отбирать тех счастливиц, которые своим небрежением в деле заматывания портянок, заработали поощрительную поездку в кузове автомобиля?

Она на несколько секунд подзависла, осмысливая мою тираду, а затем строгим тоном ответила:

— Тут нет ничего смешного, товарищ младший лейтенант, в дивизии много неопытных только что призванных бойцов, а армейские ботинки, пока не растоптаны, кому годно могут натереть кровавые мозоли, независимо от качества наматывания портянок.

— Прошу прощения за неуместную шутку, — я не стал с ней спорить и быстро сдал назад, — Давайте, распорядитесь, а я тут в тенёчке пока прилягу, устал, знаете ли.

Девушка согласно кивнула, после чего я завалился на траву, предварительно назначив дежурного бойца и разрешив остальным шоферам отдыхать, пока есть такая возможность. Спать не хотелось, поэтому я лёжа на боку и подставив руку под голову, смотрел, как мимо проходят пешие колонны и запряжённые лошадьми подводы. Климова разговаривала с командирами и бойцами, некоторых из них заставляла снять обувь и по результатам осмотра определяла тех, кто достоин проделать дальнейшую дорогу в кузове грузовика.

В течении полутора часов военфельдшер отобрала чуть более сотни хромоногих везунчиков и распределила их по машинам.

— Пора ехать, — сообщила мне девушка, когда я расслабленно смотрел как хвост колонны удаляется в пыльную перспективу.

Надо так надо. Отдав приказ своим бойцам, я проинструктировал пассажиров о необходимости наблюдения за воздухом, сел за руль и, после того, как Климова села рядом, тронулся с места.

— Тут ведь не вся дивизия? — спросил я девушку, после того как убедился, что десять моих автомобилей выехали на дорогу.

— Нет, здесь только первые два эшелона — штаб дивизии и один полк.

— Эшелоны? Вы что, на поезде ехали?

— Конечно, мы же из Воронежа.

— А где выгрузились?

— В Кричеве, остальные части ждать не стали, как второй эшелон выгрузился, сразу и пошли.

— А куда идём?

— Не знаю, при мне не говорили.

Ну да, военная тайна. Главное, чтобы комдив знал, что далеко не факт. Погрузившись в раздумья, я за шумом двигателя не расслышал вопрос Климовой и переспросил:

— Простите, не понял?

— Я спросила, за что у Вас ордена?

— Польша и Финляндия.

— А Вы там также шоферами командовали?

— Нет, в Польше танком командовал, в Финляндии пограничниками, а шоферов мне только сейчас доверили.

— А Вы из какого города? — перескочила девушка на другую тему.

— Из Горького...

Так всю дорогу мы и разговаривали, Климова спрашивала про Горький, про завод, но больше рассказывала про Воронеж, про свою учебу в медицинском училище, как её призвали двадцать третьего июня, а потом десять дней гоняли по плацу, обучая строевой подготовке.

Так, неспешно двигаясь и подбирая доходяг, оставленных на обочине, к вечеру мы подошли к Славгороду, сразу за которым остановились на берегу небольшой речушки. У нашего включения в состав дивизии был как минимум один неоспоримый положительный момент — нас поставили на довольствие и теперь кормили горячим питанием из общего котла армейской полевой кухни. После ужина Климова погнала всех подведомственных ей мозолоногих бойцов к речке, чтобы помылись, и я тоже залез в воду. Хорошо! Поплескавшись и сменив исподнее, я сел возле машины, наблюдая, как военфельдшер осматривает и мажет мазью ноги бойцов. Посчитав в уме, сколько у нее на это уйдет времени, я пришел к выводу, что этот процесс займет часа два. Ну, да это её работа. Распределив караулы, я постелил на траве плащ-палатку и улегся спать, понимая, что хорошо отдохнуть не получится, так как

Федоткин сейчас где-то в голове колонны, следовательно смена часовых на мне. Проснувшись через два часа, когда уже окончательно стемнело, я сменил караул и снова собирался лечь, но ко мне подошла Климова, которая, похоже, только сейчас закончила обрабатывать мозоли.

— Товарищ Ковалев, а Вас как зовут?

— Андрей, можно без отчества и на ты, — ответил я, мельком подумав о нелогичности происходящего. Весь день ехали в одной кабине, а знакомимся только сейчас, среди ночи.

— А меня тогда просто Света, — девушка приятно улыбнулась и попросила, — покараульте, пожалуйста у тех кустов, — она махнула в сторону ивняка, растущего на берегу реки чуть в стороне от нашего расположения, — Пока я буду мыться.

— Конечно, пойдёмте! — без раздумий согласился я, и моё воображение живо нарисовало картину, как Света в серебряных лучах лунного света красиво раздевается и не менее красиво купается... На этом месте я свои неуместные фантазии приструнил — не о том сейчас думать надо.

— Я сейчас! — девушка забралась в кабину и через пару минут вернулась с небольшим мешком в руках.

Когда мы подошли к прибрежным кустам, я остановился, а Света скрылась за ветками, после чего оттуда раздались негромкие плескания, вследствие чего у меня вновь разыгралось эротическое воображение. Непослушные фантазии настойчиво рисовали очень красивые сцены с обнаженной натурой, когда я внезапно почувствовал лёгкую тревогу. Поверив своей интуиции, я стал внимательно осматриваться по сторонам и прислушиваться к ночным звукам. Ничего подозрительного не заметно. Уставшие красноармейцы и командиры дивизии спят, только кое-где бродят одинокие часовые, окружающую тишину нарушает только стрекот кузнечиков, да редкие вскрики ночных птиц. Но тишина эта обманчивая, идёт война и враг не дремлет, в чём я ещё раз убедился, распознав на грани слышимости приближающийся гул моторов бомбардировщиков. После чего оценивающе осмотрел расположение дивизии. Светомаскировка соблюдена — костров и электрических огней нет — маловероятно, что немецкие летчики нас засекут. Ещё через пару минут, когда моторы гудели уже почти над головами, я услышал за рекой приближающиеся крадущиеся шаги. Посчитав это крайне подозрительным совпадением, я выхватил ГТ и бросился в реку. Света, стоявшая по пояс в воде, от неожиданности ойкнула и села, спрятав в реке все свои прелести. Я же, одним махом преодолев водную преграду, остановился на другом берегу, напрягая зрение и слух. Практически сразу до меня донесся щелчок взведенного курка и я немедленно выстрелил четыре раза, определив направление на звук. В ответ оттуда донесся короткий хриплый стон и я бросился к противнику, продираясь с треском через кусты, по пути для надежности выстрелив в ту сторону еще дважды. Через несколько секунд я подбежал к лежащему на спине бородатому мужику, который в агонии скреб землю пальцами. Две пули — одна в живот, другая — в грудь, не оставили ему никаких шансов. В полуметре от умирающего врага на земле валялась взведённая ракетница. Остаётся надеяться, что это диверсант — одиночка. Отсутствие каких-либо звуков неприродного происхождения, за исключением топота приближающихся со стороны расположения дивизии красноармейцев, подтверждало эту гипотезу. Подождав, пока бойцы переберутся на этот берег, я крикнул:

— Не стреляйте, здесь свои, я командир автороты Ковалев!

Мне в ответ раздалось:

— Держи руки вверх и стой на месте, Ковалев, а там посмотрим кто свой, а кто нет, — ответил мне явно командирский голос, который тут же приказал бойцам, — Развернуться в цепь, интервал пять метров, прочесать на глубину двести метров, шагом марш!

Я спрятал ГТ в набедренную кобуру и запоздало подумал о том, что если у меня проверят наган, полученный на базе ГАБТУ в Москве, то сразу возникнут вопросы — все патроны на месте, порохового запаха нет. Когда бойцы подошли метров на пятнадцать, я поднял руки и снова подал голос, чтобы кто-нибудь не шмальнул невзначай. Вскоре из-за кустов появились два настороженных бойца с винтовками наперевес. Осмотревшись, один из них крикнул:

— Тащ старший лейтенант, тут один в нашей командирской форме стоит с поднятыми руками, другой на земле лежит, дохлый совсем.

Ещё через минуту в моём поле зрения появился старлей с наганом в руке, и, наведя его на меня, потребовал:

— Сдать оружие!

Я снял ремень с кобурой и отдал его одному из красноармейцев. После этого старлей показал стволом в сторону реки:

— Шагом марш! Дёрнешься — стреляю без предупреждения!

Вот так под конвоем меня вывели к реке, откуда я увидел машину двигающуюся со стороны штабной колонны по направлению к моей части автороты. Машина спокойно ехала по дороге со включенными фарами. Вот же долбодятлы! Мать Вашу!

Немецкие летчики по всей видимости имели примерные координаты временного расположения дивизии и продолжали кружиться над этим районом, ожидая целеуказания от остывающего в кустах диверсанта. Но вместо

него им помогла найти цель безалаберность красных командиров. Вскоре над лагерем вспыхнули одна за другой три осветительных авиабомбы и раздались оглушающие звуки сирен пикирующих бомбардировщиков. Очень захотелось упасть и вжаться в землю, но я всерьёз опасался, что в этом случае старлей меня пристрелит. Да он и так может с перепугу шмальнуть. Или осколок прилетит. Ситуация... Однако старлей, надо отдать ему должное, сообразил довольно быстро — ткнул меня в спину стволом и гаркнул над ухом, перекрикивая сирены:

— Лежать, руки за спину!!!

Я послушно бухнулся на землю лицом вниз, заведя за спину руки, которые тут же оказались стянуты ремнем, после чего рядом, одновременно с первыми разрывами авиабомб, попадали на землю и мои конвоиры. Время под бомбежкой тянется очень медленно. Разумом понимаешь, что длительность авиаудара вряд ли может составлять более пятнадцати минут, но когда рядом с оглушающим грохотом одна за другой рвутся падающие с неба бомбы, кажется, что прошли часы, прежде чем всё стихло и вражеские самолеты, сделав своё черное дело, ушли на запад.

Когда настала тишина, я, извернувшись, сумел сесть и посмотрел через реку в сторону расположения дивизии. Мне открылась унылая картина полного разгрома. Весь пойменный луг, на котором остановились на ночлег воинские подразделения, был изрыт воронками, в ночной тьме яркими кострами горели машины и подводы. Единственное, что могло меня утешить — это то, что все десять моих машин стояли целыми и невредимыми. Помогли маскировка и крайнее расположение.

Тем временем конвоировавший меня старлей поднялся, увидел панораму грандиозного побоища, выругался и, срывая голос, крикнул в сторону кустов:

— Взвод! Прочесывание прекратить, возвращаемся в расположение!

Затем он приказал уже мне:

— Встать! — и после того, как я поднялся с земли, старлей с закаменевшим лицом начал говорить обличительным, полным ненависти и праведного негодования тоном, делая ударение на каждом слове, — Именем Союза Советских Социалистических республик, за шпионаж и предательство, повлекшие гибель большого числа бойцов и командиров Красной Армии, по законам военного времени неизвестный шпион приговаривается к расстрелу на месте!

Вот курва! Да сейчас этот сбрендивший псих прямо тут меня шлепнет!

— Старлей, ты что, совсем долбанулся?! Да тебя самого за самосуд под трибунал отдадут! Я командир автороты, сам тут диверсанта ловил и убил, ты же видел его, он там в кустах лежит!

— Приговаривается к расстрелу! — упрямо повторил старлей, взвел курок и навел ствол нагана мне между глаз.

— Тащ старший лейтенант, его бы особистам сдать или в НКВД, чтобы допросили хорошенько, можа он что важное знает? — в последний момент вклинился один из бойцов.

Старлей, не отводя револьвер, ответил с истерическими нотками в голосе:

— Кому сдавать? Всех разбомбили!

— Так можа в городе НКВД есть? Туды его и сдать, ужо они ему покажут!

— В городе должно быть, — неожиданно согласился старлей, на секунду задумался и решил, — Да, точно, туда его и сдадим!

Фу, отлегло... Хотя в НКВД тоже может быть далеко не сахар, да точно, сначала будут бить, а потом разговаривать. Вот же влип!

— Кругом! Вперед шагом марш!

Я развернулся и вошел в реку, буквально физически ощущая наведенный мне в спину ствол револьвера со взведенным курком.

Когда мы вышли из воды, сумасшедший старлей приказал идти к машинам автороты, где его бойцы нашли одного из моих водителей и привели к нам.

— Заводи машину, его в город повезем!

Боец непонимающе посмотрел на меня, молча стоящего со связанными руками, на старлея, с пеной у рта машущего револьвером и предпочел исполнить приказ. Меня под конвоем четырех красноармейцев посадили в кузов, старлей, не выпуская из руки наган, сел в кабину и мы покатали в Славгород, который был от нас в паре километров. В городе старлей, спросив у патруля, выяснил, что здесь имеются только отделение милиции и комендатура, куда мы и поехали, добравшись за пару минут. Там нас встретил дежурный сержант, который узнав, что привезли шпиона, немедленно поднял коменданта, ночевавшего где-то в здании. Когда заспанный капитан спустился со второго этажа, старлей ему сразу сообщил:

— Вот, забирайте, шпиона поймали! Он фашистские самолеты на лагерь дивизии навел.

Капитан задумчиво посмотрел на меня, давая возможность высказаться, чем я и воспользовался, чтобы отвергнуть все обвинения:

— Я командир автороты Ковалев, проверял посты, услышал в кустах за пределами расположения части

приближающиеся шаги, пошел туда, услышал щелчок взводимого курка и выстрелил на звук, а подойдя, увидел, что убил мужчину в гражданской одежде, около которого лежала ракетница...

— Вот врёт! — возмущенно прервал меня старлей, — Точно говорю, шпион это! Да по нему сразу видно, что это вражина, не наш человек, Вы присмотритесь, сразу же видно! И ордена наверняка фальшивые, а того гражданского он убил, чтобы свидетеля убрать. Его надо расстрелять без проволочек!

— А документы где? — спросил капитан.

— Вот мои документы! — старлей протянул свою командирскую книжку.

— А его?

— Так у него наверное, где же ещё?!

— Так Вы не проверяли документы? — капитан достал у меня из нагрудного кармана весь комплект — командирскую и орденскую книжки, комсомольский билет и стал их листать.

— А чё там проверять? Ясно же всё! — с уверенностью конченного кретина откликнулся старлей.

— Вас Лаврентий Павлович награждал? — спросил меня капитан, поморщившись в сторону старлея, после того как прочитал орденскую книжку.

— Да, лично, — подтвердил я.

— Ну да, точно! — он хлопнул себя по лбу, — Мирошкин, ну-ка последнюю «Красную Звезду» найди!

После этих слов сержант порывлся в столе, вытащил газету и передал капитану. Тот развернул её на первой странице и с удовлетворением в голосе произнес:

— Ну вот! Что я говорил? Ковалев Андрей Иванович, дважды орденосец, изобретатель, активист и доброволец! Вот! — он показал старлею газету с моей фотографией с митинга на автозаводе, — Так говорите, это он шпион?..

* * *

Из комендатуры я вышел около шести часов утра, сел на пассажирское сиденье в кабину ожидавшего меня грузовика, и мы двинулись догонять дивизию. Справедливость восторжествовала! Газета здорово помогла, не берусь гадать, как дело бы обернулось без этой статьи. Однако поняв, что дело принимает политический оборот, капитан Хлебников провел дознание по всем правилам, подключив к делу и сотрудников местной милиции, которые, тщательно осмотрев место происшествия, неподалеку от убитого мной диверсанта нашли рацию немецкого производства, топографические карты и бинокль. Разобрался он и с тем, как немецкие летчики обнаружили цель, путем опроса выживших бойцов и командиров, подтвердив мои слова о движении штабного автобуса со включенными фарами. Кстати, в том автобусе был особый отдел дивизии в полном составе, погибли все. Нашел свою смерть под бомбами и командир дивизии, находившийся в другой машине. Начальник штаба выжил, но получил тяжелое ранение и оставлен в местной больнице. Поэтому командование соединением временно перешло к командиру тридцать второго полка. А поймавший и доставивший меня в комендатуру старший лейтенант Белов арестован. Хлебников сказал, что того ждёт трибунал. Уж не знаю, какое обвинение ему предъявят, наверное могут и вредительство пришить. Однако по моему скромному мнению, Белову необходимо психиатрическое лечение, похоже, на фоне стресса он слегка повредился умом, хотя ведь я раньше с ним знаком не был, может он всегда был таким долбанутым ушлепком?

Примерно через полчаса моя машина догнала дивизионную колонну, которая несмотря на понесенные тяжелые потери упрямо шла к линии фронта. Пристроившись сзади, мы также поехали в западном направлении, по пути подбирая отставших доходяг.

* * *

Утром восемнадцатого июля дивизия (точнее говоря, то, что осталось от её передового отряда) перешла через Днепр по мосту у Рогачева и встала лагерем, чтобы пополнить свои ряды за счет скопившейся у переправы человеческой массы — здесь были маршевые роты, пришедшие с востока, новобранцы, мобилизованные в близлежащих селах и тысячи дезертиров, отловленных подразделениями НКВД. Кого-то из дезертиров показательно расстреливали, но большую часть военные трибуналы приговаривали к смертной казни условно и вновь направляли в боевые подразделения. Мою автороту также дополнили четырьмя выдавшими виды полукорками, почти полностью возместив потери от бомбежки под Славгородом, где были уничтожены пять машин, приданных артиллеристам, и выбыло шесть бойцов. В течение дня мы заправились и провели техническое обслуживание всех автомобилей автороты, в том числе и тех, что были приданы дивизиону ПТО. Всё остальное

время я занимался со своими подчиненными строевой, боевой и политической подготовкой, пока была такая возможность.

На следующий день около десяти часов меня нашел вестовой и передал распоряжение явиться к подполковнику Рогачеву, временно исполнявшему обязанности командира дивизии. Пройдя полкилометра по тщательно замаскированному лагерю, я добрался до небольшой рощицы, в которой обосновался штаб соединения. Рогачева я застал около штабной палатки, разговаривающим с незнакомым мне пехотным капитаном. Увидев меня, командир дивизии сказал, обращаясь к своему собеседнику:

— Ага, вот и Ковалев пожаловал! Ты только глянь — сразу видно — орёл! Даром, что младший лейтенант, а уже два ордена! — и продолжил говорить, уже обращаясь ко мне, — Ставлю тебя командиром третьей роты третьего батальона, это твой комбат, капитан Тарасов. Приказы уже оформляются, позднее ознакомишься. Иди принимай роту. Времени мало — выступаем через час.

Ну что сказать? Всё подробно объяснили, так что оставалось только взять под козырек и пойти вслед за комбатом, который сразу стал вводить меня в курс дела:

— В роте сейчас двести восемнадцать бойцов и командиров, набрали здесь с запасом, из них девяносто три — это новобранцы и дезертиры, так что будь внимательнее. Командиры стрелковых взводов — зеленые выпускники девятимесячных курсов, зато замки опытные сержанты. Пулеметным взводом командует сержант Малинин, да там и пулемёт-то всего один.

— Что с оружием?

— Шесть «дегтярей», один «Максим», два миномета. От фашистских бомб крепко нам досталось — и люди погибли, и оружие потеряли. Хорошо хоть винтовки есть.

— Подводы?

— Три шпуки на роту, больше нет, не проси.

Ну и как тут воевать? Ни нормальных командиров, ни оружия, ни транспорта. Да и вообще сплошная задница. Если команду автомобильной ротой, был хоть какой-то шанс отсидеться в тылу, то тут... шансы выжить, честно говоря, мизерные. Чует моё сердце, что бросят нас в скором времени в самую мясорубку. Курва!

Тем временем мы подошли к расположению роты и капитан дал команду строиться в четыре шеренги, представил меня и ушёл. После чего я позвал к себе командиров взводов, познакомился, приказал готовиться к маршу и пошел в автороту за вещами. А когда вернулся, уже поступила команда становиться в походные колонны. Я закинул чемодан на подводу, предварительно достав из него добытый на финской войне бинокль, затем проконтролировал построение, принял доклады о готовности, сам доложил комбату, после чего занял место впереди ротной колонны.

* * *

За два дня, что мы шли, я проклял пехоту всеми известными мне бранными словами на всех известных мне языках. Ехать целый день на полуторке тоже, разумеется, не легкое дело, но, пся крев, топтать и глотать дорожную пыль целый день под палящим июльским солнцем — это действительно адово занятие. За эти неполных два дня рота, ещё не вступив в бой, успела понести немалые потери. Шесть красноармейцев погибло и одиннадцать получили ранения в результате авианалетов, семерых пробрало поносом аж до госпитализации, а четверо дезертировали, растворившись в темной ночи. Поэтому, когда вечером двадцатого июля вместо отдыха нам дали команду окапываться, я поначалу даже слегка обрадовался, но услышав от комбата, что моей роте отводится линия фронта шириной почти километр, несколько приуныл. Сплошную линию траншей такой протяженности вырыть не получится, даже если копать всей ротой всю ночь.

Вышел на свои будущие позиции, покрутился, повертелся. Ровное как стол поле засеянное яровой пшеницей, лишь едва заметное понижение в сторону фронта. Ну и где копать? М-да. Тяжела командирская ноша.

— Быстров, — обратился я к вестовому, — Зови сюда командиров взводов!

Боец убежал, а я, пока окончательно не стемнело, стал в бинокль осматривать дальние подступы. Наши части располагаются фронтом на северо-запад. Впереди видны лишь ровные поля с редкими рощицами. Слева окапывается наша дивизия, упираясь дальним от меня флангом в небольшую деревушку. Правее меня начала зарываться в землю уже другая часть, похоже, что кавалерийская. А я, получается, на стыке.

Когда подошли командиры взводов, я им показал где и как рыть траншеи, на что Степашов, командир первого взвода осмелился возразить:

— Не по уставу это, ячейки надо копать.

— В ячейках ваши новобранцы да бывшие дезертиры при первых выстрелах усядутся на дно и кто их потом оттуда выколупывать будет? Сам будешь по полю на пузе ползать? — младший лейтенант задумался, потупив

глаза, а я продолжил обращаясь ко всем, — Дискуссия окончена, роите как я показал, сами завтра спасибо скажете. Выполнять!

Только разошлись командиры взводов, как подъехали две сорокопятки, буксируемые машинами моей бывшей автороты и ко мне подошел лейтенант, который козырнул и представился:

— Командир взвода ПТО Антонов, Вы Ковалёв?

Я протянул ему руку:

— Да, можно просто Андрей.

Тот ответил на рукопожатие и сказал с улыбкой:

— Тоже Андрей!

— Ну и здорово! Ты из дивизиона Долгавина?

— Да, в Рогачеве к нему назначили, а так войну плод Белостоком начал.

— Значит уже успел повоевать?

— Даже не знаю как сказать... Вживую ни одного немца не видел, только под бомбежками во время отступления из котла полвзвода потерял и все пушки. Вот и отправили в Рогачев, — не вдаваясь в подробности, ответил он и спросил:

— А у тебя ордена за что?

— Знамя за Польшу, звезда за Финляндию, — так же коротко ответил я и перешёл к делу, — Смотри, предлагаю одну пушку поставить вон там, за позицией второго взвода, а другую на самом правом фланге за третьим взводом.

Он осмотрелся, поднявшись в кузов грузовика для лучшего обзора и согласился с моим предложением.

Вскоре работа закипела и в моей роте, и у артиллеристов, а мне оставалось лишь ходить между взводными позициями, подгонять бойцов и периодически вносить коррективы. За полчаса до полуночи, когда работа была ещё в полном разгаре, к северо-западу от наших траншей на расстоянии около километра в небо взлетела красная ракета, потом донеслось несколько коротких очередей и всё стихло. Судя по всему, это наша разведка засекла передовые дозоры фрицев.

— Что застыли?! — гаркнул я на прекративших копать бойцов, — Немцы уже близко! Зарываемся в землю! — а сам поднес к глазам бинокль и стал осматривать дальние подступы к нашим позициям, но в поле зрения никакого движения заметно не было. И то хорошо.

Рота окапывалась всю ночь, но так как лопат не хватало на всех, каждому бойцу удалось вздремнуть часа два-три. А я, воспользовавшись своим служебным положением, умудрился проспать целых пять часов в специально для меня вырытом окопчике на позиции второго взвода. Проснувшись в шесть часов, я первым делом приказал вестовому приготовить кофе, потом достал свой «Жилетт» и приступил к бритью. За этим делом и застал меня Антонов, с одного взгляда оценивший мой станок:

— Хорошая штука, импортный?

— Ага, трофей, начальство разрешило себе оставить в качестве премии. Садись тут, сейчас кофе готов будет.

— Ого, хорошо живешь!

— Да, прихватил из дома.

Вестовой приготовил ароматный напиток аккуратно к тому моменту, когда я закончил бритьё и мы насладились бодрящим вкусом в прикуску с галетами. Завершив лёгкий завтрак, я достал бинокль и посмотрел в сторону противника, который пока никак не обозначил своё присутствие. Хочется надеяться, что пока сюда вышли только передовые отряды, которые не рискнут сразу атаковать наши позиции, дав нам ещё какое-то время на подготовку.

— Тишина, — сказал артиллерист, который также по моему примеру воспользовался своим биноклем, — Может и нет там никаких немцев?

— Есть, — не согласился я с ним, — Видишь одинокое дерево прямо по фронту на дистанции пятьсот метров? Теперь посмотри на рошу правее на пятнадцать градусов и от нас уже примерно метров семьсот. Видишь поплёскивает? Это немцы за нами наблюдают.

— Вот суки! — возмущился Антонов, разглядев, — Дать бы по ним фугасом!

— Хорошо бы, но без разрешения нельзя. Я сейчас комбату черкну записку о о результатах наблюдения, а ты своему командиру направь. Пусть начальство думает, но пушку всё же наведи, — я достал бумагу из планшетки и написал докладную по количеству личного состава, о ходе фортификационных работ и обнаруженном НП противника. Потом подозвал вестового и отправил его сначала в штаб батальона, отдать мои доклады, узнать насчет завтрака, а по обратному пути зайти на позицию первого взвода, где взять доклад о состоянии дел и доставить его ко мне. Второго вестового направил в третий взвод. Связь только такая — посылными, ни телефонов, ни тем более радиостанций нет. Самому теперь ходить нельзя, пока бойцы не выроют ходы сообщения, а то вдруг на поле не только наблюдатели, но и снайпера попрятались. Беречь себя надо. Не из-за трусости, а понимая свою военную ценность. Вестовым-то можно кого угодно назначить, а ты поди командира роты найди. А

если ещё учесть, что я попаданец, который при разумном подходе может много пользы принести, то надо прилагать максимальные усилия для сохранения моей драгоценной тушки, исключительно для пользы дела. Хотя шансов реально мало.

Разослав вестовых, я придирчиво осмотрел, что второй взвод успел накопать за ночь. Внес небольшие коррективы и приказал рыть ходы сообщения направо, налево и в тыл. А сам уселся в своем окопчике и занялся наблюдением. Делать пока нечего было.

В полвосьмого утра увидел двух командиров, приближающихся со стороны штаба, которые спокойно шли по пшеничному полю в сторону передовой. Посмотрев в бинокль, я их без труда опознал — моё непосредственное руководство. Комиссар и начальник штаба батальона. Когда я только попал в СССР, то в газете «Правда» прочитал большую статью, посвященную Кирову, в которой было много славословия в адрес погибшего в тридцать четвертом году партийного деятеля. Кроме прочего, там была и запомнившаяся мне фраза о его работе в период гражданской войны: «На фронте Сергей Миронович ходил прямо, пулям не кланялся». Вот и эти долбодятлы идут прямо, перед врагом не кланяются. Молодцы! Герои! Реакция со стороны немцев долго ждать себя не заставила. Вдали раздался негромкий хлопок, потом с неба донесся характерный шелест и за спинами красных командиров, метрах в тридцати, вспух султан взрыва. Комиссар и начштаба рухнули в траву, а я крикнул надрывая горло:

— Антонов! Бей по наблюдателям!

Через пять секунд пушка плюнула огнем, попав прямой наводкой с первого раза в ранее выявленный немецкий НП, потом артиллеристы добавили туда же ещё пару фугасов. Немецкие минометчики успели сделать ещё один выстрел, теперь уже с недолётом и замолчали. Вовремя Антонов заткнул корректировщика. Третий выстрел был бы точным. Посмотрев в сторону тыла, я смог разглядеть в пшенице удаляющиеся начальственные задницы. Быстро уму-разуму научились! Но вот ползут неправильно — слишком высоко пятую точку задирают. Тренироваться им ещё и тренироваться!

Всё бы было хорошо да весело, но этот инцидент высветил немаловажную проблему: если не будет хода сообщения в тыл, то о горячем питании можно не мечтать. Немцы на одиночного вестового мины тратить не стали, но группу бойцов с термосами непременно обстреляют. Исходя из этих соображений, я дал команду перераспределить землекопов так, чтобы наибольшие усилия были направлены на рытьё тылового хода.

В девять утра приполз вестовой и подтвердил мои пессимистические предположения, сообщив, что горячую пищу мы получим, только когда стемнеет, ну или когда ход сообщения выроет, но там без вариантов — даже если текущие ударные темпы сохранятся, то понадобятся сутки, чтобы докопать до рощицы, в которой размещены тылы и штаб батальона. А так как сухая у солдат нет, то придется до вечера обходиться без еды. У меня, конечно, имеется кое-что в личном запасе, но не буду же я сало трескать в одну харю на глазах у голодных бойцов.

Чтобы взбодрить красноармейцев видом работающего командира, взялся за лопату и занялся улучшением своего окопчика, потом принял участие в рытьё траншеи. Так, в заботах и день прошел, а как только начало смеркаться, отправил пятерых бойцов за едой. Тыловой ход к вечеру вырыли уже на триста метров, поэтому парни смогли безопасно уйти в тыл, преодолев опасный участок ползком, а вернулись они, когда уже окончательно стемнело, нагруженные термосами вместе с ротным старшиной Прошкиным, который весь день, как и положено, провел в тыловом расположении. Учитывая наши пропущенные завтрак и обед, на ужин притащили первое и двойную порцию второго, да ещё и галет выдали. Поев, я подозвал к себе Прошкина. Мне уже приходилось общаться с ним по долгу службы и старшина произвел на меня впечатление оборотистого хитро сделанного мужика (ну как мужика — ему было двадцать пять лет, благодаря чему в роте он был самый старший по возрасту). Тот, протиснувшись в мой окопчик, вытянулся по стойке смирно и доложил о прибытии.

— Вольно! — сказал я ему, чтобы тот не тянулся, как на параде, — Старшина, завтрак принесешь перед рассветом, сам понимаешь...

— Есть! — спокойно, с достоинством подтвердил тот получение приказа.

— С утра нас могут атаковать, так что тебя здесь быть не должно, твоя ответственность — тылы и полевая кухня. И организуй там ездоных, чтобы не бездельничали — кухня, подводы и лошади должны быть хорошо замаскированы, для личного состава должны быть вырыты щели для укрытия при артобстреле и бомбардировке.

— Есть! — ответил он задумчиво, как бы прикидывая фронт работ.

— Да и ещё... У нас там в запасе красноармейская форма есть?

— Нет, — мотнул головой старшина, — Что было, пропало при бомбёжке, да и было-то всего ничего...

— Достать сможешь?

Тот задумчиво пожал плечами:

— Так-то оно можно было бы, но...

Понятно, за спасибо не получится. Я порывлся в чемодане и вытащил финку, я их три штуки с той войны привез.

— На вот, поменяешь. Если получится, то надо четыре комплекта — на меня и на командиров взводов.

Прошкин задумчиво повертел в руках нож и ответил:

— Если поношенные, то четыре можно, наверное.

— Давай поношенные, но чтобы не совсем рваньё, и с пилотками.

— Когда принести?

— Ты достань и у себя держи, а как понадобятся, я тебе скажу.

Хотел уже его отпустить, но заметив его короткий, подозрительно-задумчивый взгляд, понял — настучит, да так, что подумают, будто я сдаваться или дезертировать собрался. Пришлось объяснять:

— Командир всегда первейшая цель для вражеского снайпера, да и не только. Пока мы в обороне, я не сильно заметен, но если надо будет наступать, то моя фуражка и синие галифе очень сильно облегчат поиск цели врагу. Вот тут красноармейская форма и пригодится.

Прошкин поняливо кивнул и я его отпустил.

После приема пищи я поручил Михаилу Коркину, командиру второго взвода, организовать караулы и ночное рытье траншей, а сам завалился спать. Проснулся как от толчка в час ночи. Прислушавшись к окружающим звукам, не услышал ничего, кроме стрекота кузнечиков и сопения спящих поблизости бойцов. Полежал пару минут. Спать хотелось очень сильно, тем более, что я понимал — завтра может быть очень не до сна. Но лёгкий зуд подсознания и долг командира заставили меня подняться и пройти по траншее. Это я вовремя проснулся! Все дрыхнут: караульный сел в уголочке и тихонечко посапывает в углу, землекопы разлеглись широко, с комфортом. Пройдя дальше, я увидел второго часового, который к службе относился более ответственно, чем первый: этот спал стоя. Вот же сукины дети! Ну и как тут отцу-командиру отдохнуть от забот о подразделении, когда эти мерзавцы себе такое позволяют? Хотел уже пнуть этого оболтуса как следует, чтоб потом всю жизнь подпрыгивал при возникновении желания поспать на посту. Но в это время услышал легкий, но очень подозрительный шорох со стороны фронта, поэтому решил экзекуцию часовых временно отложить и прильнув к окулярам бинокля, стал всматриваться в ночную темень. Слух и интуиция меня не подвели — по полю в сторону наших позиций ползли немецкие разведчики. Судя по траектории их движения, они должны были пересечь линию окопов между первым и вторым взводом. Я выбрался на поле с тыльной стороны траншеи и пополз им наперерез, таким образом, чтобы встретиться с ними непосредственно за ходом сообщения. Добравшись до выбранной точки, я затаился в пшенице, продолжая вглядываться в приближающихся фрицев. Теперь я точно знал, что их четверо, но оставались некоторые сомнения — а вдруг это наша разведка возвращается? Ползут в маскхалатах, знаков различия не видно, оружия не видно. Поэтому, чтобы не ошибиться, я сдвинулся чуть в сторону и замер, стараясь даже дышать через раз. А когда они беззвучно перебрались через недоделанный ход сообщения и проползли мимо, то я поднялся, по наличию у них автоматов МП-40 убедился, что имею дело с врагом и четыре раза с максимальной скоростью выстрелил из ТТ. В ответ выстрелить никто не успел, хоть и пытались. Три трупа, один подранок, которому ещё и ногой в голову добавил, после чего я вновь упал на землю с криком:

— Не стрелять! Не стрелять! — а то мои архаровцы немецких диверсантов проспали, а вот собственного командира спросонья пристрелить могут запросто. Да и у немцев должна быть группа поддержки, оставшаяся метрах в двухстах от наших позиций.

Тем временем в окопах поднялась суета, со стороны немецкого расположения запустили осветительную ракету, с позиций первого взвода несколько раз выстрелили непонятно куда. Я же пополз в сторону своей траншеи, не переставая кричать:

— Не стрелять! Коркин, ответь!

И вскоре дождался членораздельного отклика:

— Тащ Ковалев, это вы?

— Я, кто же ещё?! Тут немецкие диверсанты, уже обезвреженные. Направь сюда отделение Березкина. Только ползком!

— Есть!

Через минуту ко мне подползли бойцы во главе со старшим сержантом. Вместе мы доставили раненного немца и трупы в наше расположение, где я приказал раздеть убитых фрицев и закопать за нашими окопами, а сам по быстрому допросил пленного, который после нескольких тычков в область раны стал очень словоохотлив. Тем временем прибежал вестовой из штаба батальона, чтобы узнать кто и зачем стрелял.

Закончив допрос и приказав усилить бдительность, я взял раненного немца, оружие, одежду и вещи с трупов, четырех бойцов и вместе с вестовым отправился к начальству.

Штаб батальона расположился вместе с тыловыми службами за рощей в полукилометре от передовых позиций. Причем обустроились они весьма основательно — подойдя, я разглядел пять свежевыкопанных землянок с бревенчатым перекрытием и щели для укрытия.

Все руководители батальона — командир капитан Тарасов, начштаба старший лейтенант Гусев и комиссар старший политрук Вязовский — стояли посреди лагеря и курили, тихо переговариваясь. Я подошел к ним и

козырнул Тарасову:

— Разрешите обратиться, товарищ капитан!

Тот окинул взглядом следовавшую за мной процессию и протянул руку для рукопожатия:

— Ну здравствуй, Ковалев! — после этих слов он развернулся к землянке, — Пойдем, расскажешь, что да как, — и двинулся первым, я пропустил следовавших за ним начштаба с помполитом и спустился вниз последним. Там уже горела керосиновая лампа, командиры расселись вокруг небольшого стола, более похожего на обеденный, а я остался стоять, чуть пригнув голову упиравшуюся в потолок — садиться меня не пригласили, да и чурбаков, использовавшихся в качестве стульев, больше не было.

— Говори! — приказал Тарасов, и я приступил к докладу:

— Сегодня, в час ночи при проверке постов мною было замечено приближение вражеской разведгруппы в составе четырех солдат. Я принял решение обезвредить немцев самостоятельно, так как бойцы могли поднять шум и спугнуть противника. С этой целью я занял позицию на пути вражеской группы, намеревавшейся пройти между окопами первого и второго взводов моей роты. Когда они приблизились, то я точными выстрелами из пистолета убил троих немцев, а одного ранил в плечо, взял в плен и допросил. От него я узнал, что напротив нас и соседнего кавалерийского полка расположилась пятьдесят вторая дивизия вермахта, которая должна завтра перейти в наступление. С его слов, танков у них нет, но имеются самоходные орудия в количестве восьми штук. Разведка была послана с целью уточнения расположения наших позиций и захвата пленного для получения от него нужных сведений. Доклад закончен!

— Молодец! Садись! — увидев, что я остался стоять, он приподнялся и осмотрел землянку, только сейчас заметив, что мне сесть некуда, после чего комбат крикнул в сторону входа, — Жарков!

— Я! — практически моментально в тесной землянке появился вестовой.

— Принеси чурбак!

— Есть!

Боец исчез за плащ-палаткой, игравшей роль двери, а капитан спросил меня:

— Ну с этим вроде бы понятно, молодец, не зря ордена носишь, но ты вот что мне скажи, что у тебя там за самодеятельность? Вместо положенных по уставу ячеек, вырыл траншеи, как в империалистическую. Если не знаешь как положено, то спросить надо было!

— У меня треть роты — это новобранцы и дезертиры, из остальных почти половина — это весенний призыв. Как только немцы стрелять начнут, все эти сто тридцать человек попрячутся на дно ячеек и ни у сержанта, ни у командира взвода не будет возможности заставить их воевать. Что называется, подходи и бери голыми руками.

— Устав надо выполнять! — подал голос комиссар, — Его умные люди писали! А если каждый младший лейтенант будет заниматься самоуправством, мы неизвестно куда докатимся!

В это время вестовой принес чурбак, поставил его к столу, и я сел, следуя жесту комбата.

— Сейчас уже нет времени на переделки, — снова взял слово Тарасов, но на будущее запомни, что устав существует, для того, чтобы его выполнять! Понял?

— Понял!

— Раз понял, то иди в соседнюю землянку и пиши рапорт по диверсантам, а потом дуй в роту и готовься к обороне!

— Есть! — я, поднявшись, козырнул и направился выполнять приказ.

В роту я вернулся в половине третьего, написал записки командирам первого и третьего взводов с указаниями по поводу предстоящей атаки, отправил вестовых и завалился спать — можно было ухватить ещё пару часиков. В пять меня разбудили — принесли завтрак. Быстро заглотив перловку с мясом, я дошел до артиллеристов, где застал Антонова, доедающего свою порцию каши.

— Привет, ты уже знаешь, что сегодня немцы будут атаковать? — спросил я его, пожав руку.

— Да, в три часа вестовой прибежал из дивизиона. Говорят, это ты тут ночью пошумел? Немецких диверсантов уничтожил?

— Да, есть такое, одного в плен взял, вот он и сказал, что напротив нас пехота. Танков вроде бы у них нет, зато имеются самоходные орудия «Штутг». Это почти как танк, но башня не крутится, и броня толще.

— Да знаю я, пока на реформировании под Рогачевом сидел, пообщался с артиллеристами, которым приходилось с ними сталкиваться. Надо его подпустить поближе, да в гусеницу фугасом бить, а как разуется и развернется — то уже бронейбойным в борт. Так что не удивляйся, что я по ним издали стрелять не буду. И пока со «Штугами» не разделаюсь, по пехоте тоже бить не стану.

— Насчет пехоты не беспокойся, отобьёмся, ты, главное, бронетехнику выбей. Кстати как со снарядами?

— Нормально, двадцать четыре бронейбойных, двенадцать фугасно-осколочных и пятнадцать шрапнели.

— Ну да, негусто, но на один бой должно хватить.

Вернувшись на позицию второго взвода, я приказал всем максимально рассредоточиться по траншеям и ходам

сообщения, а затем расположился в своём окопчике, намереваясь прикорнуть хотя бы на пятнадцать минут. Но немцы решили не предоставлять мне такой возможности и начали артподготовку. Насколько я мог судить, скрючившись на дне окопчика, били по нам в основном из восьмидесятимиллиметровых миномётов и семидесятипятимиллиметровых полковых пушек. Время снова растянулось до бесконечности, но когда взрывы стихли, мои часы показывали без десяти шесть, то есть обстрел длился менее пятнадцати минут. Я немного посидел в тишине, убеждаясь, что артподготовка прекратилась, и выглянул из окопчика чтобы осмотреться. Н-да, его не ждали, а он пришел — пушистый северный зверёк. На расстоянии примерно пятисот метров от меня виднелась медленно приближающаяся вражеская цепь, перед которой, стараясь не отрываться от пехоты, двигалась немецкая бронетехника — самоходные орудия и танки. Танки, которых здесь не должно было быть. В направлении моей роты шли две «двойки», двигавшиеся по направлению к окопам первого взвода, одна «тройка» ползла на меня и самоходка «Штуг» направлялась по полю в сторону позиций третьего взвода. Похоже, немцы здесь не стали собирать в бронетехнику в единый кулак, а равномерно распределили по наступающим широким фронтом пехотным подразделениям.

— Не стрелять! — я ещё раз прокричал команду, которую уже отдавал до начала немецкой артподготовки и, поправив каску, направился на позицию минометчиков, расположенную на левом фланге. Здесь расчет из двух бойцов за прошедшее время проделал огромную работу: вырыл окоп два на два метра, в котором располагался один пятидесятимиллиметровый миномет. Второй был в составе первого взвода.

— Приготовиться к бою! Дальность пятьсот, прицел ноль, — забравшись в окоп, я стал немедленно отдавать приказы засуетившимся бойцам, — Огонь!

В отличии от винтовок, пулеметов и пушек из миномета сейчас уже можно стрелять — он на закрытой позиции и немцы не смогут его засечь. Другие командиры нашей дивизии в этом были со мной согласны — среди наступающих врагов стали вспухать султаны разрывов наших мин различных калибров. Но имеющегося в дивизии количества минометов было явно недостаточно, чтобы остановить вражеское наступление. Когда немцы приблизились ещё метров на сто, где-то в центре наших полковых порядков, скорее всего, во втором батальоне началась стрельба и из стрелкового оружия, этот преждевременный почин поддержали их соседи и вскоре пулеметный и винтовочный огонь открыли уже все подразделения дивизии, за исключением второго и третьего взводов моей роты. Я ведь запретил стрелять, пока противник не приблизится на дистанцию менее трёхсот метров, а сейчас до них около четырехсот. Первый взвод, отрыв огонь на таком расстоянии, нарушил мой приказ. Идиоты.

Тем не менее, кое-каких положительных результатов наши всё-таки смогли достичь. Под плотным пулеметным огнем немецкие цепи залегли, а вскоре и загорелся подбитый из «сорокопятики» легкий немецкий танк «двойка» в паре километров от меня. Соседи справа тоже не сидели без дела — напротив их позиций застыл подбитый панцер Т-4, а немецкие цепи начали пятиться. Напротив нас фрицы также стали медленно отходить, точнее отползать, огрызаясь огнем из танковых пушек.

— Ура, отступают! — бойцы в окопах искренне радовались победе, а я задумчиво смотрел на небо. Погода ясная, но хочется надеяться, что «Юнкерсы» не прилетят. У нас ведь не основное направление удара. Немцы рвутся к Смоленску и Могилеву, там и сосредоточены все силы авиации и танковые части. Но, с другой стороны, где-то же они нашли почти сорок танков, чтобы поддержать наступление пехотных дивизий на своем правом фланге. Да и без немецких бомбардировщиков скоро нам будет очень кисло. Мои грустные размышления прервал восторженный Коркин:

— Товарищ младший лейтенант, фашисты отступают! А мы даже ни разу не выстрелили! — похоже, он так издали намекает, что я не прав со своим приказом не стрелять.

— И очень плохо, Миша, очень плохо.

— Как плохо? — девятнадцатилетний пацан смотрел на меня с искренним недоумением. С того момента как меня назначили командиром роты, Коркин, благодаря наличию двух орденов, относился ко мне с явным уважением, даже, можно сказать, с благоговением. А тут он слышит такое провокационное заявление, откровенно граничащее с предательством.

— Чему вас, Миша, только учили? Это фактически была разведка боем, потери мы врагу нанесли небольшие, сейчас немцы отойдут и по выявленным огневым точкам нанесут прицельные артиллерийские и минометные удары. И вот только после этого будет настоящий бой. А ты, давай, иди прикажи бойцам рассредоточиться, пулемёты убрать с бруствера. Всё только начинается. И запомни, огонь открывать, только когда враг будет ближе трёхсот метров.

Изменившийся в лице командир взвода ушел, а я, осмотревшись, решил остаться в окопе минометчиков. Обзор отсюда даже лучше, чем с моего НП будет.

Как я и предполагал, стоило немцам отойти дальше пятисот метров, как на наши позиции вновь обрушился шквал огня. К малым калибрам, которые преобладали в первой артподготовке, теперь прибавились и многочисленные разрывы более тяжелых снарядов, скорее всего это были стопятимиллиметровые гаубицы. Сейчас

я уже воспринимал артобстрел более спокойно, время не растягивалось, паническими приступами не накрывало, похоже начал привыкать. Когда грохот разрывов стих, я практически сразу выглянул из окопа и первым осмотрел позицию второго взвода. К счастью, прямых попаданий по траншеям не было. Посмотрев в бинокль, я убедился, что на позициях третьего взвода, занимающего позиции на моем правом фланге, тоже все нормально, а вот первый взвод пострадал серьёзно. Отсюда мне было видно по меньшей мере две большие воронки на месте окопов. Вот курва! Немного поразмыслив, я решил, что мне надо выдвигаться туда, на левый фланг роты, причем как можно быстрее.

— Коркин! Ко мне!

Через пять секунд младший лейтенант заскочил в окоп и по моему жесту уселся на землю.

— Ну что, Миша, понял, почему не надо было стрелять? — Коркин кивнул, а я продолжил, — А вот Степашов, вопреки моему приказу, открыл огонь раньше времени и в результате получил точное накрытие своих позиций. Поэтому мне нужно туда, со мной пойдет отделение Карпенко с «дегтярем», санинструктор... как его?

— Самсонов.

— Да, значит он, и снайпер Самедов. Давай собирай всех и отправь за мной по ходу сообщения.

Я хлопнул его по плечу и бегом направился в сторону позиций первого взвода, до которого нужно было преодолеть около трехсот метров. Ход сообщения был выкопан глубиной по грудь, поэтому бежать пришлось сильно пригнувшись. Но это была не самая главная проблема — около пятидесяти метров надо было ползти по полю — не успели вырыть полностью. В итоге, пока я добирался, немцы успели приблизиться до трехсот метров. Надо стрелять, а первый взвод молчит. Первым я увидел красноармейца, сидевшего на дне окопа в обнимку с винтовкой.

— Кто такой, почему не стреляешь?! — я схватил бойца за шкурку и притянул к себе. Тот лишь молча таращил на меня глаза, ничего не пытаясь сказать в своё оправдание. Я обложил его трехэтажным матом и швырнул к брустверу.

— Стреляй, сука!

Боец послушно передернул затвор выстрелил в сторону немцев. Дальше дело шло в том же духе — я переступал через трупы, обходил раненых, а невредимых бойцов затрещинами и матом заставлял стрелять по врагу. Вскоре подоспел и сержант Карпенко со своим отделением, я приказал ему занять позиции и открыть огонь, а сам двинулся дальше по извилистой траншее, дойдя до центра которой, я, наконец, обнаружил сержанта Гладкова — заместителя командира взвода. Тот сидел на дне окопа и сам себе не спеша перематывал бинтом левую руку выше локтя.

— Гладков! Какого хрена! Где Степашов?! Твою мать! Почему никто не стреляет?!

— Ранен я, тащ командир, а взводный убит небось, снаряд прям туды жажнул, а меня вот осколком...

— Ты что разнылся как баба! У тебя царапина, а бойцы в штаны наложили! Кончай с бинтами и поднимай бойцов к бою!

— Есть! — Гладков, протянул мне руку, — Помогите завязать!

Я быстро связал концы бинта, после чего он, вздохнув, поднялся и двинулся дальше по окопу. А я свернул в отнорок, ведущий к позиции минометчиков. Те спокойно сидели у себя в окопе, изредка выглядывая наружу.

— Почему не стреляете?

— Дык приказа не было. Командир сказал, что только по его приказу, а его нет, — ефрейтор пустился в подробные объяснения. Вникать в эти проблемы времени совсем не было, поэтому я решительно приказал:

— К бою! — после чего, приложившись к окулярам бинокля, продолжил, — Дистанция триста, угол ноль, огонь!

Практически одновременно с минометом бойцы из окопов открыли огонь и из двух ручных пулеметов, в результате чего движение наступающих цепей замедлилось, а немецкие легкие танки стали бить по нашим окопам очередями из своих малокалиберных автоматических пушек — очень эффективное оружие для борьбы с пехотой. За минуту миномет успел выстрелить всего восемь раз (приходилось часто вносить поправки в прицел) после чего замолчал — немцы подошли ближе двухсот метров. Ранее прекратили обстрел наступающих цепей противника и батальонные минометы, так как из-за приближения противника была опасность попадания по своим. Я приказал минометчикам взять винтовки и выдвинуться во взводный окоп, а сам осмотрелся по сторонам. Правее чадил подбитый Panzer III — всё-таки получилось у Антонова попасть, что не могло не радовать. Ещё дальше, на правом фланге моей роты, застыла немецкая самоходка со спущенной гусеницей. В этот момент одна из «двоек», наступавших на первый взвод остановилась, над ней взметнулись языки пламени, а через секунду произошел взрыв боекомплекта, от которого сорвало башню. Из окопа послышались радостные возгласы, и плотность огня наших бойцов усилилась. Я перешел во взводную траншею и двинулся по ней направо, проверяя, как ведет бой подразделение. Найдя сержанта Карпенко, спросил его, как дела.

— Плохо, снайпер там у них, убил нашего пулеметчика Павлова, теперь Комар стал первым номером, но я ему

приказал менять позицию после каждой очереди.

То-то я смотрю, пулеметы редко стали стрелять.

— А Самедов?

— Ранен, — он мотнул головой в сторону недоделанного хода сообщения, который санинструкторы использовали для укрытия раненых.

Пригнувшись, я направился в указанном направлении и вскоре нашел перемотанного бинтами снайпера, его штатная СВТ-40 как и положено, лежала рядом с ним. Я взял самозарядную винтовку с оптическим прицелом и вернулся на боевые позиции, после чего с помощью бинокля стал осматривать вражеские порядки. Время было немногим больше семи утра, солнце только слегка поднялось над горизонтом, вследствие чего вся оптика противника, наступающего с северо-запада, ярко бликовала, выдавая местоположение своих хозяев. Поэтому выявить и убить снайпера с первого выстрела для меня не составило труда. Следующими моими жертвами стали два немецких солдата из пулеметного расчета, стрелявшего по нашим позициям с двух сотен метров. Далее я перенес огонь на танкер. «Двойка» как раз остановилась, чтобы дать очередь из пушки, и я дважды выстрелил по смотровой щели мехвода. Похоже, попал, потому что танк остался стоять на месте, а я продолжил стрелять теперь уже по командирской смотровой щели и прицелу. Когда же патроны в магазине винтовки закончились и я стал менять обойму, люк на башне танкера распахнулся и оттуда один за другим выскочили два танкиста, которые смогли ловко спрыгнуть, спрятавшись за бронированный корпус. Это событие не осталось незамеченным красноармейцами, которые встретили его радостными возгласами и усилением огня. Тем не менее, несмотря на потери, немцы продолжали упорно приближаться к нашим окопам короткими перебежками. Я попытался найти среди наступающих немцев офицера, но, похоже, тот спрятался за горящим танком и оттуда отдавал команды. Поэтому я переключился на рыбку помельче — подстрелил унтера и двух солдат, потратив на каждого по три-четыре патрона — уж очень ловко немцы передвигались — короткая перебежка под углом к нормали, упал, перекатился в сторону, произвел выстрел, перекатился, перебежка. Такой способ передвижения позволил им приблизиться к нашим окопам почти вплотную без больших потерь.

— Карпенко, сколько бойцов в строю?

— В отделении сейчас шестнадцать человек должно быть.

— Готовься, по моей команде идем в контратаку, или они нас в окопах гранатами забросают.

— Есть! — сержант нахмурился, понимая, что ситуация у нас практически безнадежная, и контратака против численно превосходящего противника — это последний призрачный шанс удержать позиции. Тут ведь даже отступить не получится.

Закончив разговор с Карпенко, я поднял со дна окопа малую лопату, сунул её за пояс и направился на левый фланг, где нашел Гладкова, которому также приказал готовиться к контратаке. Подождав секунд пятнадцать, чтобы сержанты успели предупредить бойцов, я крикнул:

— Гранаты к бою! — затем, после паузы, достаточной для приведения РГД-33 в боевое состояние, — Бросай!

Дождавшись, когда стихнут разрывы, я крикнул:

— За Родину! В атаку! — после чего перевалился через бруствер, взял в левую руку наган, а в правую ТТ, и, крикнув, — За мной! Урааа! — и, под свист пуль, побежал вперед, качая маятник и стреляя в немцев с обеих рук. Справа и слева от меня с криками «Ура» бежали красноармейцы с винтовками наперевес. Немцы, при виде нашей отчаянной контратаки, не стали ждать, пока мы приблизимся и бросились нам навстречу, на ходу стреляя из своих карабинов.

К тому моменту, когда я добежал до вражеской цепи, у меня кончились патроны в пистолете и револьвере, но при этом я смог неплохо проредить цепь прямо перед собой. Отбросив ставшие бесполезными стволы, я выхватил из-за пояса малую лопату для которой сразу же нашлось дело — на встречном движении я отвел черенком в сторону направленный в меня штык маузеровского карабина и, сделав подшаг, ударил врага стальным полотном в шею. Немец умер мгновенно, а я, выхватив из его ослабевших рук карабин, тут же с разворота проткнул штыком следующего врага, который, упав мне под ноги, скрючился с душераздирающим криком. Надо бы его добить, но на меня с каким-то непонятным воем, выставив вперед карабин бежал ещё один фашист.

Следующие несколько минут я уворачивался, резал, колот все новых и новых нападающих на меня немцев, краем глаза отмечая, что рядом также самоотверженно сражаются и бойцы моей роты. А потом вдруг раздались крики: «Цурюк, Цурюк» и оставшиеся в живых немцы, похватав своих раненых, ринулись прочь от наших позиций. Кое-кто из красноармейцев вознамерился было бежать за ними, но я охладил их пыл:

— Стоять! Не преследовать! Быстро перевязываем своих раненых, собираем оружие, документы, подсумки, ранцы, часы и возвращаемся в окоп!

Тут же пересчитал оставшихся на ногах красноармейцев — тринадцать боевых единиц, не считая меня. Карпенко живой, а вот Гладкова не видно, будет жаль, если погиб, да мне всех бойцов жаль, ведь численность первого взвода ещё сегодня утром составляла пятьдесят семь человек. И вот что осталось — ни командира взвода,

ни сержантов, и солдат полтора десятка не наберется. А ведь со мной пришло на подмогу ещё шестнадцать бойцов. Но, как бы хреново ни было, а жизнь пока продолжается, и война продолжается, поэтому надо делом заниматься, а не слёзы лить.

Я жестом подозвал ближайших ко мне двух бойцов.

— Красноармеец Иванов! Красноармеец Тихонов! — представились те по уставу.

— Иванов, смотри, там в сотне метров, — я махнул рукой, показывая направление, — немецкий пулемет, ползи туда и тащи его сюда вместе с патронами и лентами, а вон там, Тихонов, убитый немецкий снайпер, и ты должен доставить его винтовку и патроны. Да, и пистолеты там у всех заберите. Вперед! — бойцы легли на землю и ползком направились в указанных мной направлениях. Проводив их взглядом, я подобрал свои наган и пистолет, после чего забрался в танк, выбросил из него труп мехвода и завел.

— Давайте забрасывайте на корму ранцы и оружие, вы четвером забирайтесь сюда и машите руками, чтобы нас свои не подстрелили. Остальные тоже быстро отсюда уходите, скоро немцы опять начнут артиллерией крыть. Карпенко, командуй!

— Есть!

Убедившись, что приказы выполняются, а на корме танка устроились красноармейцы с кучей трофеев, дал по газам. Сделав остановку у окопов, приказал бойцам сгрузить трофеи, а двоим и дальше оставаться на броне и махать руками, чтобы было видно что это свои. Потом я вновь набрал скорость и направил танк к штабу батальона. Моё прибытие было встречено радостными возгласами многочисленных раненных бойцов, расположившихся вокруг штабных землянок. Остановившись, я выбрался из люка, отчего восхищенный гул толпы усилился — форма на мне была залита вражеской кровью и порвана во многих местах. В это время к трофейному танку подошел начштаба Гусев.

— Ковалёв, ты опять с трофеями, — он безрадостно констатировал моё прибытие и пожал руку.

— Да, немцы убежали, тачку оставили, вот мы и подобрали.

Гусев кивнул и, махнув мне, чтобы я шел за ним, направился в землянку, там начштаба сел за стол, вытащил из ящика бутылку водки и наполнил до половины два граненых стакана, один из которых протянул мне:

— Помянем!

Я взял стакан и мы стоя, не чокаясь, выпили, после чего Гусев сел, вытащил из ящика буханку хлеба и шмат сала, которые быстро нарезал крупными кусками. Неплохо, а то я было подумал, что придется пить натошак. Пару минут мы молчали, поглощая нехитрую закуску, а затем старлей, закулив папиросу, спросил:

— У тебя как?

— Плохо, первый взвод практически в ноль, пришлось в рукопашную идти, Степашов убит, второй и третий пока не знаю, надо было танк отогнать, пока немцы его не сожгли, но у них должно быть получше.

— В батальоне тоже дело дрянь. Тарасов ранен, Вязовский убит. Такие вот дела — первая рота побежала с позиций, почти вся, — Гусев хлопнул ладонью по столу, крепко выматерился, и продолжил, — Командиры да комсомольцы в ячейках на позиции остались, бились до последнего и все там полегли. А Тарасов, как увидел этих козлов бегущих, взял тыловиков, ездовых, ну и меня с Вязовским, конечно. Рванули мы им навстречу, кое-как остановили и в контратаку пошли, а немцы нас из пулеметов встретили чуть ли не в упор, пришлось залечь, думал, все, хана, но тут наши батальонные минометчики врезали по немцам, хоть мы и рядом были. А потом фашисты стали отходить по всему фронту. Видно, поняли, что не прорвутся. От первой роты человек пятьдесят осталось и ни одного командира. Да около двадцати мерзавцев разбежалось, как поймают, надо будет перед строем показательно расстрелять.

Он помолчал, докуривая папиросу, и перешел к делу:

— Давай, дуй в роту, разберись с потерями и отправь ко мне кого-то из командиров взводов со списком погибших и твоим рапортом, будет извещения писать, а мне надо комдиву доклад готовить. Да, твой старшина погиб, подыщи кого-нибудь на его место, всё, иди.

— Есть!

Чтобы безопасно вернуться на позиции роты, сначала пришлось двести метров ползти на пузе, пока не добрался до недокопанного хода сообщения, по которому и вернулся в расположение второго взвода, сразу погрузившись в организационные проблемы. Помимо составления рапорта о боевых действиях, учета раненных и погибших, мне предстояло по сути с нуля сформировать первый взвод, подобрать замену старшине (плакали теперь мои планы насчет полевой формы), найти нового снайпера, организовать работу по доработке окопов и дальнейшему рытью ходов сообщения. Так и крутился как белка в колесе, но днем, решив первоочередные задачи, и чувствуя, что голова уже совсем не соображает от усталости и недосыпа, завалился спать на пару часов, разрешив отдохнуть и бойцам, свободным от рытья траншей и караулов. Около четырех часов пополудни, когда ход сообщения прорыли еще на сотню метров, я отправил красноармейцев за обедом, вместе с которым принесли и «наркомовские сто грамм» на всю роту. Хоть какая-то радость для бойцов, которые сегодня приняли свой первый

бой, потеряли товарищей и поняли, что шансов дожить до победы при таких раскладах у них очень мало. После всех подсчетов оказалось, что в моем подразделении погибло двадцать семь человек, сорок четыре госпитализировано с ранениями, ещё четверо пропали без вести, причем только двое из первого взвода, которые могли неучтенными погибнуть в контратаке, но куда пропали двое бойцов из третьего взвода вообще непонятно, мистика. Итого в моем распоряжении осталось сто пятнадцать бойцов. Немало, но такими темпами через три-четыре боя роты не будет, совсем не будет.

Когда начало темнеть, я отправил с каждого взвода по одному отделению на нейтральную полосу, чтобы собрали трофеи, сожгли поврежденную самоходку и сделали засаду против немцев, которые могли попытаться собрать жетоны своих погибших. Напротив первого взвода большая часть трофеев уже собрана, но там надо было поискать пропавших бойцов и взять сапоги — во время утреннего боя совсем не было времени на снятие обуви с трупов, а у меня две трети роты в ботинках с обмотками. Потом накрутил хвосты командирам взводов и сержантам, чтобы контролировали караулы и, выпив свою порцию «наркомовских», завалился на боковую.

Спалось хорошо, никакой стрельбы ночью не было — немцы не осмелились приближаться к нашим позициям. Поэтому утром после завтрака я отправился в штаб батальона в неплохом настроении. Ночью ход сообщения наконец-то доделали, так что ползать не пришлось, что ещё добавило несколько плюсовых баллов к моему душевному состоянию.

На совещании Гусев первым делом сообщил, что он назначен командиром батальона, представил нового начальника штаба старшего лейтенанта Васильева, который ранее служил в штабе полка и лейтенанта Коробейникова, бывшего комвзвода из второй роты, теперь поставленного на командование первой ротой. Про Тарасова новый комбат сказал, что ранение тяжелое и тот отправлен на лечение в тыловой госпиталь.

— Товарищи, — перешел к делу Гусев, — Вчера на совещании в штабе дивизии наши действия в обороне были признаны неудовлетворительными, также плохо были оценены и другие батальоны. Несколько сгладило критику в наш адрес то, что товарищ Ковалев смог захватить немецкий танк, но наград за это не будет, слишком большие потери, да ещё и дезертиры. С первого взвода двоих пропавших не нашли? — спросил он, обращаясь ко мне.

— Нет, — ответил я, покачав головой, — отправил отделение на нейтральную полосу, перепроверили все воронки на позициях взвода, нет их. Они оба из помилованных дезертиров, видно, опять сбежали.

— О чем и речь! — продолжил комбат, — Это говорит о низком контроле за личным составом и неудовлетворительной дисциплине, фактически о попустительстве дезертирству, так может и до массового бегства с позиций дойти, как это произошло с первой ротой. Поэтому требую усилить контроль за дисциплиной, — Эх, он завернул, да и на меня грозно смотрит, как будто это у меня одного бойцы лыжи смазали!

Тем временем Гусев сделал паузу, сурово оглядел всех собравшихся, и продолжил:

— Теперь о других вопросах — вчера вечером подошли отставшие части дивизии, поэтому решено этой ночью заменить наш полк на передовой и отвести в тыл для отдыха и пополнения. Так что готовьтесь. У меня всё, есть вопросы?

Я поднялся с места:

— Да, товарищ старший лейтенант, у меня есть вопрос по трофеям — мы собрали ночью на нейтральной полосе немецкое вооружение, которое я хочу оставить на вооружении в роте, также собраны часы и сапоги. Поэтому прошу Вашего разрешения раздать сапоги бойцам, потому что у нас серьёзные проблемы с обувью, а также раздать часы командирам — это необходимо для согласованности боевых действий, а в роте только одни часы — у меня, — протянув комбату рапорт, продолжил, — Вот я подробно изложил, что собрано и по каким основаниям это следует выдать личному составу.

Гусев, нахмурившись, взял рапорт и внимательно его прочитал.

— На мой взгляд, это... — он на секунду задумался, подбирая слова, — Попахивает мародерством, особенно вопрос с часами, поэтому мне необходимо это согласовать, — он убрал рапорт в планшетку и спросил, — Ещё вопросы есть? Ну, тогда совещание заканчиваем, возвращайтесь в подразделения.

Вопрос с трофеями решился, только когда нас сняли с передовой. Как сообщил мне Гусев, политотдел дивизии после недолгого обсуждения собрался было строго отказать, да ещё и пропесочить меня по комсомольской линии, но прибывший к нам представитель штаба фронта, узнав о проблеме, сообщил, что, мол, нечего наводить тень на плетень и надо делать всё, что ведет к повышению боеготовности. Отвели наш третий батальон недалеко — всего на пару километров и расположив в небольшой рощице, в течении трех дней пополняли из подходящих маршевых подразделений, хорошо восполнив потери личного состава. А я всё это время гонял роту, отрабатывая действия в наступлении — начальство хоть ничего и не говорило о дальнейших планах, но по всем признакам у меня складывалось впечатление, что нас скоро погонят вперёд.

— Немецкие гранаты имеют длинную рукоятку, поэтому кинуть их можно метров на пять дальше, чем РГД-33. В действие они приводятся просто — достаточно открутить крышечку с торца рукоятки и дернуть фарфоровый шарик, — с вражеских трупов мы сняли почти сотню гранат, десяток пистолет-пулеметов МП-40, поэтому я подробно объяснял бойцам первого взвода правила обращения с трофейным вооружением.

Во время лекции ко мне подошёл незнакомый молодой политрук со свернутой газетой в руке и представился, протянув командирскую книжку:

— Комиссар батальона Захаров Яков Моисеевич.

— Командир третьей роты Ковалев Андрей Иванович, очень приятно!

— Мне необходимо провести политучебу.

Я не стал возражать, завершил свои занятия и отдал ему первый взвод на промывку мозгов. Нужное дело, может разбежаться перестанут. Захаров разрешил сесть бойцам на землю, развернул газету и начал пересказывать содержание статей, зачитывая заголовки и цитаты. Послушав пару минут, я тихонько удалился в сторону второго и третьего взводов, отрабатывавших наступательные действия. Нормально. За три дня непрерывной муштры кое-чему научились, лишь бы в бою ничего не забыли.

За полтора часа Захаров политически обработал все три взвода и вновь подошел ко мне.

— Андрей Иванович, а Вы что же на политзанятиях не поприступовали?

— Да всё дела, понимаете, тем более что я надеялся у Вас, Яков Моисеевич, позаимствовать газету, чтобы самому прочитать, мы же, наверное, последние в Вашем списке на политучебу?

— Нет, мне ещё с минометчиками, тыловиками и связистами батальона позаниматься надо, но если пройдете со мной до штаба, могу Вам дать «Красную звезду».

— Если не возражаете, лучше с Вами вестового отправлю, — ответил я комиссару и крикнул, — Иванов! — увидев, что в мою сторону развернулся десяток бойцов, поправился, — Михаил Иванов, вестовой, ко мне! — надо было бы на эту должность кого-то с более редкой фамилией брать, но уж больно расторопный этот паренек.

Отправив вестового с комиссаром, я вернулся к занятиям — времени катастрофически мало, а у меня подразделения не сработаны, бойцы недообучены. Так и гонял солдатиков до ужина, после которого меня вызвали на совещание в штаб батальона, где Гусев ознакомил с приказом о наступлении, поставил задачи и дал команду, как стемнеет выдвигаться на передовые позиции.

Ещё во время кратковременной учебы я настоятельно посоветовал бойцам не употреблять «наркомовские» перед боем, поэтому, когда нам на рассвете доставили завтрак и водку, то большинство бойцов сливали её в запасные трофейные фляжки, которые передавались командирам отделений. Хотя кое-кто и хряпнул для храбрости, я ведь категорически не запрещал. После завтрака, в шесть часов утра последовала короткая и довольно жидкая артподготовка, по окончании которой в небо взмыли зеленые ракеты, давая сигнал к началу атаки, который я продублировал устным приказом:

— За Родину! За Сталина! В атаку!

Бойцы выбрались из окопа и мы побежали. У меня в руках был трофейный снайперский карабин, а в голове роились критические мысли — выходить из окопов надо было раньше, во время артподготовки, тогда была возможность безопасно приблизиться к вражеским окопам метров на пятьсот, а теперь шкандыбай тут под пулями километр... И в это время, как будто вторя моим мыслям, немцы открыли огонь из пулеметов. Им известно, что нашими боевыми уставами при атакующих действиях отступление не предусмотрено и мы до последнего будем переть под пулями.

Бойцы моей роты после начала обстрела рассредоточились по полю и двинулись вперед перебежками, как я и учил их последние три дня. Темп продвижения замедлился, но потерь почти не было. Вскоре с позиций позади нас раздалась выстрелы пушек — это сорокопятки, наведясь прямой наводкой, пытались подавить вражеские огневые точки. Кое-что у них получилось и плотность огня со стороны немцев несколько снизилась, вследствие чего я приказал ускориться. Через пару минут сзади раздалась взрывы — немецкие корректировщики засекли позиции

наших пушек, и теперь вражеские минометчики активно обрабатывали по выявленным целям. Печально, но хорошо хоть не по нам, пока не по нам, поэтому бежим вперед!

Ускорившись, но не забывая об осторожности, мои бойцы стремительно приближались к вражеским позициям. Наши ротные минометчики, следуя моему плану, разместились за подбитым немецким танком и принялись обстреливать врага, стараясь выбить пулеметы. Я же, наконец достиг дистанции, откуда мог результативно работать из снайперской винтовки и открыл огонь. Первым делом я выбил всех врагов, у кого бликовала оптика (утреннее солнце нам в помощь), это могли быть снайпера, офицеры, корректировщики. Потом принялся за пулеметчиков. Здесь сложнее — выбиваешь одного — пулемет берет другой солдат (у них все пехотинцы обучены работать с пулеметом), меняет позицию и снова начинает лупить очередями. Однако вскоре в дело вступил наш новый штатный снайпер Еремеев, вместе с которым мы смогли серьёзно снизить огневой потенциал обороняющихся, благодаря чему рота последние двести метров шла уже почти без сопротивления. Дойдя до немецких позиций, стало ясно, что они отступили, очевидно поняв, что не смогут удержаться. Причем покинули свои окопы они аккуратно, что называется, по-немецки — трофеев почти не было, всё утащили, разве что сапоги на немногочисленных трупах оставили. Так как у меня был только приказ захватить вражеские позиции, я приказал занять оборону и отправил вестового к комбату. Иванов прибежал обратно уже через пару минут с приказом наступать дальше. И мы пошли.

Немцы использовали каждую возможность, чтобы устроить засаду, обстреляв нас из пулемета или накрыв минами. Поэтому продвигаясь вперед, мы несли потери, практически не видя противника и лишь три раза за весь день у меня вместе с Еремеевым получилось заранее вычислить засады, которые мы хорошо проредили снайперским огнем. К вечеру мы продвинулись на десять километров, потеряв ранеными и убитыми половину роты. Впрочем, в других подразделениях полка ситуация была ещё хуже. После захода солнца наступление было остановлено, я отослал комбату рапорт о боевых действиях за день и примерно через час меня вызвали на совещание. Гусев, очевидно, уже успел крепко получить по шее от полкового начальства за низкие темпы наступления и высокие потери, поэтому говорил он на повышенных тонах с применением богатой палитры русской обценной лексики и несколько раз стукнул по столу. Но, не смотря на красочность эпитетов, ничего конструктивного он не сообщил. Продвигаться надо быстрее, врага обнаруживать раньше, действовать умело, а кто сорвет наступление, тот будет нести персональную ответственность вплоть до трибунала. Глубоко замотивированный, я вернулся в расположение роты, где собрал командиров взводов, пересказал указания комбата, напомнил им о личной ответственности за караулы и завалился спать.

Ночь прошла без каких-либо эксцессов и утром мы продолжили наступление. Логично было бы ожидать, что сопротивление немцев усилится, но в действительности мы щти несколько часов не встретив никакого отпора, пока не приблизились к окраинам крупного села, откуда немцы при нашем появлении открыли плотный минометный и артиллерийский огонь, заставив батальон отступить с потерями. Вскоре пришел приказ окапываться, причем особо было указано, чтобы рыли не ячейки, а траншеи. Осмотревшись, я пришел к выводу, что место для позиций здесь удобное, имеется небольшая высота, удобная для обороны и наблюдения, по обоим сторонам от которой есть рощицы пригодные для обеспечения роты древесиной. Плохо только то, что вода далеко, но ничего, назначим водоносов. Распределив между взводами участки обороны, я отправился в расположение батальонного начальства, чтобы узнать последние новости. Там я нашел только Якова Моисеевича, нашего юного комиссара, руководившего земляными работами.

— О, товарищ Ковалев! — тот радостно подошел ко мне навстречу и протянул руку для приветствия, — Вы к комбату?

— Не так чтобы конкретно к нему, просто хотелось бы прояснить насчет наших дальнейших планов, чтобы знать, насколько капитально надо обустриваться.

— Ну, это и я Вам могу сказать — закапывайтесь максимально капитально. Нам приказано встать в оборону, чтобы обеспечить фланг наступления. Дальше в ближайшее время не пойдём.

— Спасибо, это я и хотел узнать. Разрешите идти?

— Ну что ты так всё по уставу? Не разрешаю, пойдём, я тут как раз собирался кофе попить. Твои там без тебя за час не пропадут?

— Да нет, они так-то парни взрослые.

— Тогда пойдём!

Он показал рукой направление и сам пошел впереди. За деревьями была небольшая поляна, на которой лежали толстые бревна и около бездымного костерка суетился боец из хозвзвода. Увидев нас, он вытянулся по стойке смирно и доложил:

— Товарищ старший политрук, кофе готов!

— Свободен пока, Чернов, иди там на строительстве землянки помогай!

— Есть!

Боец удалился, а мы сели на бревна и комиссар разлил ароматный напиток по кружкам, после чего, покопавшись в стоявшем здесь же вещмешке, достал плитку немецкого шоколада, разломил её и протянул мне половину. Взяв её, я попросил:

— А можно обертку посмотреть?

Политрук протянул мне бумажку со словами:

— В немецком штабе нашли, фашисты драпали так, что самое вкусное забыли!

— Надеюсь, Вы его ещё не ели? — спросил я, после ознакомления с упаковкой.

Захаров застыл с поднесенной ко рту шоколадкой.

— А что? Ел вчера, перед сном.

— И как спалось?

— Нормально, а в чем дело-то?

— От такого шоколада должна быть бессонница и работун.

— Рабо... чего?

— Работун, то есть хочется работать, что-то делать, на месте не сидится.

— Интересное слово... Рабо-тун... Но нет, нормально спал.

— Может обертка была другая?

Он посмотрел на бумажку и кивнул:

— Ага, другая, но ты можешь нормально объяснить, в чем дело?

— А Вы, Яком Моисеевич найдите в вашем волшебном мешочке другую шоколадку, и тогда, под кофеек, я буду иметь вам кое-шо интересное сказать.

Захаров ухмыльнулся, вновь порхнулся в мешке и достал ещё одну плитку:

— А эта пойдет?

Придирчиво осмотрев упаковку, я вынес свой вердикт:

— Вполне, а первую уберите, но не выбрасывайте, может пригодиться, — отломив половину от второй плитки, я откусил и запил кофе, — А коньячка, немцы там случаем не забыли?

— Забыли, — со вздохом кивнул политрук, — Но пришлось всё отдать в штаб полка, хорошо, хоть шоколад да кофе разрешили оставить.

— Печально, ну да ничего, переживем, — я отпил ароматного напитка и продолжил, — Так вот, что касается того шоколада — можете посмотреть, что на упаковке написано — с перветином, а это, да будет вам известно, наркотическое средство, снимающее усталость и повышающее работоспособность.

Комиссар с интересом изучил обертку обеих плиток и согласно кивнул:

— Действительно, а откуда Вы это знаете?

— Ну Вам ведь известно, за что я получил «Красное знамя»?

— Комбат сказал, что Вы в Польше воевали, но более подробно мне пока неизвестно.

— Да, я там захватил немецкий танк и два портфеля немецких документов, в том числе и инструкцию с описанием действия перветина. Так что предупредите командиров, имеющих доступ к трофейному шоколаду об осторожности.

Мы ещё немного поговорили, я допил кофе и вернулся на позиции. Там я увидел, как снайпер Еремеев с полной самоотдачей копает ход сообщения.

— Отставить, — ну даже на минуту отойти нельзя, сразу всё не слава Богу, — Еремеев, ты чего это за лопату схватился?

— Так, однако, все копают и я тоже вот.

— Тебе приказа копать не было. А то вдруг тебе работать понадобится, а руки от усталости трясутся. Сейчас полчаса отдыхаешь, потом с винтовкой и биноклем замаскируйся на опушке и наблюдай в сторону противника.

— Есть!

Кстати, с этим Еремеевым интересная история вышла. Он сибиряк, чалдон, соответственно, потомственный охотник из тех, что «белку в глаз». Казалось бы его в первую очередь и должны были поставить снайпером, но должность эта в некотором смысле почетная, поэтому на неё был назначен комсомолец Самедов пролетарского происхождения. Ну а после его ранения я поспрашивал сержантов, которые мне единодушно и указали на Еремеева как лучшего стрелка роты.

* * *

Пять дней мы усиленно зарывались в землю, я себе оборудовал блиндаж под штаб и проживание, мне туда даже телефон провели, так что теперь втык от комбата можно было получить не вставая с лежанки. Удобно. Так

вот, пять дней мы зарывались в землю, а тридцатого июля немцы пошли в наступление. Первую атаку мы без труда отбили, да они и не сильно старались, пытаясь по своему обыкновению выявить наши позиции и огневые точки. А через пятнадцать минут после того, как вражеская пехота отступила, в небе появились «Юнкерсы». Я в это время был на НП, представлявшем из себя небольшой хорошо замаскированный окоп, вырытый в верхней части западного склона холма. На дне этого окопа я и скрючился, когда раздалась первые взрывы. Авиабомба гораздо мощнее артиллерийского снаряда, когда взрывается центнер тротила даже в паре десятков метров, земля содрогается так, что легко подкидывает человека как пушинку, а от перепада давления бьет по ушам и кажется, что настал конец света. Но это когда в паре десятков метров...

После нескольких недалеких разрывов, заставивших содрогнуться все мои внутренности, я что-то почувствовал и посмотрел в небо, откуда прямо на меня, сверкая хвостовым оперением в лучах восходящего солнца, медленно, будто в замедленной съёмке, пикировала авиабомба. Я даже дергаться на стал, понимая, что на этот раз мне не уйти. Всё. Конец. Мир вашему дому! Мысленно прощаясь с Болеславой, я с ужасом смотрел как чугунный цилиндр плавно втыкается в землю в полуметре от моего окопа, обваливая его стенку и начинает разлетаться на мелкие кусочки, почему-то испуская при этом зеленый свет. В этот момент меня, уже готового встретить смерть, резко дернуло назад и я покотился по деревянному полу какого-то помещения. Кувыркнувшись пару раз, я лег на спину и изумлённо уставился в побеленный потолок моего горьковского дома. Ещё через секунду ко мне подскочила Болеслава, прижала к себе и начала осыпать моё лицо поцелуями, вперемежку со всхлипываниями и причитаниями. Так продолжалось минуту, после чего я, немного оклемавшись, отстранил её от себя и потребовал:

— Водки, стакан!

Жена, ойкнув, убежала на кухню, а я ощупал себя и ущипнул. Жив, цел, и даже не обделался. НУ НИ ХРЕН/ СЕБЕ!

Тем временем Болеслава вернулась с бутылкой водки, граненым стаканом, куском хлеба и плоской квашеной капусты. Поднявшись с пола, я немедленно выпил сто грамм, а закусывать пошел на кухню, где сев за стол, быстро умял капусту с хлебом. Благодаря алкоголю сумбур в голове несколько успокоился и, добавив ещё соточку, я вернул себе способность к трезвому мышлению. Но всё же НИ ХРЕНА СЕБЕ! Однако! Я обнял Болеславу и вдохну её запах. Люблю. Усадил её себе на колени и мы слились в поцелуе. Дальше дело пока не пошло, потому как я последний раз нормально мылся в речке по пути на фронт. Представляю, какое сейчас от меня амбре. Оторвавшись от моих губ, милая прошептала мне на ухо:

— Я всегда знала, что ты ангел, так только они умеют.

И не поспоришь, обычному человеку подобные кульбиты уж точно не по силу.

— Ангел — не ангел, но поесть не мешало бы!

— Извини, я только недавно встала, еще ничего не готовила.

— Не надо извиняться, милая, ты же не могла знать, что я вот так неожиданно негаданно... Давай что-нибудь по быстрому, тушенку подогрей да макароны свари.

— Да, я сейчас, — она поднялась с моих колен и хотела уже идти, но я придержал её за руку.

— Что с детьми?

— Спят ещё.

— Как проснутся, отведешь Стасика к матери, чтобы меня не видел, а то проболтаться может. И ты тоже никому ни слова, даже маме родной!

— Мог бы и не говорить, я всё понимаю, — она чмокнула меня в нос и грациозно покачивая бедрами, удалилась, а я откинулся на спинку стула и задумался.

Всё-таки, оказывается, чудеса тем моим перемещением во времени не закончились. Сегодня я перенесся в пространстве именно к тому единственному человеку, о котором думал перед неминуемой гибелью. Тут хоть какая-то логика есть, хотя ведь и тогда, под Катовице, мы с парнями, крепко приняв на грудь, много спорили о начале войны. Тогда я сильно напился, но жизни моей ничего не угрожало, а сегодня я реально был на пороге смерти. Ничего не понятно, но проведение уточняющих экспериментов для выявления закономерностей опасно для жизни. И вот ещё вопрос — что делать сейчас? Стоит мне лишь выйти на улицу, как при первой же проверке документов меня задержат как дезертира — я выгащил из кармана и открыл своё удостоверение, в котором последней стояла запись о назначении командиром роты. Да, дилемма... Хотя... Здесь же никто не знает, где сейчас находится девятнадцатая дивизия. Хм, тут есть о чем подумать... Взяв эту мысль за отправную точку, я начал прикидывать варианты, как выбраться из очередной задницы, в которой оказался благодаря своему чудесному спасению.

Пока я был погружен в раздумья, супруга приготовила макароны по флотски и я с аппетитом позавтракал. Потом проснулся Станислав и мне пришлось прятаться в спальне, пока Болеслава не ушла с ним к своим родителям, затем проснулся Алешка и я его взял на руки. Этот не проболтается, потому что говорить умеет только

«папа» да «мама». Чуть больше двух недель я не видел семью, а уже успел соскучиться. Как же хорошо дома! Век бы никуда не уходил, и пропади пропадом эта чертова война!

Алешка не переставал плакать, поэтому я измельчил остававшиеся в кастрюле макароны с мясом и сунул ему в рот пол-чайной ложки. Ребенок затих, разбираясь с новыми вкусовыми ощущениями, но вскоре проглотил и потребовал ещё, затем ещё и ещё, а потом сынишка уснул с сытым и счастливым выражением лица. Я уложил его обратно в кроватку и принялся сочинять документы, которые мне помогут выбраться из этой передрыги. Потом вернулась жена, я попросил её нагреть воды, чтобы помыться, и сел за печатную машинку, в течении пол часа перепечатав текст с черновика. Потом помылся и наконец-то затащил в койку Болеславу. Через два часа интенсивных ласк и физических упражнений, супруга озабоченно сказала:

— Что-то Алешка долго спит, уже должен проголодаться.

— Да он просыпался, я его покормил и он снова уснул, — сообщил я жене, но она от моих слов, вместо того, чтобы успокоиться, наоборот, взбудоражилась.

— Чем ты его накормил?!!!!!

— Макаронами, больше же ничего не было, да все нормально, он поел с удовольствием и уснул, расслабься...

Но нет, не расслабилась, а с криком:

— Ему же ещё рано!!! — она подскочила с кровати и убежала в детскую.

Какая-то она нервная.

Вскоре она вернулась с ребенком на руках.

— Кажется, все нормально...

— Ну так и положи его обратно. А мне свари штук пять яиц.

— Яиц у нас нет.

— Очень надо, для дела, найди пожалуйста.

Одевшись, Болеслава отправилась к соседке, державшей куриц, купила и сварила яйца, которые я использовал, чтобы перевести печати и штампы на изготовленные мной фальшивки — командировочное удостоверение и предписание о перегоне автомобиля. Подобные бумаги из-за нехватки бланков часто печатали на машинке, а иногда и вообще писали от руки. Благо, что у меня в планшете скопилось куча различных бумаг с печатями. Потом жена занялась кухонными делами, а я достал из шкафа свой командирский мундир, купленный ещё сороковым году, чтобы ходить на различные торжественные мероприятия и митинги — на кителе ордена смотрелись намного лучше, чем на гражданском пиджаке, а та форма, которая была на мне сейчас, была получена в военкомате перед призывом и уже совершенно не подходила для перемещения по тыловым районам СССР — на ней были многочисленные зашитые прорехи и плохо застиранные пятна крови, большая часть которых появились в ходе рукопашного боя. В таком мундире здесь только до первого патруля. Поэтому я срезал петлицы с этой рванины, перешил их на другой китель и перекрепил на него ордена. Затем разложил на столе своё снаряжение: сумка-планшетка с бумагами, фляга, финский нож, каска, бинокль, два пистолета — ТТ и парабеллум (пока мы стояли в обороне, я сдал наган тыловикам и оформил ТТ как личное оружие). Вот и всё. Из утраченного более всего жаль плащ-палатку и бритву — «Жиллетт» будет сложно снова раздобыть. Потом взял свой старый вещмешок, с которым ходил на финскую войну, сложил туда старую форму, каску, бинокль, пять банок тушенки, нижнее бельё и портянки. Немного подумав, запихнул моток бельевой веревки — как показала практика, нужная вещь на войне. Хлеба бы ещё, но его дают по карточкам, а заниматься выпечкой я Болеславе запретил — дело это долгое и хлопотное, мне же тепла и ласки хотелось больше чем хлеба.

После вкусного обеда я попросил жену сходить на барахолку за бритвой. Она вернулась через час и принесла плохонькую бэушную опасную бритву, которой я и воспользовался, с грехом пополам удалив со своего лица полутораднёвную растительность. Оставшееся до вечера время мы либо кувыркались в постели — когда Алешка спал, либо занимались сынишкой, когда он просыпался.

В двадцать два часа я крайний раз поцеловал любимую жену, вышел из дома и направился по темным улочкам в сторону вокзала, где я, отстояв полчаса в очереди к дежурному помощнику военного коменданта, сунул в окошко пачку документов, положив сверху орденскую книжку, которую тот ожидаемо и взял первой, переписал оттуда данные в журнал, после чего спросил:

— Куда?

— В Могилев!

Он написал на обрезке бумаги «Ковалев А.И. -271», поставил штамп, подпись и протянул его мне вместе с моими документами:

— Четвёртый путь, отправляется через двадцать минут, в Москве пересядешь. Следующий!

Взяв бумаги, я направился к путям, где быстро нашел нужный поезд и по обрезку со штампом меня пустили в командирский плацкартный вагон, где мне посчастливилось занять верхнюю полку, положив под голову вещмешок. Под стук колес спалось крепко и сладко, поэтому проснулся я только когда поезд остановился, а народ

в вагоне засуетился. По обрывкам разговора поняв, что мы уже в Москве, я, матюкнувшись про себя, быстро натянул сапоги, вышел с вещами из вагона и огляделся. Похоже, какая-то товарная станция. Спросив дорогу у патруля, добрался до комендатуры, где и узнал у дежурного лейтенанта, что для отправления в сторону Могилева мне необходимо ехать на другую станцию. Подробно расспросив как туда добраться, я вышел с территории железнодорожного узла и направился к трамвайной остановке.

А ещё через два часа я уже с аппетитом завтракал, сидя за столом в плацкартном вагоне воинского эшелона, следовавшего на запад и думал о переменчивости истории. Да, сегодня было тридцать первое июля, а белорусский город Могилев всё ещё оставался под контролем РККА и даже не был окружен. В том числе, наверное, и благодаря действиям девятнадцатой дивизии, в составе которой я воевал ещё вчера утром. Всё более очевидно, что военная история ЗДЕСЬ развивается иначе, чем известная мне по школьным учебникам.

Командиры в плацкартном вагоне в основном были в средних званиях — от младшего до старшего лейтенанта, ведь от капитана и выше ехали в купейных — субординация в армии неуклонно соблюдалась. Поэтому соседи между собой общались по-простому, без досконального соблюдения уставных требований. Поначалу, как полагается, выпили водочки, но в меру, всё-таки на фронт едем. Потом начались разговоры за жизнь, да о войне. Мне пришлось немного рассказать о своих орденах, но постарался не сильно углубляться в подробности — чем меньше обо мне запомнят, тем лучше — ведь меня здесь вообще не должно быть. Оккупировать верхнюю полку не получилось, поэтому я всю дорогу сидел у окна, обдумывая дальнейшие шаги, которые выглядели сплошной авантюрой. Я планировал перейти линию фронта, выяснить судьбу девятнадцатой дивизии, а ещё лучше — своего батальона, ну а потом действовать по обстановке. Около четырех часов пополудни эшелон, весь день следовавший довольно резво, без долгих остановок, замер на каком-то полустанке, да так и стоял там до наступления сумерек, за это время по вагону разошлись слухи, что стоим мы неподалеку от Рославля, а дальнейшее движение будет только вечером из-за опасности авианалетов. Похоже, эта информация соответствовала действительности, так как эшелон двинулся вперед в восемь часов вечера, когда начало темнеть. Народ в вагоне быстро прикинул, что при хороших темпах движения состав может прибыть в Могилев уже к часу ночи, поэтому большинство командиров завалились на боковую, понимая, что в Могилеве будет уже не до сна. Я также последовал их примеру, но дал себе установку проснуться в двадцать три часа. Поднявшись точно в заданное время, я сходил умыться, чтобы окончательно сбросить с себя остатки сна и взбодриться. Потом уселся у окна, дожидаясь ближайшей станции. По моему плану выйти из поезда следовало не доезжая Могилева — там много патрулей, комендатура и контрразведка, вследствие чего вероятность нарваться на неприятности весьма велика. Без четверти полночь поезд остановился на большой станции, и я вышел из вагона, узнав у патрульных название — Чаусы. Сержант проверил у меня документы не особо придирчиво и показал, как пройти к комендатуре. Двинувшись в указанном направлении, я вскоре ушел в сторону и затаился около разбомбленного склада. Внимательно осмотревшись и прислушавшись к окружающим звукам, я пришел к выводу, что поблизости от меня людей нет, и с максимальной осторожностью двинулся в южном направлении, через полчаса покинув пределы станции. Далее, несколько ускорившись, я двинулся в юго-западном направлении. По прямой отсюда до Днепра, было около сорока километров, за ним, на западном берегу, насколько мне было известно из разговоров в вагоне, нашими войсками удерживался Могилевский плацдарм. Поэтому мне требовалось уйти несколько южнее, туда где плотность войск должна быть пожиже и линия фронта проходит по Днепру. Преодолев за ночь около пятнадцати километров, я встал на дневку в густом кустарнике на берегу небольшой речки. Идти дальше в светлое время суток было опасно, так как любой местный житель мог сдать меня войскам охраны тыла. Отоспавшись за день, ночью я продолжил свой путь и на рассвете остановился в болотистом лесу. Мокро, лютуют комары, но зато больше шансов остаться незамеченным. Здесь уже были хорошо слышны звуки нечастой канонады со стороны фронта. Похоже, до Днепра осталось менее десяти километров. Чтобы хоть как-то отдохнуть, я забрался на разлапистую сосну, сел на ветку и примотал себя к стволу веревкой. Спать в таком положении довольно сложно, приходилось пару раз спускаться на землю, чтобы размять затекшее тело, однако часов пять в общей сложности вздремнуть удалось. Когда уже окончательно проснулся и слез с дерева, посчастливилось убить проползавшую поблизости крупную гадюку, а то у меня все запасы пропитания исчерпались — не рассчитал. Огонь разводил я поостерегся, отчего пришлось есть змею сырой, но на голодный желудок хорошо зашло. А когда стемнело, я вновь продолжил свой путь на запад и к полуночи вышел на берег Днепра, пройдя между опорными пунктами и секретами Красной Армии. Советские войска здесь стояли в отдалении от реки на один-два километра, потому что восточный берег был болотистым и низким в отличие от западного, что позволяло немцам, расположив наблюдателей на господствующих высотах, точно накрывать артиллерией любую цель, обнаруженную на нашей стороне. Найдя заросли тростника, я его нарезал и сделал несколько связок, из которых соорудил плотик, пригодный для перевозки моей поклажи и одежды. Поле чего разделся, закрепил вещи на плоту и, толкая его перед собой, переплыл реку. За время переправы немцы несколько раз запускали осветительные ракеты, заведя которые, мне приходилось, задерживая дыхание, наваливаться всем телом на плот, отчего тот вместе со мной уходил под воду. Эта нагрузка для моего плавсредства

не прошла даром и в конце заплыва плот развалился, но всё же мне удалось добраться до берега, сохранив все свои вещи. Отлежавшись несколько минут, я натянул на себя мокрую одежду, но сапоги одевать не стал — без них получалось идти практически бесшумно. Здесь у немцев также не было сплошной линии обороны и, благодаря хорошему ночному зрению и острому слуху, у меня без особого труда получилось просочиться через вражеские боевые порядки. Однако за время остававшееся до утра, я успел отойти от берега только на три-четыре километра и на дневку мне пришлось становиться в зоне, плотно насыщенной тыловыми и резервными подразделениями вермахта. Перед самым рассветом мне посчастливилось найти небольшой лесок, не занятый немцами под свои нужды и я завалился спать под пушистой елью. Днем меня разбудил приближающийся шум и, выглянув из под густых веток, я увидел движущихся в моём направлении немцев. Спешно похватав вещички, я забрался на то же ёлку, под которой спал до этого. С высоты нескольких метров открылась живописная картина под названием: «Уставшая рота вермахта становится лагерем в белорусском лесу». Расположившиеся здесь солдаты сначала пообедали, получив суп с полевой кухни, чем вызвали недовольное урчание моего голодного желудка, потом принялись обустриваться — ставили палатки, рыли щели и рубили еловый лапник для лежанок. У «моей» ели тоже пообрубали нижние ветки, заставив моё сердце стучаться на предельной скорости от мощного выброса адреналина. По этим фрицам было заметно, что повоевать они уже успели — форма обмята, верхние пуговицы расстегнуты и некоторые камрады щеголяют с трофейным оружием — ППД и СВТ. Особенно меня заинтересовала снайперская «светка», которой абсолютно неправомерно владел рослый унтер. Я так пристально наблюдал за этой наглой арийской мордой, что он несколько раз оглянулся на «мою» ель, видимо почувствовав недобрый взгляд, после чего из опасения быть обнаруженным, мне пришлось расфокусировать взгляд и расслабиться, только краем глаза приглядывая за этим мерзавцем.

С заходом солнца немцы выставили дополнительные караулы и по команде офицера легли спать. Я ещё четыре часа сидел на дереве, наблюдая за вражескими солдатами, многие из которых заснули далеко не сразу — одни жрали втихаря отобранную у селян колбасу и самогонку, другие осваивали отхожее место, третьи кучковались и вели душевные разговоры. Только в пол второго ночи, после второй смены караулов, я спустился с елки и, пройдя метров двадцать, поднял с земли приглянувшуюся мне снайперскую винтовку, лежавшую подле рослого унтера, позволившего себе выпить перед сном полную кружку самогона. Также я у него позаимствовал ранец и ремень с подсумками, после чего аккуратно, чтобы ничем не звякнуть, удалился из ставшего неудобным лесочка, обойдя вражеские посты. Потом, отойдя подальше, наконец обулся и направился на запад, углубляясь в немецкие тылы. На рассвете я остановился большом лесном массиве, где, наконец, смог почистить свои пистолеты, затем провел ревизию немецкого ранца, с удовольствием обнаружив там круг полукопченой колбасы и полбуханки начинающего черстветь хлеба, кроме этого меня порадовали две банки консервов и галеты из солдатского продуктового НЗ, триста двадцать советских рублей, четыре лимонки, две пачки советских винтовочных патронов калибра 7,62 мм, одна из которых с бронебойно-зажигательными, безопасная бритва — не «Жиллетт», но тоже ничего, и другой солдатский скарб.

Позавтракав, я не стал ложиться спать, хоть и очень хотелось, а пошел дальше, стараясь покинуть прифронтовую зону. Однако к десяти часам утра осознал, что больше идти уже не могу, нашел густые заросли и завалился спать. Проснувшись вечером и хорошо перекусив, я понял, что чувствую себя вполне бодрым и полностью готовым к новым свершениям. К текущему моменту удалась, наверное, самая сложная часть моего плана, которой я вполне обоснованно считал нелегальное перемещение по советской территории и переход линии фронта. Дальше, разумеется, тоже лёгкой жизнь не предвидится, но я хотя бы не буду «чужим среди своих». Нет, конечно, я обречен быть таковым на протяжении всей моей жизни ЗДЕСЬ, но последние несколько дней, я, что называется, был «чужим среди своих» в квадрате или даже в кубе — очень неприятное чувство, надеюсь вы меня понимаете.

Итак, теперь мне надо выяснить судьбу девятнадцатой дивизии, а дальше действовать исходя из полученной информации. Так, под невеселые размышления о сложившейся ситуации, дальнейших планах и всеобъемлющей парадоксальности бытия, я организовал бездымный костерок, вскипятил в котелке воду, в которую бросил для вкуса собранные тут же брусничные листья, затем подогрел нанизанные на веточку куски колбасы с ломтиками хлеба. Поужинав таким образом, я посмотрел на часы — пол седьмого вечера. Здесь, в белорусских лесах вдали от линии фронта уже не было никакой необходимости передвигаться исключительно ночью, поэтому я собрал свои манатки, переложив нужные мне вещи из немецкого рюкзака в свой сидор, переоделся в свои фронтовые лохмотья, обратно перешив петлицы и перекинув ордена, затем я достал из планшетки испорченные после купания в реке бумаги и бросил их в догорающий костер. Личные документы я предусмотрительно хранил в целлофановом пакете, поэтому они не пострадали, а вот всё, что было в планшете, пришло в негодность.

Перед самым закатом я вышел к реке шириной метров тридцать и принялся сооружать плотик из тростника и хвороста. Когда окончательно стемнело, разделся и переправился на другой берег, по пути утопив свою «чистую» форму, в которую для надежности завернул камни. Теперь от неё может быть только вред. На другом берегу я

вновь оделся, экипировался и двинулся дальше, в течении часа достигнув крупного шоссе, которое, судя по всему, шло от Могилева на юго-запад, скорее всего к Бобруйску, а мне как раз в том направлении и надо, чтобы узнать судьбу своей части. Хотя и здесь можно захватить хорошо осведомленного языка. Интенсивность движения на этой дороге была относительно небольшая, возможно, из-за наступления темноты, причем транспорт двигался в основном колоннами и в сопровождении бронемашин различных типов, том числе и трофейных (бывших советских) БА-10. На обочине шоссе виднелись разбитые полуторки и ЗИСы, к которым я и направился, намереваясь разжиться инструментом и расходными материалами. Надежды мои оправдались в полной мере — здесь я смог найти кое-какие инструменты, с помощью которых из трубок и стальных обломков изготовил штыри для повреждения автомобильных шин — я вновь собирался применить способ захвата машин, опробованный мной ещё в Польше. Таким образом, я смогу добыть продукты и транспортное средство. Никаких инноваций — проколоть колесо и убить всех, хотя нет, хорошо бы взять языка, чтобы разузнать обстановку. Остаётся только дождаться подходящей для нападения небольшой колонны. Пока я готовил приспособу, по дороге прошли четыре машины без броневика, которые я разочарованно проводил глазами — мог бы получиться неплохой вариант. Потом я два часа сидел около дороги, молча ругая трусливых немцев, опасующихся ездить по захваченной территории без бронированного сопровождения. И кто это так их напугал?

Но вот, в половине второго ночи, наконец мелькнул лучик надежды — я услышал на ставшей пустынной к этому времени дороге шум моторов небольшой колонны — две или три машины и, решив рискнуть, разместил штыри на дороге. Вскоре появились ожидаемые мной автомобили, точнее одна машина «Опель-Блиц» с тентованным кузовом в сопровождении легкого броневика «три двойки». Грузовик ожидаемо пропорол переднее колесо и остановился, после чего из кабины выскочил офицер с водителем, а из кузова четыре солдата, заняв круговую оборону. Броневик остановился и развернул башню к лесу. Несмотря на наличие этой машины, я всё же решил рискнуть и забрался на дерево — боковая броня у Sd.Kfz. 222 имеет толщину всего восемь миллиметров и с близкого расстояния её можно пробить из винтовки, но стрелять нужно по нормали к наклонной броне, то есть находясь выше цели. Пока я забирался на дерево и менял патроны на бронебойно зажигательные, офицер, поняв, что прямо сейчас на них никто нападать не собирается, приказал менять колесо, отрядив в помощь водителю одного из солдат охраны. Но все остальные фрицы продолжали лежать на земле, готовые к бою. Рационально подождав, пока немцы сделают основную часть работы по замене пробитого колеса, я выдохнул, прицелился открыл огонь по броневнику, выпустив одну за другой шесть пуль. Потом перенес огонь на офицера — жаль, но в этой ситуации языка взять не получится. Далее, прикрываясь стволом, я спустился с дерева — солдаты быстро смогли выявить моё местоположение и теперь поливали сосну огнем из своих автоматов. При этом меня глубоко порадовал тот факт, что броневик молчал. Сменив позицию и перезарядив магазин, я, наконец, смог добыть упорно сопротивлявшихся фрицев и посмотрел на Sd.Kfz. 222, разглядев при этом легкий дымок, струящийся из смотровых щелей, а на противоположной стороне дороги от меня резво удалялся человек в танковом комбинезоне, видимо это был единственный выживший член экипажа, его я подстрелил уже практически на самой опушке. Ну и нашумел же я тут! Надо скорее сматываться. Закинув винтовку за спину, я взял в руки пистолеты и, сохраняя бдительность, подбежал к машине, где произвел контроль. Тем временем из подбитого броневика уже появились оранжевые языки пламени. Значит живых там нет, теперь точно. Аккуратно заглянув в кузов захваченной машины, я довольно неожиданно для себя увидел зрелище, которое меня несколько разочаровало. Я-то ведь предполагал раздобыть пропитание, а вместо этого получил нахлебников-дармоедов — в кузове сидело пять человек в гражданской одежде, их руки были связаны за спиной и приоткаты к стойкам кузова, босые ноги также были стянуты веревками, а на головах надеты мешки. Непростые, наверное, ребята, крепко их укутали. Но сейчас не до них, надо скорей убираться отсюда. Я забросил в кузов вражеские трупы и оружие, закрутил на замененном колесе два болта и, сев за руль, набрал максимальную скорость в юго-западном направлении. Проехав по пустынной дороге около десяти километров, я заметил удобный съезд, которым и не преминул воспользоваться, чтобы покинуть трассу, потом остановил машину, затер следы и отправился дальше по едва заметной колее.

Ещё через пару километров автомобиль окончательно сел на брюхо в болотистой почве и я, заглушив двигатель, покинул кабину и поднялся в кузов. Сняв мешок с головы у сидящего с краю мужчины, я обнаружил, что у него ещё и кляп во рту, вытащив который я без экивоков спросил:

— Ты кто?

Мужик в возрасте лет двадцати пяти вместо ответа произнес:

— Товарищи, это провокация, ничего не говорите.

Ну вот ни хрена себе вместо благодарности! Не став его развязывать (а то вдруг ещё драться полезет?), я снял мешок с головы его соседа, а точнее соседки. Разглядев её лицо и ещё больше охренев, я вытащил у неё кляп изо рта и спросил:

— А ты, Анечка, тоже будешь молчать?

Никитина (а это как ни странно, была именно она) испуганно хлопала на меня глазами и ничего не отвечала.

Вот же я затупил! Это ведь только у меня есть ночное зрение, а Никитина ночью в закрытом тентованном кузове уж точно разглядеть ничего не может. Взяв с немецкого трупa фонарик, я осветил на своё лицо. Теперь девушка меня узнала и её лицо осветилось радостной улыбкой:

— Андрей, это ты! Какое счастье! Развяжи скорее!

Пока я резал веревки, она пояснила своим товарищам:

— Это свой, Ковалев Андрей, я про него рассказывала, — потом опять обратилась ко мне, — Только теперь меня зовут Гера, по другому нельзя ко мне обращаться.

Освободив девушке руки, я протянул ей фонарик и нож:

— Дальше сама, Гера!

Аня разрезала веревку у себя на ногах, попросила у меня воды и жадно выпила полфляжки, после чего занялась товарищами, попутно рассказывая:

— Я, ведь, как война началась, сразу заявление на фронт написала, но меня не брали, а семнадцатого июля вызвали в горком комсомола и отправили... не скажу куда, секрет, сам понимаешь, а позавчера нас выбросили на парашютах и мы пришли к связному, который оказался предателем. Этот гад опоил нас снотворным и сдал немцам. Фашисты нас попытались допрашивать, но мы молчали и нас засунули в камеру на целый день без воды и еды.

— Били?

— Нет, сказали, что повесят в центре Бобруйска. Так обидно было умирать ничего не сделав...

Она закончила развязывать, а я, вытащив из солдатских ранцев консервы НЗ, отдал их диверсантам-неудачникам и те жадно набросились на пищу. Я тоже перекусил холодной тушенкой и сказал:

— Отсюда надо уходить, машина дальше идти не может, а немцы быстро найдут съезд и устроят облаву. Снимайте с немцев сапоги, берите оружие и все, что необходимо. Я хорошо вижу в темноте и проведу Вас по лесу. Идти нужно на запад, там плотность немецких войск меньше.

Вспомнив о том, что мне нужна карта, я сходил в кабину автомобиля, взял портфель и вернулся в кузов. Порывшись в бумагах, нашел карту и вскоре определился с нашим местоположением. Оказывается, я переправился через Днепр южнее Быхова, потом шел точно на запад, переплыл реку Друть, потом атаковал немцев на шоссе Могилев — Бобруйск в пяти километрах юго-западнее Чечевич, что не есть хорошо, так там должен быть гарнизон не менее роты, часть которого уже, наверное, отправилась на наши поиски. Отложив карту, которую тут же схватил командир диверсантов (это тот, с кого первого я снял мешок), я стал рыться в портфеле, где нашел сопроводительную на пленных, согласно которой пойманные шпионы направлялись в Бобруйск для показательной казни. Видимо, как источник информации они для немцев ценности не представляли, да и что они могли знать? Там же я нашел ещё одну интересную бумагу — краткую сводку о положении на фронте, в которой сообщалось, что советские войска, пытавшиеся нанести контрудар с южного фланга группы «Центр» разгромлены, частично отступили к Рогачеву, частично окружены и уничтожены, в том числе разбита и девятнадцатая дивизия. Более в бумагах офицера ничего интересного не было, а из его карманов я извлек двести дойчмарок и полторы тысячи советских рублей. Маловато, но хоть что-то. Когда диверсанты обулись, вооружились и снарядились, их командир, нагло засунув добытую мной карту себе за пазуху, с агрессивным вызовом в голосе сообщил:

— Товарищ Ковалев, мы с вами не пойдем и нам сейчас здесь надо расстаться!

— Надо, так надо, навязываться не буду, — согласился я, обрадовавшись избавлению от обузы, хотя, честно говоря, само отношение было обидно.

Я выпрыгнул из кузова на землю, собираясь скорей покинуть эту честную компанию, но меня остановил окрик:

— Андрей! — вслед за мной спрыгнула Никитина и, когда я обернулся к ней, бросилась мне на шею, — Я хочу чтобы ты знал — я люблю тебя, очень, очень люблю и всегда буду любить, пока жива, — девушка громко, не стесняясь своих товарищей, а может, специально, чтобы они слышали, выплеснула свои чувства и осыпала моё лицо горячими, смешанными со слезами поцелуями, — Я ничего не прошу, просто знай!

В ответ на эти, не сказать, что совсем неожиданные, откровения, я ласково погладил её по волосам, поцеловал в щеку и с максимальной нежностью в голосе сказал:

— Ты, главное, выживи, Анечка, несмотря ни на что, выживи, — потом освободился от её объятий, развернулся и, не оглядываясь, пошел в ночную даль.

И вот опять я один, без карты, без жратвы и с грустью на сердце. Жаль Никитину, вряд ли она уцелеет с таким командиром. Из прибытков от всей этой весьма рискованной операции у меня остались только деньги с офицера, зажигалка, солдатская шинель, фонарик, да пара кусков мыла.

Направлялся я на запад. Теперь мне была известна судьба дивизии, и можно было возвращаться к своим, сказав, что смог выжить в бою и пробиться из окружения. Но если я выйду в гордом одиночестве, то это будет прямой путь в особый отдел для задушевных костедробительных бесед. Поэтому, возвращаться надо с подарком —

планным немецким офицером, а с таким живым багажом через Днепр переправиться будет практически невозможно. Поэтому я принял решение обойти Бобрыйск с запада и выйти к нашим войскам, удерживающим плацдарм в районе Рогачева — Жлобина. К Могилеву идти бесполезно — там сейчас очень жарко и плотность войск высокая. А гомельское направление является второстепенным, поэтому шансов успешно перейти линию фронта там гораздо больше. Надеюсь, минимум недельку они ещё продержатся. Ну, а по пути прихвачу подарок, думаю, даже лейтенанта хватит, чтобы снять с меня большую часть подозрений. Топать пешком по болотам в такую даль желания у меня не было, поэтому ближайшая промежуточная задача — выйти в район Кличева, до которого по прямой на запад километров пятнадцать, там аккуратно, без шума захватить транспорт, на котором добраться до нужного мне участка фронта.

Казалось бы — пятнадцать километров совсем немного и преодолеть их можно часа за три. Однако, когда идешь по этому лесу, прямо идти не получается — постоянно попадающиеся на пути болота, протоки и буреломы заставляют отклоняться то в одну сторону, то в другую, возвращаться назад, кружить по лесу в поисках пригодного пути. Поэтому около восьми утра, будучи ещё довольно далеко от Кличева (более точно определить с местоположением не было возможности за неимением карты) я нашел сухое место, съел последнюю оставшуюся у меня овощную консерву, постелил трофейную шинель и завалился спать. Проснувшись в полвторого, я вновь продолжил путь и вскоре вышел к околице небольшой деревеньки на десять дворов, со всех сторон окруженной болотами. Забравшись на дерево, я приступил к наблюдению с помощью бинокля и через час пришел к выводу, что здесь немцев нет, да и полицаи, похоже отсутствуют, во всяком случае вооруженных мужиков не видно. Несмотря на это, при свете дня я не стал туда соваться, а терпеливо дождался темноты и только потом приблизился к крайнему дому, вызвав неистовый лай дворового пса, который, впрочем, заглох, стоило только хозяйке — женщине лет сорока — выйти на крыльцо.

— Кто здесь? — громко спросила она в темноту, крепко сжимая в руках топор.

— Красноармеец, — ответил я, подойдя к забору.

— Чего надо? — неприветливо спросила хозяйка.

— Поесть бы чего.

— Нет ничего, иди отсюда, никто у нас тебе не подаст!

— Я могу заплатить.

— И чем же?

— Советскими рублями, немецкими марками.

— Ишь ты богачей нашелся! Не нужна мне твоя бумага! На обмен есть чего?

— Бритва есть, фонарик немецкий, мыло.

— Покажи мыло!

Я продемонстрировал нетронутый кусок немецкого мыла.

— Дам за него два хлеба, но их выпекать надо и фунт сала.

— Ещё бы картошки вареной и молока.

— Два фунта картошки и пол-литра козьего молока.

— Согласен.

— Давай мыло!

Я отдал ей стопроцентную предоплату и пустую фляжку под молоко, поле чего она вышла со двора, пояснив:

— У меня всего нет, сейчас принесу, — и направилась в сторону соседского дома.

Надеюсь, не обманет, а то придется убить. За кусок мыла.

Женщина вернулась через час и честно отдала всё в точном соответствии с нашей договоренностью. Поблагодарив, я отошел на опушку, где сразу же и перекусил картошкой с молоком, после чего углубился в лес на пару километров и лег спать. Проснулся я от того, что у меня что-то мягко шевелилось на груди. Ещё в полусне я по какому-то счастливому наитию сообразил, что это змея и мощным усилием воли подавил инстинктивный порыв сбросить эту тварь рукой. Приоткрыв глаз, я, затаив дыхание, наблюдал за наглой рептилией, решившей погреться и меня на груди, медленно поднося к ней руку и вскоре коротким рывком схватил гадину за шею, а следующим движением снес ей голову ножом. Фу-у! Вот же курва! Да я после такого теперь не усну, вообще никогда не усну в лесу, пся крив! Отдышавшись с перепугу, я развел костер и не спеша сделал из рептилии шашлык, которого хватило чтобы хорошо наесться да ещё и осталось. Так как сон у меня отбило надолго, я свернул шинель и отправился дальше на запад, к рассвету выйдя к крупному селу. Кличев это, или какое другой населенный пункт, без карты определить было невозможно, да в общем, это было и неважно. Забравшись на разлапистый дуб, я приступил к наблюдению. Практически сразу стало понятно, что тут стоит довольно крупный немецкий гарнизон — на въезде располагался КПП, через который за час въехало две автоколонны и выехала одна — все они сопровождалась бронемашинами. Боятся. Очевидно поблизости действуют партизаны или диверсанты. Что не есть хорошо — во-первых, усложняется решение задачи по добыче транспорта, во-вторых, существует вероятность

встречи с этими бойцами лесного фронта, а это нежелательно по причине моей подозрительности. В том смысле, что если я встречу с партизанами, то буду выглядеть для них очень подозрительным.

Дальнейшее наблюдение показало, что в городе стоит кавалерийское подразделение, солдаты которого без каких-либо опасений выезжают за пределы населенного пункта небольшими группами. По всей видимости, они считают ближние окрестности безопасными для себя. Поразмыслив, я пришел к выводу, что лошадь — это тоже неплохой вариант в качестве транспорта. Там, в клубе реконструкторов, для расширения круга знакомств, я проходил обучающие курсы и на потоке Речи Посполитой, где верховой езде уделялось довольно много внимания. Разумеется, в этом деле я далеко не мастер, но с какой стороны подходить к лошади, мне известно. Так что берем этот вариант в работу.

Наблюдение за селом в течение дня дало очень неплохие результаты — я смог выявить две избы, где квартировали офицеры. Причем один дом был чрезвычайно удобен для нападения — насколько я мог судить, там не было хозяев из местных, и всю жилплощадь занимал офицер с двумя своими денщиками. Его я и выбрал в качестве своей цели.

Определившись с планами, около шести часов вечера отошел подальше в лес, доел остатки от вчерашней покупки и улегся под разлапистой елью, чтобы хорошо выспаться перед ночной акцией. После инцидента со змеей нервы уже успели успокоиться и я понимал, что мне ещё много раз придётся спать в лесу.

Проснувшись, я подтянул свою амуницию, попрыгал на месте и отправился в село. Часы показывали полночь, на чистом небе светила почти полная луна, в лесу ухал филин, а в населенном пункте стояла мертвая тишина — захватчики по своему обыкновению постреляли всех собак и теперь никто не мог их предупредить о моём приближении. Разве что часовые, но их возможности по обнаружению чужаков значительно слабее собачьих. Из-за опасений быть замеченным в ярком лунном свете, мне пришлось ползти полкилометра от опушки до околицы, потратив на это почти целый час. Но достигнув крайних домов, я поднялся и, скрываясь в тених, бесшумно двинулся к намеченной цели, перемещаясь по огородам. Достигнув нужного мне двора, я подобрался к дому с тыльной стороны и обнаружил там заднюю дверь. Очень нужный элемент деревенского дома, позволяющий хозяевам при необходимости выходить в огород и в расположенный тут же сортир, минуя основной вход. На такой подарок я, честно говоря, не особо рассчитывал, надеясь найти способ забраться внутрь через окно, ведь во дворе был часовой, которого планировалось убить только после решения всех дел внутри дома — слишком часто их проверяли. Дверь была закрыта на щеколду, до которой я, к своему огорчению, не смог добраться помощью ножа, но немного поразмыслив, снял с себя немецкий ремень и сунул его в щель. Гибкая кожаная полоса смогла обогнуть изгиб косяка, и, подцепив крючок кончиком ремня, я смог открыть дверь. Здесь мне помогла хваленая немецкая аккуратность — петли были тщательно смазаны и не издали ни малейшего скрипа. Разувшись, я проник в небольшой тамбур, где немного постоял, прислушиваясь к ночным звукам, после чего, открыв левую от меня дверь, вошел в комнату, где мирно спали денщики и аккуратно их зарезал одного за другим. Пройдя в другую комнату, я обнаружил, что вражеский офицер спит в обнимку с молодой женщиной, скорее всего из местных. Убил обоих. Оставить её живой не было никакой реальной возможности. Даже если вырубить и связать, то в любом случае, немцы её повесят. Обойдя ещё раз все помещения, я убедился, что здесь больше никого нет, только во дворе прохаживается постовой. Далее со всем тщанием я приступил к поиску и сбору трофеев. В первую очередь, при проверке содержимого офицерского портфеля, мне посчастливилось найти комплект топографических карт. Великолепно! А то я уже порядком задолбался бродить по белорусским лесам вслепую. Проверив карманы кителя висевшего на спинке стула, извлек оттуда пачку купюр и документы, бросив всё это в портфель. Туда же запихнул и серебряный портсигар, часы, бинокль. Задумчиво покрутив саблю, также решил её затрофеить и повесил на пояс. Потом переместился на кухню, мысленно поблагодарив убитого мной офицера за запасливость — здесь мой взгляд порадовали более двадцати банок тушенки, овощные консервы, домашняя полукопченая колбаса и еще много чего, приятственного моего желудку. Вспомнив при виде всего этого изобилия, что с вечера я ничего не ел, сел за стол и позволил себе насладиться ночной трапезой. Потом принес из сеней чересседельные сумки и вдумчиво их наполнил нужными мне трофеями.

Дождавшись окончания проверки поста, лениво потягиваясь, я вышел в форме денщика на крыльцо. Караульный, увидев меня, приблизился, внимательно вглядываясь мне в лицо.

— Курт?

Я сел на ступеньку и протянул подошедшему постовому портсигар:

— Спит он, закуришь?

Немец, продолжая вглядываться в меня, отрицательно покачал головой:

— Нельзя на посту.

— Ну как знаешь, — начав возвращательное движение, я «случайно» уронил портсигар, отвлекая его внимание и резко ударил фрица в грудь ножом, ранее спрятанным в рукаве. Даже пикнуть не успел.

До следующей проверки постов оставалось двадцать три минуты. Осознав скоротечность времени, я схватил в

сенях чересседельные сумки и бросился в хлев, используемый в качестве конюшни. Увидев меня, и почуяв запах крови офицерский конь захрапел и уже было приготовился заржать, но я навел ему между глаз пистолет и по-немецки сказал:

— Убью!

Жеребец оказался на редкость понятливым и испуганно затих, нервно топая копытом и прядая ушами. Рассудив, что если его взять, то он ещё сможет доставить проблем, я принялся в ускоренном режиме седлать мерина, очевидно, принадлежавшего одному из убитых мной денщиков. Тот стоял спокойно, не проявляя никакого недовольства. Уложившись в десять минут, я вывел животину во двор и выглянул из калитки на улицу, неожиданно для себя разглядев в паре сотен метров приближающийся конный патруль. А времени, оказывается ещё меньше, чем предполагал. Вскочив в седло, я дал шенкелей и рысью направил послушного мерина к околице. Здесь через десяток дворов улица выходила на пастбище, за которым начинался густой белорусский лес. Сзади послышались крики патрульных:

— Стоять! Тревога! — затем раздались винтовочные выстрелы.

Эх, не получилось тихо уйти! Но, главное, уйти получилось! Пустив мерина в галоп, я быстро достиг опушку и, перейдя на шаг, углубился в лес, потихоньку удаляясь от преследователей. Вряд ли они сунутся в заросли ночью. А если и сунутся, то найти следы не смогут. Дойдя до мелкого ручья, я направил животину по песчаному дну, чтобы хоть немного спрятать следы, а то копыта оставляют весьма заметные отпечатки на мягкой почве здешних лесов. Использование ручья, конечно, не сможет серьёзно затруднить преследование, а оно непременно будет — фрицы убийство офицера так просто не оставят. Оцепить весь лесной массив они вряд ли смогут, а будут идти непосредственно по следу. Исходя из этих соображений, после того как покинул русло, я установил пару растяжек, поблизости от которых навязал и несколько ложных нитей. Всё это должно замедлить скорость движения преследователей, позволив мне быть на несколько шагов впереди. По уму, мне следовало двигаться непрерывно, чтобы не дать идущим по следу немцам приблизиться ко мне, но ни я, ни мерин не железные, поэтому ближе к полудню, установив ещё две растяжки, прошёл на пару километров вперед и встал на отдых. Расседлав и стреножив животину, я поел и позволил себе вздремнуть пару часиков, после чего продолжил свой нелёгкий путь по лесным просторам Белоруссии. Примерно через час после снятия с привала, сзади на грани слышимости донесся звук взрыва гранаты — сработала растяжка. Значит, немцы всё же висят у меня на хвосте, отставая километров на пять. Пока терпимо. Более я не делал привалов до наступления темноты, а после захода солнца изменил направление движения с южного на западное и ещё через два часа встал на короткий привал. Ну, теперь уже точно не догонят. Проснувшись в одиннадцать часов ночи, я продолжил движение на запад и вскоре приблизился к границе лесного массива. Далее простиралась сельская местность — поля, деревни, рощи да перелески. Привязав мерина к дереву, я, осторожно ступая, вышел на опушку и двинулся вдоль неё, внимательно глядя по сторонам и прислушиваясь к ночным звукам. Осторожность себя оправдала — всё-таки немцы здесь выставили оцепление, хотя и не очень плотное. Вражеские секреты располагались на расстоянии полукилометра друг от друга. Вполне разумно — топот копыт они на таком расстоянии вполне могут услышать, да и полная луна им в помощь, а пешком по открытой местности я тут далеко не уйду. Секреты состояли из нескольких солдат, скорее всего с пулеметами. В принципе, можно снять, но тут встает вопрос — а что делать дальше? Даже преодолев линию оцепления, здесь на лошади тоже не скрыться. Поразмыслив над сложившейся ситуацией, я вернулся к мерину, сложил в ранец все самое необходимое и, дойдя до опушки, ползком преодолел линию секретов, направляясь к виднеющемуся невдалеке хутору.

Здравый смысл меня не обманул — здесь расположилась временная база немецкого подразделения. Во дворе стояло три грузовика «Опель-Блиц» под охраной караульного, ещё двое солдат в составе парного патруля непрерывно обходили хутор по кругу. Через двадцать минут наблюдения, ровно в час ночи, из дверей дома появился унтер в сопровождении трех солдат и произвел смену караулов. Обдумав всё увиденное, я решил, что не мешало бы немного поспать и забрался на сеновал. Резать фрицев надо на смене караулов, до которой ещё два часа, так зачем же время терять? После того, как меня призвали в РККА, я вообще ни разу нормально не выпался так что, хоть полтора часика, но вздремну. Однако моим сладким мечтам не суждено было сбыться — забравшись на сеновал, я почувствовал легкое движение под накиданной в углу кучей сена. Тихонько приблизившись, я шепотом просил у тишины:

— Кто здесь? Выходи, а то я штыком пощупаю!

Так же шепотом оттуда донеслось:

— Только попробуй, я и стрельнуть могу!

— Стрелять не надо, а то немцев разбудишь!

Из под сена появилась голова, а потом и рука с пистолетом:

— Так ты штыком не тычь, и всё будет тихо!

Решив, что хватит препираться, я представился первым:

— Младший лейтенант Ковалев! Только не удивляйся, я в немецкой форме, это трофей.

— Капитан Кузнецов! — Мой новый знакомый теперь полностью вылез и я разглядел на его кителе знаки различия погранвойск.

Не было печали, но вот появился новый начальник, и что мне теперь с ним делать?

На правах старшего по званию, Кузнецов потребовал, чтобы я ему доложил о своих похождениях, что я и сделал, рассказав о том, как меня, сильно контуженного, засыпало землей при взрыве авиабомбы, что по счастливой случайности не задохнулся, пролежав под завалом более суток, потом плутал по лесу, отходя от контузии, а когда более-менее пришел в себя, пробрался в Кличев, где убив офицера и его денщиков, ускакал на лошади. Капитан, слушая мой рассказ, посматривал на меня недоверчиво, но наличие сабли на поясе и трофейных консервов, которыми я угостил проголодавшегося командира, несколько повысили его лояльность.

— Так, получается, это тебя немцы ищут?

— Ну да, похоже, — не стал спорить я с очевидным фактом.

— И что думаешь дальше делать?

— Всех немцев на хуторе убить, захватить машину и убраться отсюда подальше на юг, а там выйти к нашим.

Капитан молчал, видимо слегка охренев, от моих наполеоновских планов, а я продолжил:

— Постового и патруль я сниму без проблем, а вот со сменой могут быть некоторые сложности — там надо сразу убивать четырех человек. Так-то тоже вопрос решаемый, но есть опасность нашуметь и разбудить тех, кто в избе, тогда придется уходить с шумом — забросать дом гранатами и свалить на машине.

— А может проще снять часовых и уехать на машине?

— Это тоже самое, что и с шумом — оставшиеся в доме поднимут тревогу, а вот если получится тихо всех перерезать, то будет фора в пару часов, за которые можно отъехать километров на семьдесят.

Благодаря ночному зрению, я хорошо видел недоверчивое выражение его лица, но несмотря на сомнения, капитан согласился:

— Делаем так: ты снимаешь постовых, раз так уверен в себе, а я подстрахую, потом смену режем вместе — я ведь тоже кое-чего могу, и дашь мне саблю, я в кавалерийском учился, обращаться умею.

Далее мы обсудили детали и после очередной проверки караулов, крайней перед сменой, спустились с сеновала. Капитан хоть и заметно прихрамывал, но, разувшись по моему примеру, двигался бесшумно. Первым я зарезал часового у машин, потом, спрятавшись за углом дома, дождался, когда патрульные подставят мне спины и убил их, ударив одновременно обеими руками. Став свидетелем быстрой и эффектной расправы, капитан стал смотреть на меня гораздо более дружелюбно. Потом он пошел к бывшим хозяевам хутора, которых немцы выселили в сарай, чтобы сообщить, что скоро придется уезжать. Оставаться тем нельзя — немцы совершенно точно их убьют. Через десять минут пограничник вернулся и мы заняли позиции с двух сторон от крыльца. А когда немцы вышли из дома и затворили за собой дверь, мы их немедленно атаковали. Получилось почти без шума, только один из клиентов капитана успел издать кроткий стон. Опустив трупы на землю, я прислушался к звукам доносящимся из дома. Только сопение и похрапывание — значит работаем дальше. Войдя в прихожую, мы с капитаном разделились — он пошел в комнату к офицеру, а я к солдатам. Хозяева ему рассказали, кто из немцев, где устроился. Тут наш план едва не пошел насмарку — стоило только мне зайти в комнату, как от другой двери донесся громкий скрип, потом раздался удивленный возглас и грохот падающей мебели, из-за этого шума солдаты немедленно проснулись и повскакивали, с криками хватаясь за оружие. Пришлось работать в ускоренном темпе. Делаю шаг к ближайшему фрицу, наношу удар ножом в грудь, вырываю из его ослабевших рук карабин и бью прикладом в голову следующего, практически одновременно с этим пробиваю ногой в пах еще одного, затем наношу удар кулаком в голову шустрику, уже успевшему дослать патрон в патронник и одним прыжком в дверях настигаю последнего, пытающегося убежать с криком «Аларм», свертывая ему шею. Потом открываю дверь и в полный голос спрашиваю:

— Капитан?

— Живой? — отозвался вопросом мой напарник, появившись в двери офицерской комнаты с пистолетом в руке.

— Да, погоди чуток, закончить надо, — вернувшись в комнату, я зарезал трёх стонущих недобитков и прошел на офицерскую половину, где застал пограничника, который уже торопливо собирал бумаги, подсвечивая себе фонариком.

— Справился? — не отрываясь от своего занятия спросил Кузнецов.

— Да, но пришлось попотеть — уж очень резво они подскочили.

— Дверь скрипнула, вот этот гад и проснулся... Ты вот что, иди на улицу, посмотри, что в машинах, и наблюдай за окрестностями, а то мало ли что, собери всю форму и оружие с часовых во дворе, да и Макару скажи, чтобы собирался.

— Есть! — я козырнул и, по-уставному развернувшись, вышел из комнаты. Первым делом я направился в

сарай и сообщил хозяевам — семейной паре лет пятидесяти, что надо собираться, они без возражений сразу же направились в дом, однако через минуту женщина выскочила назад и, перегнувшись через перила крыльца, опорожнила свой желудок. Потом она села на ступеньку и заплакала, тихонько подвывая. Тем временем я, забравшись на крышу сарая, оглядел окрестности. Тишина и благодать, лишь кузнечики стрекочут в ночи, да ветер шевелит верхушки деревьев в саду. До линии оцепления далеко — более полукилометра, поэтому фрицы, сидящие в секретах по мою душу, не могли услышать тот относительно небольшой шум, который мы произвели, пока резали немчуру. Главное, что удалось обойтись без стрельбы. Хочется надеяться, что услышав отъезжающий автомобиль, немцы тоже не поднимут тревогу — мало ли какие резоны у офицера? Спрыгнув с сарая, я осмотрел машины и пошел раздевать трупы.

Вскоре на крыльце появился капитан и шепотом позвал:

— Ковалев!

Оставив труп, я подбежал к нему и козырнул:

— Я!

— Хватит тянуться — не на параде! Что в машинах?

— Две пустые, в третьей жратва.

— Пойдем глянем!

Мы подошли к машине и я отодвинул тент в сторону.

— Неплохо, — произнес капитан, пошевелив фонариком, — и места Макару с Галей хватит — значит, на ней и поедем. Пошли, я буду выносить на крыльцо всё, что берём, а ты относи в машину и Макару тоже помогай.

Я кивнул, а Кузнецов скрылся в доме и вскоре вытащил на крыльцо солдатские ранцы, которые я тут же отнес в кузов. Потом пошли карабины, шинели, мешок, в котором судя по свежему запаху дерьма была военная форма, снятая с трупов. Макар тоже не отставал и бойко вытаскивал мешки со своим деревенским скарбом один за другим. Последней в кузов запахнули козу, которую хозяйка наотрез отказалась оставлять.

Закончив спешные сборы, капитан сказал, чтобы я надел офицерский китель, а сам он в солдатской немецкой форме сел за руль, после чего мы выехали со двора.

— На немецкой карте обозначены посты в ближайшей округе, так что проедем без ненужных встреч, но на мосту могут проверить документы, сначала попробуешь отбрехаться, — (я ему ранее сообщил, что владею немецким языком), — Но, может, придется прорываться, — сообщил мне капитан, когда мы выехали на проселочную дорогу и он включил фары.

Двигаясь в северо-западном направлении, через двадцать минут проехали по мосту, который охранялся полицаями, не имевшими права проверять документы у немцев. Еще через четверть часа, когда восточная половина неба уже начала светлеть, капитан свернул с грунтовой дороги в лес и, проехав с полкилометра остановился, после чего я выпрыгнул из кабины и направился назад по колее.

— Стой! Куда? — сзади раздался удивленный возглас капитана.

Фу ты черт! Задумался и не предупредил свалившегося мне на шею командира.

— Надо следы замаскировать! — сообщил я Кузнецову цель своей прогулки.

— Пойдем вместе!

Не доверяет.

Дождавшись капитана, я вышел к дороге, где, пользуясь подручными средствами, как мог замаскировал следы. Кузнецов мне не помогал, а, стоя позади, смотрел за моей работой и наблюдал за окрестностями.

По обратному пути он сказал:

— Похоже, ты не первый раз во вражеском тылу.

Я не стал отрицать очевидное:

— Было дело, покуролесил в Польше.

— В Польше? — недоуменно переспросил капитан, — Там же боевых действий всего ничего было.

— Так я в немецком тылу куролесил, будучи солдатом польской армии.

Кузнецов застыл на месте:

— Так ты что, поляк? — прозвучало как: «Так ты оказывается враг!»

— Нет, я русский, мои родители ещё до империалистической туда переехали, да так там и остались, а за мои похождения в Польше мне сам Лаврентий Павлович «Красное знамя» на грудь повесил.

— И документ есть? — недоверчиво спросил пограничник.

— Конечно! — развернув целлофановый пакет, я протянул ему орденскую книжку.

— Ещё и «Звезда» за Финляндию, — уважительно произнес он, прочитав записи, — Ты извини за недоверие. Дело серьёзное, вот и дую не воду. Поначалу вообще думал, что тебя подослали немцы, чтобы выйти на партизанский отряд. Какой-то ты подозрительный.

Ага, значит партизанский отряд. Ну, чего-то в этом роде я и ожидал, когда увидел, как он затаривается. Вернувшись к машине, мы развели костер, позавтракали и переоделись в советскую военную форму, после чего Кузнецов оставил меня на дежурстве и завалился спать, затем, по прошествии четырех часов, мы поменялись и теперь уже я, уютно устроившись на трофейных шинелях, погрузился в объятия Морфея. Так и прошел весь день до вечера — то он спал, то я. Макар с женой тоже немного вздремнули, потом всё время сидели в сторонке, болтая о всякой чепухе, вроде того, что коза Машка сегодня блеет особенно грустно, а картошка уродится плохо из-за отсутствия дождей. Вечером Макар покинул стоянку — как я понял, он был связником с партизанами. Вернувшись под утро, мужик сообщил капитану:

— Передал! — и лег спать под бочок к своей благоверной.

Следующий день мы также провели в праздности, отсыпаясь и отъедаясь, а ночью нас окружили партизаны. Если быть точным, то о том, что это партизаны, я узнал несколько позднее, а вначале, издали услышав мягкие шаги приближающихся людей, сообщил об этом пограничнику и залег с винтовкой, укрывшись за деревом. Капитан тоже изготовился к бою, а когда неизвестные приблизились и стали окружать поляну, он спросил:

— Стой! Кто идет?!

— Нас Прокопий Лукич послал к деду Макару. Тут он?

— Тугова я! — из-за моей спины крикнул мужик и спросил, — А сам-то ты кто?

— Иван Федорук! Помните такого?

— Как не помнить, чай не настолько стар, чтобы родню забыть, иди сюда, это свои.

Я поднял ствол винтовки вверх и поставил её на предохранитель, а вскоре на поляну вышли трое партизан — один в военной форме и двое в гражданке. При этом в лесу, по моим наблюдениям, осталось человек пять. Один из подошедших, старший лейтенант артиллерии, козырнув, представился:

— Павлов, командир разведки партизанского отряда. Прошу предъявить документы!

Ишь какой серьёзный! Подождав, пока разведчик, подсвечивая фонариком, ознакомится с документами капитана, я протянул ему свои. Тот, прочитав орденскую книжку одобрительно хмыкнул, но всё же остальные документы изучил не менее тщательно. Потом он протянул своё командирское удостоверение капитану, а когда захотел показать его мне, то я махнул рукой:

— Нет смысла.

— Это как? — с удивлением спросил старлей.

— Ну, если ты немецкий агент, то выявление признаков подделки в документах уже никак не поможет.

Павлов пару секунд подумал над моим ответом и согласно кивнул:

— Разумно.

Потом он повернулся к машине:

— А это, значит, ваш трофей?

— Да, и кузов полон продовольствия, — с гордостью в голосе подтвердил капитан.

— Мы туда все уместимся?

— Нет, ну да ты сам посмотри, — ответил ему Кузнецов, отодвигая тент с кормы, — Сюда ведь ещё козу надо засунуть, не оставлять же её здесь.

Павлов, задумчиво глядя на пасущуюся поблизости козу, снял фуражку и почесал затылок, после чего вынес свой вердикт:

— Тогда я сяду за руль, Кузнецов со мной в кабину, Макар с Клавой и коза — в кузов, а остальные идут пешком. Гринюк, ты главный в пешем отряде, Ковалев идет с вами.

— Понял, — отозвался усатый тридцатилетний мужик в гражданской одежде, смерив меня изучающим взглядом.

После отъезда машины Гринюк собрал оставшихся партизан на поляне и по военному четко проинструктировал, определив порядок движения. Мне досталось место в середине колонны, между сержантом-пограничником Егоровым и самим Гринюком. Двигаясь таким образом по ночному лесу, мы преодолели весь путь за три часа и ещё затемно вошли в партизанский лагерь, расположившийся в еловом лесу. Здесь нам дали ранний завтрак, состоящий из какого-то травяного отвара, куска черного хлеба и луковицы. Скучно живут бойцы лесного фронта. Видимо, наши трофеи ещё не распределили. Да и надолго ли их хватит? Учитывая, что в отряде не менее сотни штыков, то в машине продуктов недели на две, не больше.

Поев, я нарезал елового лапника и лег отдыхать, с сожалением вспоминая о трофейных шинелях. Надо было сразу прибрать к рукам хотя бы одну, сейчас уже не дадут, а если напомним, что я их захватил, то назовут куркулем и припомнят буржуазное польское прошлое — знаю я этих коммунистов. Спать вообще-то не хотелось — за предыдущий день хорошо выспался, но если есть возможность, надо отдыхать, поэтому, расслабившись, я лениво обдумывал свои перспективы. Оставаться в партизанском отряде мне совсем не хотелось. Одно дело, когда ты куролесишь по вражеским тылам без какого бы то ни было задания от командования, будучи сам себе хозяином. И

совсем другое дело, когда ты сидишь в лесу, окруженный врагами, зачастую даже без жратвы и при этом обязан выполнять приказания командира, который, скорее всего, не обладает достаточной компетенцией (это если выразаться корректно), чтобы сохранить жизни подчиненных ему партизан, в том числе и мою. А для того, чтобы определить, что местный командир — человек недалекий, достаточно посмотреть на лагерь. Нет, на фронте тоже не сахар, но там централизованное снабжение, да и трофеями можно разбавить рацион, в отличие от партизанского отряда, в котором, даже если что добудешь, то жрать в одну харю тебе никто не позволит. Кроме того, следует учесть, что на фронте у меня есть весьма недурственная перспектива карьерного роста — в РККА спешно формируются новые части и подразделения, а командиры гибнут, поэтому стать комбатом — вполне достижимая цель, даже без особых усилий. А там, кто знает, можно и до комполка дорасти, хотя нет, лучше всего командиром какого-нибудь ремонтно-тылового батальона. Вот где синекура!

Размечтавшись, я не заметил, как заснул и, проснувшись от не очень вежливого толчка в плечо, спросонья схватил пихнувшего меня парня за руку, с упором стопы в живот перебросил его через себя и, перекатившись, замахнулся для добивающего удара, но вовремя остановился, разглядев красноармейскую форму.

— Вот дебил! — высказал я в сердцах ему всю свою глубину возмущения, и, обращаясь уже не только к нему, но и другим партизанам, которые мигом оказались рядом, пояснил, — Будить меня надо издалека и в словесной форме. А подобные причуды могут привести к преждевременной смерти неразумного ушлепка.

— И вовсе я не ушлепок! — попробовал мне возразить поднявшийся с земли парень.

— Мне напомнить Вам устав, боец?

— Виноват, товарищ младший лейтенант! Красноармеец Пасечник! Вас вызывает командир отряда!

— Показывай дорогу!

Штаб располагался в просторной землянке, спустившись в которую, я увидел посреди помещения самодельное подобие стола, за которым на чурбаках сидели, видимо, руководители отряда: незнакомые мне батальонный комиссар — полноватый тридцатилетний мужчина интеллигентной наружности, бородатый мужик в гражданском, капитан Кузнецов и старший лейтенант Павлов.

— Присаживайся, — указал мне на свободный чурбак Кузнецов и, обращаясь к остальным собравшимся, представил меня, — А вот и тот самый младший лейтенант Ковалев, про которого я вам только что рассказывал, дважды орденосец и умелый диверсант, — потом он, вновь обратившись ко мне, представил присутствующих, — Командир отряда батальонный комиссар Антипов, его заместитель Иван Иванович Коровин, а с Павловым ты уже знаком.

— Ну вот, с церемониями покончили, теперь переходим к делу, — взял слово командир отряда, — Ситуация у нас сложная, хотя благодаря товарищам Кузнецову и Ковалеву, одна из проблем временно решена — продукты пока есть. В остальном у нас, откровенно говоря, всё плохо — связи с командованием нет, нехватка оружия и боеприпасов, из-за чего последние десять дней боевые действия против врага не ведутся. Поэтому нам надо срочно предпринимать усилия по этим направлениям. Может, у товарища Ковалева будут какие-нибудь предложения?

Выслушав командира я убедился, что посетившая меня ранее мысль — отсюда надо валить, была единственно верной. Но вслух об этом я, разумеется, не сказал.

— Позвольте сначала высказать свои замечания, хоть это и нарушение субординации, — облокотившись на столешницу, набранную из кривых жердей, я приступил к сокрушительной, но справедливой критике, — Быт отряда организован плохо, бойцы живут в шалашах, но при этом бездельничают, вместо того, чтобы рыть землянки. А зима ведь не за горами. Костры разводятся открытым способом, что в случае использования противником авиации повлечет обнаружение и уничтожение отряда.

— Да мы их только ночью жжём! — возмущенно произнес Коровин.

— Да будет Вам известно, самолеты ночью тоже летают, — ответил я на его реплику и продолжил, — Туалеты не оборудованы, бойцы загадили всю округу. Расположение отряда выбрано неправильно, недалеко проходит стратегическая железнодорожная магистраль, которая должна быть основной целью партизанского отряда, но при таком близком расположении после одной-двух диверсий вас быстро обнаружат и уничтожат. По поводу отсутствия продуктов и боеприпасов — значит вы негодно организовали и вели свои боевые действия, раз не смогли добыть ни того, ни другого. Находясь в тылу у противника, надо так планировать свою работу, чтобы обеспечивать себя самостоятельно. Хотя, должен признать, что это труднодостижимый идеал. Тут мы переходим к вопросу о связи с командованием РККА. Предлагаю свои услуги в этом деле. Уверен, что в течении недели смогу перейти границу и передать нашим необходимую информацию. У меня пока всё! — теперь они точно постараются от меня избавиться, отправив к линии фронта. Критиков никто не любит.

По мере произнесения мной обличительной речи, батальонный комиссар все ниже опускал голову, прямо как двоечник на педсовете. Неожиданно как-то. Но после того, как я закончил, он всё-таки распрямылся и взял слово:

— Вот почему я и прошу, товарищи, нет, требую, снять меня с должности командира отряда! Повторюсь, а то товарищ Ковалев не знает — я до войны был редактором районной газеты в Мордовии, а как война началась,

пошел добровольцем, и вот, попал в окружение. Сами видите, какой из меня командир. Не потянул. Товарищ Кузнецов, Вы, как старший командир и коммунист обязаны возглавить отряд, а я буду всеми силами помогать вам в должности комиссара.

Капитан, нахмурившись, зыркнул на меня с выражением: «Ну кто тебя просил?», и выдержав небольшую паузу, произнёс:

— Думаю, товарищи Ковалев и Антипов правы. Я, честно говоря, за то небольшое время, что провел в отряде, не успел разглядеть всех проблем, о которых говорил Ковалев, но в целом, картину он обрисовал правильно. Поэтому соглашусь с мнением товарища Антипова и, если у присутствующих нет возражений, принимаю должность командира отряда. Времени на раскачку у нас нет, поэтому товарищ комиссар, — посмотрел на Антипова, — Идите, работайте с личным составом, сообщите им о смене командира.

Политработник поднялся и вышел, а Кузнецов, расстелив карту, жестом подозвал всех оставшихся подойти поближе и продолжил, — Ковалев прав, место дислокации у нас негодное, давайте подумаем, куда переносить лагерь... Мы все склонились над столом и уже через пять минут, я признался:

— Беру назад свои слова по поводу плохого расположения лагеря, был не прав. Другие варианты ещё хуже. Однако диверсии поблизости проводить нельзя, надо будет переправляться через Березину к Осиповичам и там шуметь. Но, в любом случае, зиму здесь мы не продержимся, поэтому в конце сентября надо будет обязательно уйти южнее Бобруйска, — и добавил, заметив косые взгляды коллег, — Ну это если наши фашистов раньше не прогонят, — тут ведь почему-то все уверены, что ещё немного, ещё чуть-чуть, и враг побежит, сверкая пятками.

Совещание продлилось до самого обеда, на который давали похлебку из перловой крупы с трофейной тушенкой. Вполне съедобно и сытно. Набив желудок, я развалился на еловых ветках, вспоминая прошедшее совещание. Капитан дал ясно понять, что отправлять меня к фронту он не собирается. Уж очень ему понравилось, как я фрицев режу. Назначив меня помощником по особым вопросам, он сразу озадачил темой вооружения и взрывчатки. В ответ я ткнул в указанные на немецкой карте пункты сбора трофеев. Кузнецову идея понравилась и он решил не откладывать её реализацию в долгий ящик. Так что через два часа выдвигаемся. Я назначен командиром группы, мне в распоряжение будет передано отделение сержанта Хомича.

Вообще, как я понял из обсуждений, партизанский отряд возник на основе трёх десятков сельских активистов (Коровин до войны был председателем колхоза), не успевших эвакуироваться и разумно решивших спрятаться в лесу, дожидаясь скорого, по их мнению, возвращения Красной Армии, потом на них стали набредать разрозненные группы окруженцев, среди которых был и Антипов, решивший, что настоящим патриотам и коммунистам не подобает трусливо сидеть в лесу, дожидаясь освобождения, и надо воевать против немцев, но вот компетенции у него для этого не хватило — они осуществили несколько нападений на немецкие гарнизоны в оккупированных селах (хорошо хоть додумались отойти подальше от лагеря), в этих боях партизаны понесли большие потери и растратили боеприпасы. Последние две недели они тут все питались пустой перловой кашей, да иногда хлеб из деревень приносили. Поэтому наш с капитаном грузовик пришелся очень кстати.

Отдохнув с полчаса, я увидел приближающегося сержанта — широкоплечего парня лет двадцати в сильно потрёпанной красноармейской форме, который подойдя, доложил:

— Товарищ младший лейтенант, сержант Хомич в Ваше распоряжение прибыл!

Осмотрев своего нового подчиненного, я пожал ему руку и распорядился:

— Ну давай, веди к бойцам!

Сержант развернулся и мы проследовали на другой конец лагеря, где возле добротного шалаша расположилось отделение красноармейцев. Подойдя к ним, сержант дал команду построиться в одну шеренгу и я получил возможность внимательно их осмотреть. Без меня и сержанта восемь штыков. В петлицах бойцов видны эмблемы различных родов войск — есть два танкиста, артиллерист, сапер, ну и пехота, куда же без неё. Форма основательно изношена, но все прорехи заштопаны и залатаны. Шестеро из восьми обуты в ботинки с обмотками, причем у двоих подошвы подвязаны бечевкой. Амуниция на первый взгляд более-менее в порядке, а вот морально-психологическое состояние не на высоте — небритые, выглядят усталыми и в глазах тоска.

— Что с патронами?

— В среднем по четыре на брата, в «Дегтяре» полдиска.

Понятненько, значит надо идти выбивать у капитана честно добытые трофеи.

— Ну, с оружием и боеприпасами я вопрос решу, а вот вы озаботьтесь боевыми ножами — спрашивайте товарищей из отряда. В худшем случае штыками придется работать, но вы их должны хорошо заточить. И всем побриться!

Отдав распоряжения, я направился к Кузнецову выбивать фонды для операции. Неожиданно для меня, тот оказался очень неуступчивым, заявив, что мне, дескать, и ножа достаточно, а всё остальное я сам добуду. Однако, в ходе напряженной беседы, всё-таки получилось выбить из этого куркуля четыре немецких карабина с полусотней патронов, шесть гранат, две пары сапог и сухой паек из немецких консервов на трое суток (а ведь просил на пять!).

Кроме того, покопавшись в отстиранной и высохшей уже немецкой форме, смог подобрать себе обмундирование, почти идеально подходящее по размеру, а среди трофейных документов нашел солдатскую книжку с похожей на меня физиономией. Следующий час я гонял своё новое подразделение, обучая движению по лесу и жестам для беззвучного взаимодействия в бою.

А в пять часов вечера, плотно поев, моя группа выдвинулась из лагеря в сопровождении одного из местных жителей — Ивана Прокопьевича Кислова, который попросил называть его просто дядя Ваня. Он довел нас до ближайшего хутора, где показал спрятанные в камышах три долбленых челнока, которые мы изъяли во временное пользование. Оставив дядю Ваню на хуторе, мы сели в лодки и продолжили свой путь. Проплыв по узкой болотной протоке несколько километров, в наступившей темноте мы перетащили челноки через лес на берег Березины (протока соединялась с рекой много дальше, а тут было самое удобное место для переправы). Затем мы переплыли саму реку и, высадившись на противоположный берег, спрятали лодки в кустах и двинулись к своей цели по ночному лесу, к полуночи выйдя на его опушку. Далее мы продолжили путь по засеянным полям и к двум часам ночи приблизились к бывшей моторно-транспортной станции, в помещениях которой нынче обосновался немецкий пункт сбора и ремонта трофейной советской техники.

После часа наблюдения за объектом, я дал приказ на отход и мой небольшой отряд к рассвету вернулся в лес и вскоре мы расположились на отдых среди густых зарослей ольхи, глядя на которую мне подумалось о шашлыках. ТАМ мне иногда приходилось выезжать на пикники со своими польскими «друзьями», и многие из них признавали для этих целей готовый древесный уголь, будучи абсолютно уверенными в том, что на ольховых дровах мясо получается вкуснее. Хотя я, честно говоря, никакой разницы не замечал... С тех пор это дерево стало у меня прочно ассоциироваться с шашлыками. Хорошие были денечки... Особенно когда Катаржина была ещё жива.

Тряхнув головой, чтобы отогнать неуместные сейчас воспоминания, я оглядел окружающих меня бойцов, возвращаясь в объективную реальность.

— Нападение на пункт сбора трофеев отменяется — тихо его не взять, а громко тем более. Сейчас завтрак, и отдых. Хомич, распределить караулы!

— Есть!

Сержант посмотрел на меня вопросительно-тревожно, но никаких вопросов задавать не стал. И на том спасибо. Он ведь тоже в курсе цели нашей вылазки, а с точки зрения устава отказ от выполнения боевой задачи является воинским преступлением. А то, что там забор с колючей проволокой, три парных патруля и два пулеметных гнезда никого волновать не должно. Но мы-то ведь партизаны, и должны работать не как регулярная армия, поэтому план придется изменить. Точнее, придумать новый. А пока — спать!

Проснувшись в полдень и пообедав, мы выдвинулись на запад — к городу Осиповичи и смогли достичь его окраин после полуночи. Здесь я тщательно побрился, переоделся в немецкую форму и, пользуясь темнотой, пробрался, минуя патрули, сначала на окраину города, потом огородами приблизился к центральной части, где нашел заброшенный сарай во дворе разбомбленного дома и устроился в нём на отдых. Проснувшись около десяти утра, незаметно покинул своё временное убежище и стал не спеша прогуливаться по улицам, наблюдая и запоминая детали обстановки. Город был относительно небольшим, по большей части состоял из частных домов, но при этом являлся важным транспортным узлом, вследствие чего здесь располагался достаточно крупный немецкий гарнизон. Дойдя до рынка, я принялся бродить по рядам, слушая разговоры местных обитателей, которые, будучи уверенными в том, что я их не понимаю, достаточно свободно общались в моём присутствии. Большинство продавцов и посетителей рынка обсуждали житейские темы — рост цен, курсы обмена рублей и оккупационных марок. Но все же были и разговоры на политические темы, причем тут было немало тех, кто положительно отзывался по поводу прихода немцев. Этим я постарался хорошо запомнить. Чтобы бесцельно не бродить, что могло вызвать ненужные подозрения, я купил у разных продавцов шмат сала, буханку хлеба, поллитру самогона, расплатившись советскими рублями.

Когда я только вышел с базара, к мне подошла симпатичная юная девушка с русой косой в голубом платье и белых гольфах, обратившаяся ко мне на плохом немецком:

— Добрый день, господин солдат, я могу для Вас сделать хорошо.

— Что значит хорошо? — я не сразу сообразил, о чем идет речь.

Девушка подняла подол платья и с игривой улыбкой на полных губах провела рукой с внутренней стороны своего обнажившегося бедра.

— И сколько это стоит? — поинтересовался я, поняв, что она предлагает себя за деньги. Юная прелестница, похоже, решила заняться древнейшей профессией, или... Или это примитивная медовая ловушка, что было бы для меня гораздо интересней. Хотя и сбросить напряжение было бы неплохо — как говорится, совместить приятное с полезным. И разведку провести, и коленки развести.

— Пять марок, — произнесла девушка, невинно хлопнув ресницами и порочно облизнув губы.

— Согласен! — ответил я и оттопырил локоть, чтобы девушка взяла меня под ручку, что она немедленно и

сделала.

— Прошу идти в мой дом, там есть комната и кровать, — девушка говорила с сильным акцентом и строила предложения на уровне восьмиклассника общеобразовательной школы, допуская простейшие ошибки.

— Хорошо, идём! — согласился я и она стала показывать дорогу.

Уже через пару сотен метров я понял, что разрядка мне сегодня не светит. Под нескладные заверения в любви к немецким солдатам и незамысловатые восхищения Германией меня, нежно взяв под руку, вели убивать в безлюдный полуразрушенный район. По всей видимости здесь не так давно разбомбили какое-то не шибко большое предприятие со складским комплексом. Разобравшись в происходящем, я резким движением резко зажал девушке рот правой рукой, а левой схватил трепыхающуюся псевдопроститутку и затащил в сарай, от которого остались одни стены.

— Сейчас уберу руку, а ты не будешь орать и дергаться, но если попробуешь, то сразу зарежу, — я продемонстрировал девушке нож, и продолжил, — кивни если поняла.

Девушка изменение обстановки перенесла стоически — перестала вырываться и кивнула. Убрав руку, я спросил:

— Как же ты меня убивать собралась, красотка?

Замотав головой и поджав губы, девушка ответила по немецки:

— Я хочу получить деньги и купить еды.

— Ты что не слышишь, что я с тобой по русски разговариваю?

В этот момент, услышав крадущиеся шаги приближающихся к сараю людей, я отошел на шаг назад и развернулся, достав пистолет. Увидев мои телодвижения, девушка негромко вскрикнула:

— Ваня стой, он ждет вас, он русский! — Вот сучка! Надо было её слегка стукнуть по тупой башке, чтобы отключилась.

— Ну нет уж, Ванюша, заходи, поговорим, и товарищ твой пусть заходит, не нужно на улице пугалом стоять, только руки держите на виду, а то я нервный — чуть что — сразу стреляю.

С улицы донесся голос молодого парня:

— А зачем мне заходить?

— Поговорим о житье-бытье, да и девушка твоя тут.

— А в чем дело? Мы хотели марок немного заработать, а тебе что, платить нечем? Хочешь бесплатно её повалить?

Вот ведь! Вдруг это и правда проститутка? Тогда надо будет их всех тихо убить, вот только очень уж они осторожные.

— Брось Вань, это ведь наш! — вступила в разговор девушка и сказала, обращаясь ко мне с вызовом в голосе, — Да, мы хотели убить немца, ты всё правильно понял, и что дальше?

— Дальше можно договориться о взаимодействии, — надо было непременно воспользоваться столь удачно представившимся случаем для формирования агентурной сети.

— А ты кто такой, чтобы нам с тобой взаимодействовать? — спросил Ваня, так и оставаясь за стеной, вне предела моей видимости.

— Я командир боевой группы партизанского отряда, младший лейтенант Красной армии.

— И документ у тебя есть? — задал вопрос парень.

— Мы на задание документы не берем.

— Почему же мы должны тебе верить на слово?

— А потому, мои юные друзья, что вы явно хотите бороться против немцев, но ничего стоящего сделать не в состоянии, а вместе у нас результаты будут намного лучше.

— Нет, мы тебя не знаем. Отпусти Олю, — (хм, значит её зовут Оля), — и мы уйдем.

— Ну, насильно мил не будешь! — я показал девушке движением ствола на дверь, — Уходи и забудь, что меня видела!

— Нет! — Оля упрямо мотнула головой, отчего её коса перекинулась на грудь, — Товарищ младший лейтенант, заберите меня в отряд! Пожалуйста!

Ишь чего удумала! А на хрена ты там сдалась?

— Оля, это может быть провокатор, уходи! — с улицы донесся возглас Ивана. Я слышал по шагам, что группа поддержки псевдопроститутки состоит минимум из двух человек, но говорил только один.

Подойдя к двери, девушка выглянула на улицу и с вызовом спросила:

— И что, дожидаться тут, когда за мной придут?

— Может не узнает никто!

— Федорова тоже так думала, и те кто на площади висят, тоже, наверное думали, что «может не узнает никто»! — и, снова обратившись ко мне, девушка с жаром попросила:

— Заберите меня пожалуйста, мой отец майор Красной Армии, а немцы ищут членов семей командиров и куда-то увозят. Мне страшно!

Н-да, дела... И отказать неправильно будет. И... вообще-то я хотел здесь агентуру завербовать, а от этой девчонки в лагере толку никакого не будет. И пацаны ещё на контакт идти не хотят. Сплошной облом.

— Ну если не врешь, а мы ведь проверим, то придется тебя взять. Иди домой собери вещи, переоденься в пригодную для лесного перехода одежду и возвращайся. Только аккуратно, смотри хвост не приведи.

— А у меня ничего нет. Даже платье чужое, его отдать надо.

С улицы раздался голос второго парня:

— Да забирай платье, отбрехаюсь я от сеструхи!

— И как же ты так?.. — начал спрашивать я, но она ответила, не дослушав вопрос:

— Состав, в котором мы пытались эвакуироваться, разбомбили, — от воспоминаний у девушки на глазах выступили слезы и она, тяжело вздохнув, отвернулась от меня и вытерла глаза платком.

Тем временем я услышал шаги удаляющихся парней — они явно не хотели со мной общаться. И вот ещё проблема — Олино платье явно не для лесного перехода, да и туфельки на ногах подходят только для городских улиц. Так что придется раскошелиться. У меня оставалось ещё достаточно много трофейных денег, поэтому, вытащив из кармана стопку купюр, я отсчитал пятьдесят марок и триста рублей, которые протянул девушке со словами:

— Материальная помощь от убитых мной немцев на благое дело, — а то уж очень подозрительным стал у неё взгляд, когда она увидела деньги, — купишь себе походную одежду и поешь чего-нибудь. Только с марками будь осторожна — могут возникнуть вопросы. Я пойду сзади, подстрахую.

Девушка засунула деньги в лифчик и вышла из сарая. Через минуту, внимательно осмотревшись, я тоже вышел на улицу и отправился вслед за ней, раздумывая о том, в каких условиях придется работать. За последние полчаса мною были нарушены все меры безопасности и конспирации, необходимые для успешной работы разведчика. И вот ещё будет прикол, если она действительно проститутка, которая только что развела одного шибко самоуверенного лоха на неплохую сумму. В таком случае респект ей и аплодисменты подлинному таланту.

Однако, несмотря на мои сомнения, девушка, походив полчаса по рядам, сделала несколько покупок, сложила вещи в приобретенную здесь же холщовую сумку и, не оглядываясь на меня, направилась обратно в развалины. За всё это время, не смотря на свою профессиональную наблюдательность, я не смог определить, кто же из парней, толкающихся на рынке, является её друзьями. Или их здесь нет, или у них хорошие способности в скрытом наблюдении. Всё же надо будет их завербовать через Олю. Догнав замедлившую шаг девушку, я спросил:

— Хватило денег?

— Да, спасибо, ещё осталось, — она достала из-за пазухи сложенные купюры и отдала их мне.

— Слушай, ты не знаешь, как днем выйти из города в лес и не попасться патрулям? — спросил я, убирая деньги.

— Можно прямо там выйти, — девушка махнула рукой вперед, — немцы патрули на окраинах только ночью выставляют, а днём пройти можно свободно, крайние дома прямо к лесу выходят.

— Тогда показывай дорогу, в лесу переоденешься, — я не видел смысла отсиживаться в городе до темноты, так как подходящих объектов для атаки не обнаружил. А для получения более полной информации надо подробно поговорить с девушкой, но делать это лучше в лесу, в безопасной обстановке, когда она окончательно убедится, что я действительно партизан.

Девушка вывела меня из развалин на безлюдную сельскую улицу, идя по которой мы вскоре достигли городской окраины, где я снова вляпался в неприятности. Когда до леса оставалось пройти менее тридцати метров, из ворот последнего двора на этой улице появился солдат с карабином, направленным мою сторону, и скомандовал:

— Стоять, руки вверх!

В это же время за его спиной появился второй патрульный с наведенным на нас автоматом. Оценив обстановку, я поднял руки, испуганная девушка по моему примеру сделала то же самое. Солдат приблизился, грамотно сдвинувшись в сторону, чтобы освободить возможную линию огня своему напарнику, и потребовал:

— Документы!

Я протянул ему солдатскую книжку со словами:

— А в чём дело, камрад?

Но патрульный не горел желанием что-то объяснять, а вместо этого, изучающе глядя мне в лицо, спросил:

— С какой целью идешь в лес?

— Шлюху хотел там повалить, мы на склад за припасами приехали... — я начал рассказывать выдуманную историю, но солдат строго прервал меня на полуслове и скомандовал:

— Шагай в дом и не дергайся, а то стрелнуть могу.

— Да, да, конечно, зачем мне дергаться, я ни в чем не виноват, — максимально дружелюбно ответил я и вместе с побледневшей Олей направился в указанном направлении.

Зайдя в дом, я увидел живописную картину: за столом, развалившись на стуле в расстегнутом до пупа кителе сидел начинающий полнеть тридцатилетний унтер-офицер, перед которым на столе стояла полупустая бутылка с мутным самогоном. Вообще этот стол требует отдельного упоминания, так как кроме бутылки здесь было ещё много чего интересного: нарезанная кусками полукопченая колбаса, круглая буханка белого хлеба, десяток свежих огурцов, пяток яблок, сало и две открытые банки тушенки. Праздник чревоугодия в самом разгаре. Кроме унтера в комнате находились еще четыре солдата, причем располагались они на некотором расстоянии друг от друга, так что напасть с ножом на них было практически невозможно — пока буду резать одного, другие успеют схватиться за оружие и выстрелить, хотя бы один точно успеет. Печально.

— Господин унтер-офицер, нарядом задержан рядовой Бауэр, — патрульный передал своему командиру мой документ, — который хотел выйти из города в лес вместе с русской женщиной!

Унтер, тяжело вздохнув, полистал мою солдатскую книжку, бросил её перед собой на стол и небрежным жестом отпустил патрульного.

— И зачем же немецкий солдат Бауэр хотел уйти в лес?

— Дело вот в чем, господин унтер-офицер, — подобострастным тоном я начал свой выдуманный на ходу рассказ, — сегодня я с фельдфебелем Фишером...

— Фишером? — прервал меня унтер, — это с Гансом что ли?

— Нет, его Курт зовут, но я всегда обращаюсь только «господин фельдфебель», он вообще строгий приверженец соблюдения устава. Тут два дня назад Пауль Беккер удумал позвать его «Эй, фельдфебель!» Вы представляете, это он нашему любителю устава: «Эй фельдфебель!» Ха!..

— Ну и что ваш Фишер? — заинтересовался пьяный унтер моей выдуманной историей.

— Как положено, заставил Пауля четыре часа кряду заниматься строевой подготовкой!

— Ха-ха-ха! — звучно рассмеялся унтер-офицер, — Слышали мерзавцы, как надо? Я вас научу старших по званию уважать! Только попробуйте мне ещё! — на этих словах он остановился и вернулся к главному вопросу, — Ну а в лес-то ты чего поперся, от фельдфебеля хотел сбежать?

— Я же Вам говорю с самого начала: приехали мы с господином фельдфебелем на склад за припасами, а там у интенданта учет идет, вот господин фельдфебель и отправил меня на рынок, чтобы купить всякой всячины, которую мне камрады заказали, у нас ведь там места глухие, даже лезвие для бритвы не купить, да и вообще там кроме гусей ничего нет. Ну вот, пошел я на базар, но не успел дойти, как эта шлюха, я кивнул в сторону Оли, — подошла ко мне и говорит: «За пять марок я сделаю всё, что Вы хотите господин солдат!» Кто же тут устоит? Нет, Вы наверное устоите, да, точно устоите, ведь у Вас тут полно этих шлюх. А вот там у нас место глухое, женщин мало, а те что есть, даже за пятнадцать марок нагибаться не хотят. Я там одной тридцать предлагал...

— Тридцать? — опять прервал меня унтер, — Да ты я смотри богатый!

— Нет, нет, это я только обещал!

— Ха-ха-ха, — вновь громогласно рассмеялся немец, — ой, рассмешил, он только обещал! А этой ты тоже только обещал?

— Этой бы заплатил, если бы хорошо дала, видите, какая хорошенькая...

— И правда, хорошенькая! — как будто только сейчас увидев девушку, унтер уперся в неё масляным взглядом, — Так говоришь, пять марок?

— Да, — подтвердил я, — говорит, сделаю всё что захотите за пять марок! Да Вы у неё сами спросите, она немецкий язык знает!

Унтер встал из-за стола и, подойдя к девушке, взял её за подбородок и повернул голову из стороны в сторону, потом с видом дотошного покупателя пощупал грудь, от чего Оля картинно вздохнула и сексуально облизала губы. Немцу это поведение девушки явно понравилось и он, спросил её:

— Сколько ты стоишь?

— Пять марок, за один раз, господин офицер! — ответила Оля с лучезарной улыбкой.

Удовлетворённо хрюкнув, он по-хозяйски взял её за талию и повел в направлении спальни, но на полпути остановился и приказал:

— Краузе! Неси сюда шнапс, колбасу и огурцы! Будешь вторым, если марки есть!

— Есть, господин унтер-офицер! — бодро отозвался один из солдат и, взяв со стола бутылку с закуской, вальяжной походкой направился вслед за своим командиром, уже вошедшим в спальню вместе с девушкой.

Посмотрев, как за Краузе закрывается дверь, я понял, что это лучший момент для атаки и начал действовать.

Беру со стола кухонный нож и скупым движением бросаю его в грудь самого дальнего от меня солдата, потом бью ногой в голову немца, сидящего вблизи и доставая финку прыгаю на третьего врага, схватившегося за автомат, одним движением вскрываю ему живот, откидываю ногой в сторону от ещё живого фрица автомат и в два прыжка

оказываюсь около двери в спальню, которую прямо передо мной открывает изумленный и безоружный бедняга Краузе. Вколачиваю ему финку в грудь и слышу звон разбитого стекла, после чего стоявший передо мной с пистолетом в руке унтер бесчувственно оседает на пол. Фу-ух! Если бы Оля вовремя не треснула его бутылкой по голове, мог успеть выстрелить. Я благодарно глянул на девушку, на которой сейчас из одежды были только трусы и лифчик, потом выдернул из груди мертвого Краузе нож и подошел к унтеру, чтобы добить.

— А можно я? — полуобнаженная девушка по-щенячьи просительно заглянула мне в глаза.

— Что, ты? — суть вопроса я понял сразу, но не мог до конца поверить, что эта юная красавица просит о таком.

— Можно я его убью? — теперь она более четко сформулировала вопрос, так что не осталось никаких сомнений в её намерениях.

— Только быстро! — я протянул ей окровавленную финку и девушка, взявшись за рукоять обеими руками, опустилась на колени и с размаха вонзила острое лезвие в грудь лежащего без сознания унтера, от чего тот несколько раз дернулся в агонии, опорожнив кишечник, и затих. С брезгливым выражением лица девушка выдернула клинок из трупа и протянула мне.

— Там ещё двоих нужно добить, — я мотнул головой в сторону гостиной. Оля сосредоточенно кивнула и с ножом в руке направилась к подранкам, а я выглянул в окно. Двое патрульных во дворе все также стояли у приоткрытых ворот и следили за улицей. Или они не слышали звона разбитой бутылки из-за звука колки дров, доносящегося со стороны соседних домов, или не придали значения. Однако, даже несмотря на то, что они стоят спиной к дому, расстояние отделяющее их от крыльца слишком велико, чтобы быть уверенным, что получится их зарезать без шума, да и дверь там скрипучая — сразу повернутся... Повернутся... А ведь и правда — наверняка повернутся!

Я подошел к другому окну, выходящему на тыльную сторону дома и попробовал открыть — получилось! Теперь надо объяснить девушке её задачу. С этой мыслью я снял с унтера часы и прошел в гостиную, где застал Олю жующей хлеб с салом, сидя за обеденным столом. Причем продукты, очевидно, она резала тем кухонным ножом, который вытащила из груди трупа. Впечатляет. Реально впечатляет. Хорошо, хоть кровь обтерла. Подранки, кстати, были уже добиты.

— Проголодалась, с утра ничего не ела, — извиняющимся тоном ответила девушка на мой изучающий взгляд.

— Отложи пока еду, надо дело закончить, — я указал взглядом на окно, за которым во дворе стояли патрульные.

Она кивнула, с готовностью отложила в сторону хлеб и с невинным выражением взялась за финку, всем своим видом показывая, что готова резать немцев и дальше.

— Нет, нож пока не нужен, — я протянул ей часы, — Через три минуты выйдешь голая на крыльцо и позовешь патрульных, потому что все в доме уже устали а тебе ещё хочется.

— Полностью голой? — по-деловому переспросила девушка.

— Да, полностью, надо их надежно отвлечь от улицы, я вылезу через окно и подойду к ним со стороны ворот, а когда они повернутся к тебе, убью их.

— Я всё сделаю, — уверенно кивнула девушка, а я со словами:

— Время пошло! — направился в спальню, где было нужно мне окно.

Выбравшись на улицу, я обошел дом и приблизился к нужным мне воротам. Патрульные стояли так, что приоткрытая створка позволяла им просматривать улицу со стороны города, но перекрывала им обзор в сторону леса. Так как время для выхода на сцену я определил девушке с некоторым запасом, то пришлось немного подождать до того момента, когда скрипнет дверь и раздастся развратный голос опытной шлюхи:

— Эй, парни, идите ко мне сделать хорошее дело. Ваши друзья очень устали!

Ну да, с артистизмом у неё все прекрасно, а вот немецкий язык слабоват. Но это не имело большого значения — мне нужно было только две секунды, чтобы проскользнуть за створку и убить немцев без лишнего шума. Выдернув ножи из трупов я с облегчением выдохнул и посмотрел на девушку, всё также стоящую на крыльце гольшом и махнул ей рукой, чтобы уходила. Потом по одному перетащил трупы в прихожую и, обернувшись от шороха, увидел Олю стоящую на пороге гостиной. Обнаженная девушка подошла ко мне и с чувственным вздохом обняла за шею. Не было нужно никаких слов, время неудержимо рванулось вперед и спрессовалось в один миг, полный невероятного наслаждения, по окончании которого я обнаружил себя лежащим в голом виде на полу гостиной около девушки, глаза которой были закрыты, а на губах играла счастливая улыбка. Н-да, как-то не вовремя. Вернувшись в реальность, я встал и первым делом посмотрел в окно — всё тихо. Уже хорошо! По-солдатски быстро одевшись, я погладил девушку по голове и сказал:

— Вставай, ещё много дел, а времени в обрез!

Оля, открыв глаза, мутным расфокусированным взглядом глянула мне в лицо и, подняв руку, нежно провела пальцами по моей щеке, чувственно простонав:

— Ах, милый... — после этих слов её рука безжизненно упала на пол, а глаза закрылись. Вот же её коротнуло!

Оставив девушку в покое, я принялся за дело — нужно было собрать всё, что могло пригодиться партизанскому отряду, а пригодиться могло всё. Найдя в прихожей пустые мешки из-под картошки, я в первый запихнул солдатские ранцы, не проверяя содержимого, потом снял с немцев форму, попутно механически очищая от дерьма и сложил её во второй. При этом я один комплект отложил для Оленьки — самый щуплый фриц меня порадовал тем, что умер, не обделавшись. А военная форма гораздо лучше подходит для передвижения по лесу, чем та женская одежда, которую девушка купила на рынке. К тому моменту, когда я сложил второй мешок, девушка уже пришла в себя и сидела на полу, глядя на меня влюбленным взглядом.

— На, одень это, — я протянул ей комплект формы и занялся комплектацией третьего мешка, в который пошли элементы амуниции и боеприпасы, которых, к слову сказать, было не так, чтобы очень много — по четыре обоймы на карабин и по три магазина на автомат.

Девушка не стала артачиться и быстро натянула на себя обмундирование, которое висело на ней как на вешалке, но двигаться было вполне удобно. Собрав мешки, я попробовал их поднять и понял, что переоценил себя. Даже если учесть, что небольшую часть поклажи можно навьючить на девушку, всё-равно эту тяжесть не унести — поднять и пройти с этим грузом десятков метров я, пожалуй, смогу, но трофеи надо будет тащить на себе около двух километров до места встречи с группой, там-то я бойцов навьючу, но до них надо ещё донести. Поэтому я сказал Оленьке, чтобы она стаскивала трупы и бросала их в погреб, а следы крови замыла. Сам же я взялся за сортировку трофеев. Сердце обливалось слезами, но многое пришлось оставить — большую часть амуниции, фляжки, котелки, два наиболее испорченных комплекта формы и три карабина, насчет которых жаба душила меня наиболее остро. Но надо брать ношу по силам. Когда мы с основными делами закончили, я протянул Оленьке ремень с кобурой и пистолет:

— На, это твой честный трофей с унтера. Польский, но вполне приличный. Смотри — вот предохранитель, вот так взводится. Остальное позже покажу.

— Спасибо! — девушка быстро подпоясалась и убрала пистолет в кобуру, — Меня отец учил стрелять из нагана и из ТТ.

— Ну значит разберешься! Вот у него ещё нож был в сапоге, старше тебя, в семнадцатом году выкован, но ещё послужит, ну и часы теперь тоже твои.

Закончив с подарками, мы выбросили полные мешки из ближайшего к лесу окна, потом вышли из дома на крыльцо, где я запер дверь на висячий замок, обнаруженный в прихожей и, пройдя через ворота, мы обошли дом, нагрузились поклажей и углубились в лес. Пройдя пару сотен метров, я заметил удобное место для минирования и поставил три растяжки.

Лимонок у меня не было, а немецкие колотушки, к слову сказать, для минирования практически непригодны, так как их необходимо закреплять на высоте не менее трех метров, чтобы после разрыва удерживающей нити, при падении гранаты, мог воспламениться терочный запал, но при этом надо учитывать, что падение колотушки будет сразу видно, замедлитель горит долго (как его переделать я не знал, а разбираться времени не было), поэтому все потенциальные жертвы успеют разбежаться и залечь. Но мне в первую очередь был необходим сигнальный эффект, чтобы знать, что враг уже идет по следу. После установки растяжек я посыпал наши следы нюхательным табаком, найденным у одного из солдат и мы продолжили путь, но уже через полкилометра я решил сделать привал — уж очень тяжела поклажа.

Усевшись под елью и прислонившись к стволу, мы некоторое время устало молчали, но вскоре, отдышавшись, я спросил девушку:

— Расскажи, что с тобой произошло?

Ольга вопросительно посмотрела на меня:

— Ты о чём?

— Не может обычная девушка, вчерашняя школьница так спокойно резать людей. И ведь тебя несколько не мутило, как будто ты уже убивала раньше.

— Это не люди... — она сделала паузу, собираясь с духом, и через минуту продолжила, — Когда началась война, батальон отца подняли по тревоге и больше я его не видела. А мама раньше работала медсестрой в детской поликлинике, но в конце июня её попросили перейти в госпиталь. Братика мы со знакомыми отправили к бабушке в Брянск, а я бежать отказалась, хоть мама и просила. Хотелось хоть что-то сделать для помощи нашей армии, да и я была уверена, что фашисты до Осиповичей не дойдут. Поэтому осталась здесь и работала в том же госпитале, что и мама, санитаркой без оформления и бесплатно. Раненых с каждым днем поступало всё больше, поэтому трудиться приходилось практически круглосуточно. Поэтому я и не боюсь вида крови и мертвых — насмотрелась там... Потом немцы взяли Минск и стало ясно, что наши город не удержат... — она сделала короткую паузу, вытерла выступившие слёзы и продолжила, — Мы уезжали с последним санитарным эшелонам, когда бои шли уже на подступах к городу, поезд шел ночью, чтобы не попасть под бомбежку, но это не помогло... Мама сказала,

чтобы я помогла бойцу, раненному в ногу, и мы с ним успели отойти от вагона... — Ольга стала говорить короткими фразами, бессвязно и делая паузы, — он закрыл меня своим телом... ревела всю ночь... утром хотела найти маму... надо было запоминать все родинки, это бы помогло... нашла руку тети Светы, там колечко было такое... хоть бы пальчик найти... кусков много разных, но как узнать?... Там ведь много кто в белых халатах... день там провела... появились немцы... пешком вернулась в город, в нашу квартиру... два дня лежала и плакала... пришел Ваня... ещё в школе за мной бегал... Сказал... немцы ищут коммунистов, командиров... родственников тоже... Забрал к себе... было одиноко и страшно... он хотел... я думала будет легче... но когда поняла что не люблю, не могла оттолкнуть... он столько сделал... любит... наверное... идти некуда... а в груди всё-равно как огнем жжет... поняла, надо убить немца... думала, станет легче... уговорила Ваню... — глубоко вздохнув, девушка закончила свою нечленораздельную, но в целом понятную исповедь.

И-да, а я-то, поначалу, думал что это Ваня инициатор охоты и позднее его получится завербовать. Но при таком раскладе это маловероятно. Жаль. Ну да ладно, придумаем что-нибудь. Отбросив в сторону размышления о военных планах, я спросил у Оленьки:

— Ну как, стало легче?

— Да, — девушка уверенно кивнула, — я была как в сером тумане с постоянной жгучей болью в душе, а сейчас всё прошло и я снова вижу, что небо голубое, листья зеленые и жить хочется, но это не потому, что немцев убила.

Оленька развернулась и сев верхом на мои вытянутые ноги, нежно заглянула мне в глаза и чувственно прошептала: «Это ты мне вернул жизнь!» — прильнула к моим губам. Я сперва ответил ей, но разум победил и после продолжительного поцелуя я смог оторвать девушку от себя:

— Надо идти милая, мы всё-таки на войне.

Она, разочарованно вздохнув, кивнула, и, поднявшись, закинула свой мешок на плечо.

Шли мы молча — сложно общаться двигаясь один за другим на расстоянии нескольких метров, тем более, что нужно было прислушиваться к окружающему лесу. Но зато размышлять о парадоксальности бытия мне ничего не мешало. Странно ведь получается: вроде в каждый момент времени всё делаю правильно, но в результате выходит не пойми что. И вот как мне сейчас быть с этими бабами? У одной ангел в мужьях, у другой неожиданный, но долгожданный ребенок, у третьей краски жизни вернулись и гормоны плещутся в глазах. У всех всё хорошо, да в принципе и у меня тоже пока неплохо, хотя... блин, о войне надо думать! Тут погибнуть можно в любой момент, а я на бабах заикнулся! Задание не выполнено, от вылазки прибытка почти никакого...

Примерно через десять минут неспешного движения под аккомпанемент бьющихся в черепушке безрадостных мыслей я услышал вдалеке короткую очередь и остановился, сбросив мешки на землю. Оля повторила мои действия.

— Ты слышала выстрелы?

Девушка тревожно посмотрела на меня и отрицательно покачала головой:

— Нет.

— Вдалеке, едва слышно, вон там стреляли, — я махнул рукой на запад.

— Там лес, потом поля и несколько хуторов, — задумчиво сказала девушка, — Наши в тех местах оборону держали, когда мы уезжали, оттуда сильно громыхало.

Интересно. Одна короткая очередь из немецкого автомата и тишина. Что бы это могло быть?

— Отдохнем минут пять и пойдём — уже немного осталось, — сказав это, я сел на землю и принялся разминать плечи.

Девушка села рядом и задала актуальный вопрос, который, должно быть, мучил её всю дорогу:

— А тебя как зовут? Меня — Оля Коротаяева.

Оп-па-на! Нехорошо получается товарищ то ли младший, то ли старший лейтенант — девушку, значит, по деревянному полу валял да перекатывал, а познакомиться не удосужился.

— Андрей Ковалев, — представился я, стараясь не показать неловкость от осознания глубины своего грехопадения.

— А ты женат? — Оля без доли смущения продолжила задавать провокационные вопросы.

— Да, — чистосердечно признал я свою вину.

— Я так и думала, — задумчиво произнесла девушка, отведя погрустневший взгляд в сторону, — У тебя, наверное, очень красивая жена, которая тебя ждет и любит, красивые здоровые дети... И всех их ты очень сильно любишь.

Я не стал комментировать эти на удивление точные высказывания, а решительно поднялся и, закидывая мешки на спину, произнес:

— Пошли!

Девушка безропотно подчинилась и мы устало отправились дальше, вскоре достигнув места временной

дислокации моего маленького отряда. Встретивший меня Хомич сообщил, что у них всё без происшествий, но несколько раз доносились короткие автоматные очереди с западного направления.

— Где-то раз в полчаса стреляют, — сообщил он подробности на мой уточняющий вопрос.

Выслушав короткий доклад, я представил девушку:

— Вот знакомьтесь: Ольга Коротаева, пойдет с нами, она дочь майора Красной армии и сегодня вместе со мной приняла участие в бою, собственноручно убив одного фашиста, честно добыв себе оружие, — я показал на висящую у неё на боку кобуру.

Партизаны одобрительно покивали, многозначительно осмотрев девушку, но от каких-либо комментариев воздержались.

— Хомич, распредели груз по бойцам, и выдвигаемся в западном направлении — надо глянуть, что там за стрельба.

— Есть! — сержант козырнул и немедленно принялся за дело.

До опушки мы добрались менее чем за час, и я тут же забрался с биноклем на разлапистую сосну, чтобы осмотреть простирающееся передо мной поле. А картина открылась весьма интересная. Как и сказала Оля, ранее здесь, между железной дорогой и шоссе, проходила линия обороны Красной армии. А сейчас на этом бывшем пшеничном поле копошились советские военнопленные — я насчитал четырех саперов, которые занимались разминированием предполя и ещё десятков копались непосредственно на позициях, под присмотром четырех фрицев собирая оружие и боеприпасы, которые они сносили к двум грузовикам, где находились ещё два немецких солдата, фельдфебель и женщина в форме вермахта без знаков различия. После пяти минут наблюдения, спустившись на землю, я направил часть своих бойцов на разведку вдоль опушки, и опять влез на дерево. Нужно было узнать, кто и почему здесь стрелял, и вскоре я получил ответ на интересовавший меня вопрос — один из надсмотрщиков выпустил короткую очередь над головами пленных. Стрелял он, по всей видимости, для остротки, чтобы держать бывших красноармейцев в постоянном страхе, не давая им даже подумать о возможности использовать найденное на позициях оружие против своих поработителей.

Подробно изучив округу, я спустился с дерева и развернул карту. Итак, что мы имеем? Очевидно, фрицы с пленными здесь ночевать не будут, могут остаться на хуторе, примыкающем к полустанку, но это маловероятно — гарнизона там не видать, а тех немцев, что на поле, явно недостаточно для формирования полноценных караулов на ночь. Значит они уедут, причем скоро, так как время идет к вечеру. От полустанка к шоссе, расположенному в трёх километрах севернее, идет проселок, по которому они и двинутся по окончании своего трудового дня. И удобное место для засады по карте я вижу только одно, но лучше осмотреться на месте.

Собрав бойцов, я рассказал об увиденном и посвятил их в свои планы, после чего мы направились к проселку. Там я убедился, что выбранное место для засады подходит идеально — дорога здесь делает плавный поворот, кусты походят вплотную к колее, а от шоссе и полустанка эта местность на просматривается. Оставалось распределить роли и доработать детали, важнейшей из которых был способ остановки вражеских машин. Тут думай не думай, а выбор вариантов весьма скуден. Можно обстрелять движущиеся машины, убив водителей, но это приведет к излишнему шуму. Ведь шоссе расположено относительно недалеко, а по нему постоянно движутся вражеские воинские колонны. На несколько очередей из немецкого автомата, фрицы, передвигающиеся по шоссе, скорее всего не прореагируют, тем более, что тут это в порядке вещей, но вот если здесь разгорится бой, пусть и короткий, сюда вполне может быть направлен отряд для проверки. Если завалить дорогу бревном или пропороть шины, то это приведет к аналогичному результату — немцы сразу займут оборону и придется неслабо пошуметь. Я, конечно, за минуту перещелкаю их из снайперской винтовки, но за это время громкая пальба вполне может привлечь внимание, да и гранату могут бросить.

Поэтому снова обращаемся к уже испытанной медовой ловушке, тем более, что этот самый сладкий мед есть в наличии. Придя к этой мысли, я отозвал Олю в сторону и сказал:

— Тебе надо будет снова раздеться.

Девушка грустно улыбнулась краешком губ и кивнула:

— Сделаю, если надо.

Получив необходимое согласие, я сел под дерево и, закрыв глаза, приступил к мысленному моделированию событий. Нужно было тщательно продумать все детали и алгоритмы действий отряда. Прокрутив таким образом в уме несколько десятков вариантов операции, я поднялся и приступил к подготовке. Первым делом я проинструктировал бойцов и мы несколько раз на местности отработали свои действия при проведении операции. Затем, открутив ручку у немецкой гранаты, я за пятнадцать минут разобрался в устройстве запального механизма и внес необходимые коррективы, чтобы при выдергивании шарика взрыва не происходило. Потом занялся внешним видом девушки — по моему указанию она сняла обмундирование и лифчик, оставшись в одних трусах и надела, не застёгивая, немецкий китель на четыре размера больше, который висел на ней как на вешалке. Но при этом она выглядела очень сексуально, притягивая взгляд. В самый раз. Нет, ещё косу распустить, волосы слегка

вздохматить... Вот теперь самое то, ух! Сам хочу прямо здесь и сейчас, и не один раз, но нельзя. Закончив приготовления, мы разошлись по своим исходным позициям. А ещё через полчаса, когда солнце своим нижним краем дотронулось до горизонта, со стороны немецкого конвоя донесся одиночный пистолетный выстрел и вскоре я услышал звук приближающихся моторов. Махнув рукой, чтобы бойцы приготовились, я полил самогоном из бутылки девушку и себя, прополоскал рот, сбросил свой китель на землю и, обняв вызывающе сексуальную Оленьку за талию, с бутылкой в руке и испорченной гранатой за спиной, пошел навстречу приближающимся автомобилям, распевая во все горло «Тигрицу». Надеюсь, у фельдфебеля правильно сработают рефлексы и он остановит машину, чтобы покарать охреневшего пьяного солдата и забрать доступную женщину. Здесь было тонкое место моего плана — если главный немец не купится на этот спектакль — придется фрицев упустить.

Однако, понимание азов человеческой психологии меня не подвело — не доезжая двадцати метров до нашей веселой парочки, машины остановились, немецкие солдаты, как и положено в случае непредвиденной остановки, выпрыгнули из кузова, и, заняв круговую оборону, взяли под прицел обочины дороги, а фельдфебель с начальственным видом спустился из кабины и, состроив морду кирпичом, встал, дожидаясь, когда я подойду ближе. Я же, сделав вид, что только сейчас его разглядел, радостно воскликнул:

— Эй фельдфебель! Выпей со мной! У меня сын родился!

Тот всё также стоял около кабины, видимо представляя, какие кары обрушит на мою голову за пьянство и панибратство. Но, судя по тому, каким взглядом фельдфебель облизывал девушку, более вероятно, что он мечтал о том, как затащит Олю в постель, ну или прямо тут завалит в кустах, чтобы далеко не ходить. Солдаты, находившиеся с моей стороны машины, увидев причину остановки, поднялись с земли и с нескрываемой похотью пялились на девушку. Тем временем я, приблизившись к врагам, пьяно споткнулся, выронил бутылку и, восстанавливая равновесие, завел руку за спину, выхватил из-за пояса гранату, демонстративно выдернул шарик и бросил под ноги немцам с криком — «Граната!». Фрицы находившиеся с моей стороны машины, следуя крепко наработанным рефлексам, среагировали правильно — бросились на землю, причем фельдфебель прыгнул точно в мою сторону и на лету получил от меня сапогом в голову. Вырубив его, я немедленно выхватил из кармана ножи и, метнул их в двух солдат, затаившихся в ожидании взрыва, после чего сразу услышал стоны, подтвердившие точность бросков. Ещё два врага находились с другой стороны машины, откуда раздались три автоматные очереди, стоны, крики, короткая возня и порадовавший меня доклад Хомича:

— Тут чисто! — Значит солдат из кузова и водителей ликвидировали.

— Здесь тоже! — сообщил я ему и приказал выходящим из кустов бойцам, — Этих добить! Бабу и фельдфебеля связать, кляпы в рот. Проверить кузова! Хомич! Все целы?

— Нет! Егоров убит!

Вот же твою мать! Только одну очередь успел вражина выпустить, и вот на тебе!

Но времени на сантименты у меня не было:

— Все трупы в кузов, следы замести!

Бойцы принялись за дело, а я протер сиденье первой машины от крови, сел за руль и завел двигатель. На пассажирское сиденье забралась успевшая одеться Ольга и, получив доклады о готовности, я проехал немного вперед, потом развернул машину и двинулся в обратном направлении. Там в паре сотен метров был удобный съезд с дороги, чтобы отстояться в рощице до скорого наступления темноты. Вторая машина под управлением одного из моих бойцов — бывшего танкиста Михаила Чернова, двинулась следом.

Это Галина Федоровна Котова, — происнесла Оля, когда машина остановилась в среди осин.

— Ты про кого? — я не сразу сообразил, о чем она говорит.

— Эта женщина, которая с немцами — моя школьная учительница немецкого, — пояснила девушка.

Ну теперь кое-что становится понятным. Выбравшись из кабины, я прошел к кузову и приказал Хомичу, уже спрыгнувшему на землю:

— Выставь наблюдение!

Сержант стал отдавать приказы, а я заглянул в кузов. Там со связанными за спиной руками сидели полтора десятка бывших пленнх, многие из которых плакали едва ли не навзрыд. Фу, неприятное зрелище. На полу кузова лежали обмотанные веревками фельдфебель и Котова. Дав указание пока не развязывать пленнх красноармейцев, я подошел ко второму грузовику. Там в кузове стояли ящики с вооружением, собранным на поле битвы. С этим разберемся в лагере, допрос немца и Котовой тоже не является срочным, а вот с освобожденными пленными надо решать. Тут ведь не ясно, какой у них статус — может это добровольные помощники «хиви», а плачут они от того, что боятся наказания за предательство. Отойдя в сторону, я дал указание доставить ко мне самого спокойного.

— Фамилия, Имя, Отчество?

— Семенов Петр Федорович.

— Год рождения!

— Одна тысяча девятьсот девятнадцатый.

— Звание и место службы?

— Красноармеец саперной роты четыреста тридцать шестого полка.

— Как в плен попал?

— Дык, это... — ответ на это вопрос вызвал у него явные затруднения.

— Отвечать! Быстро! — рявкнул я на бывшего красноармейца и тот, вытянувшись, затараторил:

— Отступали мы, шли ночью по лесу, да и заплутали — я и еще трое, плутали, плутали вышли к селу, а тама немцы были, вот нас и заарестовали.

— А оружие? Почему не стреляли?

— Дык, это, патронов-то не было, вот мы и побросали.

— Где вас содержат?

— Ента, значит, в Осиповичах, тама склады какие-то были.

— Почему твои товарищи плачут?

— Так они натерпелись, это же пехота! Нас-то сапёров, энти фашисты берегли, нужны мы им, а пехоту стреляли, тот офицер, что связанный там лежит (это он фельдфебеля в офицеры произвел), после каждого выезда хоть одного, да расстреляет, кто хуже работал. И сегодня Митьку убил. Вот и плачут, настрадались.

— Так, понятно!

Закончив допрашивать Семенова, я также коротко опросил ещё двух освобожденных и дал команду всех развязать (кроме фельдфебеля и Котовой, разумеется). Потом всё-таки осмотрел кузов с вооружением. Самое главное, что меня порадовало, здесь были мины — полсотни пехотных, и четырнадцать шпук противотанковых. Немного, но хоть что-то, есть с чем работать. А собственно оружия было мало — то ли подразделения Красной армии смогли отступить, забрав большую часть своего вооружения, то ли после взятия наших позиций, там уже успели поработать немецкие трофейные команды, собрав все сливки. Зато здесь было достаточно много различного снаряжения, снятого с трупов: ремни, подсумки, во многих из которых были патроны, котелки, фляги, противогазы, кружки, ложки. Также здесь было несколько десятков пар обуви — в основном ботинки. От всего этого богатства сильно несло запахом мертвечины.

Около семи вечера, когда уже окончательно стемнело, мы выехали из леса, по проселку добрались до шоссе, где удачно пристроились в хвост автомобильной колонне, проехав за час около тридцати километров, потом свернули на проселок и по полевым дорогам, объезжая посты, к полуночи добрались до левого берега Березины. Здесь мы заминировали подъездную дорогу и я оставил Хомича и трех бойцов охранять трофеи с приказом сматываться без боя в случае подхода немцев, главное, чтобы в партизанский лагерь сообщили, что явка провалена. Сам же я вместе с Олей и остальными бойцами, с освобожденными пленными, фельдфебелем и Котовой отправился в лагерь. Из-за большого количества народа пришлось делать несколько рейсов на челноках, но к утру все были доставлены в расположение партизанского отряда.

По прибытии я первым делом отправился на доклад к Кузнецову и Антипову, где пришлось долго объяснять, что отказ от попытки штурма — это не трусость, а военная необходимость, но выволочку всё-равно получил. Выйдя от начальства, я нашел под деревом мирно посапывающую Оленьку, лег рядом и проспал до полудня. Когда проснулся, Ольги рядом уже не было. На небе ярко светило августовское солнце, в кронах деревьев чирикали птички и настроение у меня было если не радужным, то достаточно приподнятым. Я дошел до ручья, где искупался, помылся и побрился, заметно взбодрившись. После чего направился к поварам, где получил кружку горячего травяного отвара, краюху хлеба и шоколадку, как вернувшийся из боевого выхода. Нормально. Пока завтракал, ко мне за стол подседа Оля и, отведя взгляд в сторону, совершенно неожиданно огорошила меня заявлением:

— Андрей, я долго думала и решила, что нам больше нельзя быть вместе, это неправильно. Давай останемся друзьями.

С одной стороны, оно, конечно, так, баба с возу — кобыле легче. Это в смысле, что у меня так будет гораздо меньше поводов для рефлексий из-за измены жене. Да и вообще женщины умеют доставлять лишние хлопоты. Но с другой стороны, я к утру уже как-то с этим свыкся — все-таки регулярное удовольствие от секса с красивой и страстной девушкой перевешивает некоторые неудобства от душевных терзаний. И вот на тебе — облом по яйцам. Неприятно и грустно, но переживу.

— А в моём отряде останешься? У нас с тобой хорошо получается бить немцев, — предложил я с дальним прицелом: повоюем вместе, глядишь и смягчится её твердая позиция.

— Нет, — она покачала головой, — Я так не смогу, я уже договорилась и буду работать здесь, в кухонном отделении.

После этих слов она встала из-за стола и ушла, оставив меня наедине с моими душевными страданиями. А ведь такое прекрасное было утро. Думал, позавтракаю и отведу Оленьку в лес, послушать как птички поют...

Закончив завтрак в грустных размышлениях, я нашел удобное сухое место и занялся чисткой оружия — это

более важное дело, чем всякие там шуры-муры, но гораздо менее радостное. За этим занятием меня застал вестовой командира отряда, сообщивший, что я должен явиться перед светлые очи капитана Кузнецова.

— Понял, скоро буду, — кивнул я и продолжил чистить СВТ, не бросать же начатое. Вестовой остался рядом и терпеливо стоял у меня над душой все десять минут, что я занимался с винтовкой. Закончив чистку, в сопровождении бойца, я направился в штабную землянку, где застал Кузнецова, Антипова и Павлова, мирно беседовавших с Котовой, у которой лицо было все мокрое от слез и соплей, да и вообще вид довольно печальный.

— А, вот и товарищ Ковалев! — поприветствовал меня капитан, пожимая руку, — Галина Федоровна, давайте ещё раз повторите свой рассказ, только без этого Вашего нытья!

— Да, да, товарищ капитан, — с готовностью кивнула головой женщина и приступила к повествованию, — В начале ведь все были уверены, что немцы до нас не дойдут, а шестого июля всем окончательно стало ясно, что Осиповичи не удержат, народ бросился на станцию, но уехать было не возможно. Отправляли поезда с оборудованием, с ранеными, со скотом... А жителей...

— Давайте без этих подробностей! — резко прервал её капитан.

— Да, да, — согласилась Котова и продолжила, — Многие пошли по дороге, но я бы не смогла пешком с двумя детьми и больной матерью. Поэтому пришлось остаться, а восьмого числа, в городе ещё были наши, ко мне пришел старший лейтенант госбезопасности Иванов Василий Петрович, он провел со мной беседу, всё объяснил, и я согласилась стать агентом НКВД, подписала нужные бумаги, после чего он дал указание, чтобы я устроилась работать к немцам, когда они займут город. Сказал, что со мной свяжутся и оставил пароль. Вот я и устроилась к ним переводчиком, а тут вы... — женщина всё-же не выдержала и заплакала, — А у меня дома мама и дети, немцы теперь их арестуют...

— Связой приходил? — спросил я, стараясь не обращать внимания на слёзы.

— Нет, — ответила Котова сквозь слёзы.

— И никаких доказательств вашей работы на НКВД нет?

— Нет, — согласилась женщина и расплакалась ещё сильнее.

Всё ясно. Выслушав этот короткий рассказ, я вопросительно посмотрел на начальников: мол, а от меня-то вы чего хотите?

Кузнецов позвал вестового, чтобы Котову увели и, после того как она покинула землянку, спросил:

— Ну что думаешь?

— Самый простой вариант шлепнуть её и забыть, тем более что проверить слова про мифического Иванова мы никак не можем.

— Нет, это неправильно, — сразу влез в разговор Антипов, — Мы должны соблюдать социалистическую законность!

Капитан бросил на него красноречивый взгляд, но Антипов этого не заметил и продолжил:

— А если она и правду агент, то что мы скажем нашим, когда придут?

— Я сказал самый простой и надёжный вариант, но решение принимать вам, — ответил я ему, снимая с себя всякую ответственность, а то, получается, Ковалев и немцев бей и задачку тут решай, что с этой сомнительной дамочкой делать, вот пусть комиссар думает — как никак, это у него две шпалы, а не у меня.

— Ладно, отложим пока её в сторону, — взял слово Кузнецов, — Что дальше думаешь делать, Андрей?

Они что, сговорились? Кто тут командир? Кузнецов или я? Хотя, если спрашивают, почему бы и нет?

— Надо подробно допросить фельдфебеля и Котову, потом обдумать вопрос о диверсии на станции Осиповичи — это важнейший стратегический объект в ближайших окрестностях. Если получится, это серьёзно поможет нашим. Немецким я владею, фашиста допросить смогу.

— Полностью согласен! — поддержал меня Антипов, — Надо переходить к серьёзным делам, — конечно, не ему же под пули лезть, а вот орденки в случае удачи...

— Ну, значит, с дальнейшими планами пока определились, — произнес Кузнецов, — Андрей, видел, что ещё три землянки вырыли? Бери ту, которая посередине, под допросную. Там пока не все сделано, но тебе будет достаточно.

* * *

Следующие четыре дня я подробно допрашивал фельдфебеля. Тот по первости попробовал было заператься, даже предложил замолвить за меня словечко, если я помогу ему с побегом и очень убедительно обосновал безнадёжность нашей борьбы. Но хватило нескольких зуботычин, чтобы с него слетела вся спесь и он запел как соловей, даже специальные методы применять не потребовалось. Так много времени понадобилось, так как я вникал во все детали, зафиксировал информацию про всех известных ему офицеров, унтеров и солдат с подробным

описанием внешности и характера. Кроме того, он мне рассказал о своей гражданской жизни в Берлине, включая описание родственников, соседей и известных личностей района — вдруг пригодится. Потом я ещё пару дней работал с Котовой, допрашивая и сопоставляя её данные о немецких частях в Осиповичах со сведениями, полученными от фельдфебеля.

Собрав всю необходимую информацию, я доложил, что арестованные мне больше не нужны и Антипов устроил показательный трибунал. Собрали свободных от несения службы партизан, пленного немца привязали к дереву, после чего кратко опросили недавно освобожденных бойцов, которые рассказали, как фельдфебель ежедневно расстреливал советских военнопленных. Я, кстати, исполнял обязанности переводчика и подробно пересказывал немцу все выступления. Когда ему дали слово, фельдфебель заявил, что выполнял приказ, и что он является военнопленным. Однако трибунал в лице Антипова, Кузнецова и Павлова к его доводам остался глух и приговорил немца к смертной казни через расстрел. Немец, услышав вердикт, стал вырываться с криками, что мы, дескать, не имеем права, что нас всех за это уничтожат и в том же духе.

Далее, совершенно неожиданно для меня Антипов объявил, что приговор в исполнение приведет Котова Галина Федоровна. Павлов, взяв женщину под руку, подвел к фельдфебелю, достал из кобуры свой наган, взвёл курок и вложил револьвер бледной как полотно женщине в ладонь, после чего жестко приказал:

— Стреляй!

Женщина, как под гипнозом, подняла трясущуюся руку и выстрелила в лоб изрыгающего проклятья немца, после чего, выронив наган, тут же упала в обморок. Слабоваты нервишки у палача, да.

По окончании суда и приведения приговора в исполнение, я зашел в штаб, где, как и ожидал, застал Кузнецова с Антиповым.

— Ну, что ты об этом думаешь? — даже не дав мне сесть, спросил Кузнецов.

— Соломоново решение, изящно, — выразил я своё восхищение, организацией трибунала, усаживаясь в кресло, плетеное из ивовых прутьев, — И откуда у вас такое богатство?

— Это среди спасенных тобой пленных умелец попался, точнее их там даже двое, но второй как помощник работает. За день одно кресло делают. Всё равно более ни на что не годны, абсолютно деморализованы. От любого окрика трясутся и под себя ходят.

— Только эти двое трясутся? — задал я уточняющий вопрос.

— Нет, все освобожденные так, кроме саперов. У тех нервы покрепче. Поставил этих засранцев на хозработы, землянки копают, мебель кое-какую делают, — он похлопал по подлокотнику своего кресла, — Один сапожником оказался, а то у нас с обувью проблемы, другой парикмахер, так что все заняты, — пояснил Кузнецов.

— Так вот, о Котовой, — вернулся я к первоначальной теме разговора, — Это всё конечно красиво, но если она предатель, то своими куриными мозгами может решить, что если нас выдаст, то ей всё простят, тем более, что у неё в Осиповичах дети.

— Не сможет она отсюда уйти — вокруг отряда лес, наши посты, в хуторах и деревнях свои люди, — уверенно ответил командир и перешел к главному вопросу, — Что думаешь про станцию?

— Полагаю, вопрос решаемый. Но гарантировать ничего не буду, надо ещё на месте своими глазами смотреть. В город пойду один, группой там делать нечего. Кстати, взрыватели на часовых механизмах сделали?

— Да, саперы покумекали, собрали три штуки, вроде работают. И резиновые трубки по твоему заказу раздобыли, интересно будет посмотреть, что у тебя получится.

Да, я действительно дней пять назад попросил капитана, чтобы он отправил кого-нибудь к шоссе, поискать в разбитых машинах и принести мне резиновые трубки различных сечений, проволоку, куски жести и кое-какой инструмент. Хочу попробовать сделать глушитель.

— А где они?

— Вот! — Капитан показал на лежащий в углу землянки мешок.

Я поднял его и высыпал все содержимое на стол. Хм, вроде всё что надо в наличии, сегодня же займусь. Закинув трубки обратно в мешок, я взял его и отправился в столово-кухонный сектор лагеря — там находились столы, за которыми можно было удобно работать, и принялся за дело, обрезая трубки по нужной длине и сгибая жечь. Пока я всем этим занимался, то несколько раз замечал, как Ольга смотрит на меня, проходя мимо, однако стоило мне поднять на неё глаза, как девушка отводила взгляд и удалялась. Детский сад какой-то. Но, несмотря ни на какие отвлекающие факторы, к вечеру я смог создать пилотный образец глушителя оригинальной модели на основе резиновых трубок и после ужина с чувством глубокого удовлетворения отправился спать в землянку, сделанную для меня и Павлова. Кровати здесь как таковой не было — просто земляной выступ соответствующей формы, поверх которого постелен лапник, а сверху ватный матрас (их только для командиров притащили из деревни). Вместо одеяла — шинель. В общем, жить можно.

На следующее утро после завтрака я сообщил отрядному начальству, что глушитель готов и можно его испытывать. Все четверо руководителей отряда живо заинтересовались моим изобретением и решили

поприсутствовать на полигонных испытаниях новейшего образца вооружения. Взяв с собой Крылова из отделения Хомича мы отошли в лес на пару сотен метров, там я вручил красноармейцу вальтер с закрепленным на стволе глушителем, проинструктировал, затем поставил бойца к дереву так, чтобы ствол прикрывал его от пистолета и, отойдя назад на пятнадцать метров командовал: «Огонь!». Крылов, в соответствии с ранее полученными указаниями, произвел восемь выстрелов, сопровождавшихся звуками на уровне хорошего шлепка ладонью по столешнице — очень неплохой результат для поделки, сделанной, что называется, на коленке. Подозвав бойца, я осмотрел изделие — повреждений не видно, а то ведь были опасения, что может разорваться при выстреле, потому и использовал Крылова, а не сам стрелял.

— Ну вот, товарищи командиры, результат вы сами только что видели и слышали, — обратился я к присутствующим, — громкость звука значительно снижена, в лесу дальше ста метров никто ничего не услышит. А если поблизости есть другие источники шума, то это расстояние может сильно сократиться. Но надо отметить, что существует опасность разрыва резиновых деталей, поэтому вот этот глушитель больше использовать нельзя, а новый можно сделать за пару часов.

Кузнецов, задумчиво прищурившись, смотрел куда-то вверх, видимо, прикидывая возможности использования нового устройства в различных боевых ситуациях, а Антипов, со словами:

— Дай-ка глянуть! — взял у меня из рук пистолет с глушителем, повертел его в руках и произнес, — А выглядит просто как резиновая трубка!

— Главное внутри, — пояснил я, — две камеры разделенные мембраной.

— Нужная вещь, — наконец подал голос Кузнецов, — направлю группы, чтобы этих трубок собрали как можно больше, — поделился он своими мыслями и спросил меня, — А ты чем будешь заниматься?

— Сейчас сделаю новый глушитель, потом надо посмотреть, что там сапёры сварганили и если всё в порядке, то сегодня в ночь выйду.

— Давай сейчас вместе к взрывникам зайдем, а потом глушителем займешься, — предложил командир отряда небольшое изменение в очередности моих планов.

Я согласился и мы направились к саперам, располагавшимся за пределами основной части партизанского лагеря, по причине наличия у них довольно большого количества взрывоопасных предметов.

— Егоров! Показывай, что у вас получилось? — потребовал Кузнецов, завидя командира саперного отделения, который сидел за столом под навесом из еловых веток и что-то увлеченно мастерил.

Тот поздоровался с нами и проводил к неглубокой яме, в которой были складированы предназначенные для меня мины.

— Вот, товарищ Ковалев, значит, смотри, — он с гордостью поднял жестяной короб и протянул его мне, — килограмм тротила, должно хватить — и цистерну пробьёт, и вагон раскурочит. Вот сюда прикрепляете взрыватель с часовым механизмом, взводи и уходи побыстрее и подальше, потому как оно так долбанет, что яйца всмятку!

— Да, нам действительно надо, чтобы всмятку, — кивнул я, рассматривая продукт минно-взрывного ремесла, — Сколько сделали?

— Три штуки, как заказывал!

— Здорово! Еще надо бутылку с бензином добавить для зажигательного эффекта, но это я уже сам доработаю. Пусть пока всё здесь лежит, вечером заберу.

Кузнецов еще поговорил с Егоровым об организационных вопросах и мы вернулись в основной лагерь, где я за полтора часа изготовил новый глушитель, закончив работу до обеда. Далее плотно поев, я тщательно проверил всё оружие и снаряжение, которое понадобится на боевом выходе, поле чего улегся спать в землянке. Так оно намного лучше, чем под открытым небом, особенно если приходится отдыхать днем.

* * *

Следующей ночью я, прячась в тенях и пробираясь по огородам, вошел в Осиповичи, оборудовал в развалинах тайник, где спрятал мины и большую часть снаряжения, переобулся в сшитые по моему заказу мягкие войлочные ботинки для беззвучного передвижения, после чего отправился к станции. Сначала надо было хорошо осмотреться, а уж потом планировать диверсию. Со слов фельдфебеля и Котовой мне было известно, что сильно вытянутая вдоль железнодорожной магистрали станция во многих местах не имеет ограждения и охраняется многочисленными патрулями, что и подтвердилось при моём наблюдении. Если бы фрицы были настолько педантичны и дисциплинированы, как их зачастую описывают, то у меня не было бы никаких шансов — система охраны была тщательно продумана. Но рядовые солдаты временами нарушали дисциплину, отходя от предписанных правил — останавливались покурить и перекинуться словом с соседними патрулями, справляли

нужду, отходя с маршрута. Не то, чтобы это происходило массово, но окошечко возможностей изредка приоткрывалось. Думаю, мне этого будет достаточно.

Внимательно изучив станцию со всех сторон, к рассвету я вернулся в развалины, где расположился на отдых в одном из уцелевших подвалов. А в полночь я, полностью экипировавшись, направился к выбранному участку станции, там мне пришлось терпеливо лежать в кустах, дожидаясь, когда патрульные внешнего периметра расслабятся и останутся покурить, предоставив мне возможность преодолеть рывком открытое пространство и скрыться под крайним составом. Дальше было уже проще — на внутренних маршрутах патрулей было гораздо меньше и уже через пятнадцать минут я, забравшись под цистерну с бензином, закрепил взрывное устройство, установив двадцатиминутное замедление, после чего двинулся дальше, изучая надписи на вагонах, чтобы найти боеприпасы. И уже через десять минут я закрепил вторую мину, а потом и третью.

После выполнения важнейшей части задания настало время позаботиться о собственной безопасности. Я короткими перебежками, скрываясь под вагонами от встречных патрулей, достиг крайнего состава и затаился под ним, обратно сменив мягкие ботинки на форменные немецкие сапоги и приведя моё трофейное обмундирование в относительный порядок. А когда по прошествии нескольких минут в сотне метров от меня взорвалась мина под цистерной, я выскочил из под вагона и истошно закричал:

— Спасайтесь, сейчас все взорвется, там бензин и снаряды!!!

Ошеломленные патрульные не стали задаваться вопросами, откуда я взялся, а прореагировали как и подобает здравомыслящему человеку в такой ситуации — немедленно рванули со своих постов в сторону городских одноэтажных улочек. Ну и я, разумеется, побежал вместе с ними. Вскоре мои угрозы подтвердились, и за спиной, один за другим, вспушли огромные султаны взрывов, отчего я бросился на землю, укрываясь от осколков. Но продолжать лежать на одном месте мне было никак нельзя, потому пришлось, ловя моменты, передвигаться короткими перебежками, постепенно удаляясь от станции. Вокруг все гроыхало. На железнодорожных путях одна за другой рвались цистерны, детонировали вагоны с боеприпасами, от которых во все стороны разлетались снаряды взрывающиеся в городской застройке. Похоже, часть города прилегающая к станции, перестала существовать. Жаль, конечно местных жителей, но на фронте сейчас гибнут сотни тысяч советских солдат и командиров, защищая Родину, а эта диверсия должна им хорошо помочь. Когда я ползал под вагонами, то насчитал восемь составов с топливом, боеприпасами и продовольствием, но станция вытянута и за пределами моего обзора должны быть ещё составы, которые тоже могли попасть под раздачу. И что ещё более важно, движение через станцию будет остановлено как минимум на неделю.

Выбежав из проулка на улицу, ведущую к окраинам города, я пробежал всего пятьдесят метров, как услышал моторы приближающихся мотоциклов. Курва! Быстро они среагировали! Уходить во дворы — не вариант, потому что во многих домах здесь, недалеко от станции были расквартированы немцы, которых грохот взрывов поднял с постели. Поэтому, единственное, что я мог сделать, это максимально ускориться. Но это не помогло. Из-за поворота навстречу мне выехало два мотоцикла с ярко горящими фарами, с которых тут же соскочило шестеро немцев и навели на меня оружие.

— Стоять! — резко скомандовал молодой лейтенант вермахта, подкрепив приказ наведенным на меня пистолетом.

— Бежать надо!!! Сейчас все взорвется!!! Фельдфебеля убило!!! — с истерическими нотками в голосе стал я причитать, остановившись перед офицером.

— Молчать! Документы, — хладнокровно потребовал немец, протянув руку.

Я, послушно заткнувшись, состроил страдальческо-дебильное выражение лица и стал суетливо рыться у себя по карманам в поисках солдатской книжки, потом всё-таки её «неожиданно нашёл», но не удержал в трясущихся руках и «совершенно случайно» уронил на землю. Взгляд офицера рефлексивно опустился вниз, чем я и воспользовался: с помощью простого приёма завладел пистолетом, тюкнул его рукояткой по лбу, чтобы «поплыл», но остался стоять на ногах. Далее, используя лейтенанта как прикрытие, произвел пять прицельных выстрелов. У немецких солдат на уровне рефлексов вбита неспособность причинить какой-либо вред своему офицеру, но последний оставшийся на ногах фриц, увидев, как быстро умирают его камрады, все-таки смог преодолеть это табу, выпустив очередь из автомата в моём направлении. Попал. В офицера. А я успел сложиться и выстрелить в падении.

Покончив с немцами, я закинул труп офицера в коляску и завел мотоцикл. Прокрутив в голове карту города и резервные задачи, которые я ставил перед собой на этот выход, решил, что теперь, когда у меня есть мотоцикл, я успею ещё кое-что, так как, даже если в близлежащих домах были немцы и они видели, что произошло, то несколько минут у меня есть наверняка. По этим соображениям я не поехал к окраине города, а свернул на перпендикулярную улицу и через минуту движения подъехал к нужному дому. Забежав во двор, я обнаружил, что дверь избы распахнута настежь и, пройдя внутрь убедился, что внутри пусто. Печально, однако, для успокоения совести я, не выходя на улицу, перемахнул через забор к соседям и пару раз стукнул ногой по двери с криком:

— Открывать!

Через полминуты дверь распахнулась, открыв моему взгляду сорокалетнюю испуганную женщину.

— Отвечать! Быстро! — с немецким акцентом гавкнул я ей в лицо, — Где есть Котовы?

— Так господин офицер, — испуганно затараторила она, — Галя же у вас работала, а потом Марию забрали, она уж два дня как на площади висит, вы же сами знаете!.. — после этих слов женщина запнулась, изучающе глянула на меня, потом посмотрела в сторону станции, где всё также продолжались взрывы и произнесла уже нормальным тоном, — а нормально, по-русски спросить можете?

— Могу, — согласился я, изменив произношение, — Что с детьми Галины?

— Вы их должны забрать, — твердо сказала женщина и, бесцеремонно схватив меня за руку, потащила на улицу, — их ищут, а Света очень боится, может выдать или выгнать.

Мы бегом пробежали два дома и она подошла к калитке:

— Здесь...

— Быстро выводите их, никаких сборов и прощаний, времени нет совсем, я подгоню мотоцикл. Бегом!

Женщина, ойкнув, забежала во двор и стала стучать в дверь, а я вернулся к мотоциклу, подъехал к калитке и переложил труп офицера из коляски поперек седла. Погорячился я с ним, вообще не надо было брать. Хотел создать красивую, вызывающую доверие картинку — мол солдат везет офицера на мотоцикле. И здесь бросить нельзя, потому как тогда всем жильцам этой улицы трындец будет.

Тем временем две женщины, вывели детей на улицу и, увидев лежащий у меня на мотоцикле труп, окончательно успокоились, поверив, что я партизан. Закинув без разговоров девочку лет двенадцати и мальчика лет восьми в коляску, я дал по газам и уже через несколько минут беспрепятственно выехал из города. Повезло.

Доехав до опушки леса, я остановился и выбросил труп в кусты, предварительно опустошив его карманы. Пока я этим занимался, девочка меня спросила:

— Дяденька, а Вы правда партизан?

— Да, правда, и скоро отвезу вас к маме, но не сразу.

Из города я выехал с южной стороны, в то время как наш отряд располагался к северо-востоку от Осиповичей, и, чтобы доехать туда, нужно было пересечь железнодорожную магистраль и шоссе, со всеми постами и патрулями, что сейчас было крайне опасно. Поэтому я принял решение уйти на юг, там затаиться в лесах на какое-то время, пока идут активные поисковые мероприятия, а уж потом, когда немцы немного успокоятся, можно будет вернуться в отряд. Двигаясь по проселочным дорогам, я через полчаса достиг Старого Варшавского шоссе, которое смог пересечь без приключений, и продолжил свой путь на юг.

Преодолев по лесным колеям ещё около десяти километров, я уже начал подумывать о том, что стоило бы подыскать подходящее место для стоянки, и тут моё чувство опасности буквально взревело сиреной. Я крутанул руль вправо, съехал с дороги в кусты, одним движением с криком: «Ложись» вышвырнул детей из коляски и хотел уже сам броситься на землю, но... не успел. Сзади раздалась хлесткая автоматная очередь и мой разум поглотила мгла.

Придя в себя, я почувствовал, что лежу на животе, нестерпимо болит спина, а подо мной, скорее всего ватный матрас. Припомнив произошедшие со мной события, я слегка приоткрыл один глаз и осмотрелся. То, что я смог рассмотреть из этого положения не поворачивая головы, настраивало на оптимистический лад — похоже, я лежал в землянке, а это с высокой долей вероятности могло означать, что я в партизанском отряде. Так как меня мучила невыносимая жажда а в помещении больше никого не было, то я постарался позвать хоть кого-то и крикнул: «Эй», но вместо крика из груди вырвался хрип, в спине отдалось резкой болью, и я снова потерял сознание.

Когда я снова вернулся в сознание, то поле зрения увидел ноги, одетые в советские форменные шаровары. На этот раз я смог вымолвить: «Пить!» и не отключиться. Практически моментально мою голову чуть приподняли, а к моему рту поднесли кружку, из которой торчала соломинка. Сделав несколько глотков, я вновь вырубился. С этого момента я стал приходить в себя чаще и время моего пребывания в сознании неуклонно увеличивалось. Примерно где-то через неделю я уже не вырубался чуть что, а бодрствовал по часу и более. Практически всё время со мной находилась сиделка — женщина средних лет, которая давала мне пить, есть и помогала отправлять естественные потребности. Лежа на животе это очень сложно. Иногда ко мне заходила молодая девушка — это именно она была в военной форме во время моего второго пробуждения. В одно из таких посещений она, сев рядом, сказала:

— То что ты выжил, это невероятно, с такими ранениями и потерей крови не живут. А если учесть, что я делала такую сложную операцию в первый раз, без нужных инструментов и лекарств, в антисанитарных условиях, то это просто чудо.

— Это у Вас волшебные руки, — сделал я комплимент целительнице.

В ответ она вздохнула, погладила меня по голове и с показной строгостью сказала:

— Молчите пациент, — Вам пока нельзя говорить, множественное проникающее ранение легкого, это совсем не шутка, несмотря на Вашу поразительную регенерацию.

Ещё через неделю, осмотрев раны, она, осмотрев раны разрешила мне перевернуться на спину. И сама же и помогла это сделать. Наконец-то! Перевернувшись, я, наконец, смог разглядеть свою спасительницу, которая оказалась девушкой в возрасте около двадцати лет среднего телосложения с ничем не примечательным лицом. Обычная такая девушка с соседней улицы. Одета она была в советскую военную форму без знаков различия. Что позволяло сделать определенные выводы — скорее всего, это советский диверсант, заброшенный в тыл врага.

Ещё через день в землянку заявился мужчина лет двадцати пяти, одетый в такую же форму без знаков различия. Он сел на чурбак, стоящий рядом с моим ложем, положил на колени сумку-планшетку, пристроил на неё лист бумаги, взял в руки карандаш и, не представившись, принялся задавать вопросы:

— Фамилия, имя, отчество?

— На любые вопросы я буду отвечать только в присутствии моего командира или комиссара, — вполне логично отреагировал я на такой беспардонный интерес, проявленный незнакомым мне человеком.

— А как нам их найти? — никак не унимался собеседник.

— Я же сказал, что на любые вопросы я буду отвечать только в присутствии моего командира или комиссара.

— Но... — хотел он что-то возразить, однако махнул рукой и перешел на другую тему, — Тогда я Вам кое-что расскажу. Вы находитесь в партизанском отряде, а ранил Вас наш постовой. Слишком опрометчиво с Вашей стороны было кататься ночью по местным лесам ночью на мотоцикле в немецкой форме.

Это он тонко подметил, да и слово какое подобрал — «опрометчиво». Небось выпускник гуманитарного ВУЗа. Я уже давно, раздумывая о произошедшем догадался, что, скорее всего, меня подстрелили свои же. Хорошо хоть там же не добились. Тем временем, как будто прочитав мои мысли, партизан продолжил:

— А не добились тебя благодаря детям, которых ты вез, бойцы услышали крик девочки: «Ой мамочки!», рев её брата, подошли, успокоили их и расспросили. Те ничего вразумительного, кроме того, что ты партизан, сказать не смогли, но парни решили, что надо попытаться спасти, и, сделав перевязку, доставили в лагерь... Вот такая история. Да и как Вас зовут, мне известно: Ковалев Андрей Иванович, — произнес он, испытующе глядя мне в лицо.

А мне стоило больших усилий сохранить невозмутимый вид. Всё страньше и страньше.

— У Вас прекрасная выдержка, товарищ младший лейтенант, — меж тем продолжил мой неназванный собеседник, — Ни один мускул не дрогнул, именно так Вас и описывали товарищи Кузнецов и Антипов. Но думаю, что Вы всё-равно удивлены, поэтому не буду мучить неведением — неделю назад ваш отряд смог выйти на связь с нашим подпольем в Бобруйске и ваш командир подробно доложил о боевых действиях отряда и Ваших в том числе. Я по долгу службы ознакомился с этим докладом и скажу Вам — впечатляет!

Меня тоже впечатлил вываленный на меня ворох новостей, но всё-равно оставалась некоторая вероятность того, что вокруг меня цирк, устроенный абвером, поэтому я спокойно ответил незнакомцу:

— Всё это очень интересно, но я понятия не имею, кто эти ваши Ковалев, Кузнецов и Антипов.

— Ну нет, так нет, — покладисто согласился так и не назвавший себя незнакомец и, пожав плечами, удалился из землянки.

И что ему было надо, если это наш? Ведь и так всё знает.

После этого странного посещения моё лечение продолжилось в прежнем режиме и вскоре я уже мог вставать, чтобы самостоятельно сходить в сортир. То что я увидел, впервые покинув землянку с помощью моей заботливой сиделки, полностью подтверждало то, что я нахожусь в партизанском отряде. Да я и ранее был уверен в этом, а откровенничать с незнакомцем не стал в основном из принципа.

Ещё через неделю я уже почти полностью был здоров и мне выдали такую же форму без знаков различия, как у большинства находившихся здесь партизан. А то ранее из одежды у меня была только шинель, которая одновременно служила мне одеялом. Вечером того же дня, когда я сидел около землянки на бревне, погрузившись в мысли о былом и грядущем, ко мне подошел комиссар Антипов. Увидел я его издали и заранее поднялся с бревна, чтобы соблюсти вежливость и устав. Тот, подойдя, слегка приобнял меня и, заглянув в лицо, спросил:

— Ну как ты?

— Нормально, товарищ комиссар.

— Десять верст пройдешь по лесу?

— Ага, — уверенно кивнул я, — А куда?

— В отряд, мы к зиме перебазирувались. На старой базе пока ещё тоже кое-кто остался, но большая часть уже тут, неподалеку. Да ты садись! — разрешил он мне и, дождавшись, когда я опущусь на бревно, тоже сел рядом, — Говорят быстро выздоравливаешь?

— Да, слава Богу, заживает как на собаке, через пару недель буду снова лучше прежнего.

— Ну и хорошо! А то работы неувпроворот, центр требует активизировать работу. Хотя на наш отряд сильно не наседают, благодаря тебе, но ситуация на фронте тяжелая, так что всё-равно надо действовать.

— А подробнее, что там на фронте? — после ранения я практически общался только с сиделкой и врачом и эту тему мы не затрагивали.

— Отступаем. Могилев, Смоленск, Рогачев, Жлобин сдали. Бои идут на линии Ярцево, Чаусы, Гомель.

Да, печально... Но если учесть, что сегодня двенадцатое сентября, то далеко не все плохо, по крайней мере лучше, чем было ТАМ.

— Да, кстати, тебе ещё надо рапорт по Осиповичам написать, — продолжил комиссар, — А то мы доложили, что это твоих рук дело, но центру нужны подробности. Тут насколько я знаю, товарищ Сергей хотел тебя по этому поводу опросить, так ты его куда-то далеко...

— И ничего не далеко, — поправил я его, — Просто вежливо отказался обсуждать секретные вопросы с незнакомым человеком.

— Правильно. Им ведь эти Осиповичи были главной целью обозначены, а ты у них, значит, сначала Котову буквально из-под носа увёл, да сам станцию и взорвал, — комиссар довольно усмехнулся, — Хорошо ты их на место поставил. А то они, как прибыли оттуда, так стали всех, до кого смогли дотянуться, себе в подчинение ставить, да ещё с обвинениями в плохой работе, трусости и прочее... В общем, показал ты им, что окруженцы тоже не лыком шиты и благодаря тебе наш отряд теперь напрямую республиканскому ЦК подчиняется, для нас даже отдельного радиста прислали. Но нужны результаты.

Да здесь, оказывается, тоже свои интриги, бурное перетягивание одеяла под разговоры о непримиримой борьбе с врагом. И рапорт ещё надо писать, в котором, разумеется, должна быть особо отмечена руководящая роль командира и комиссара отряда. Всё неизменно во все времена и в любых условиях.

— Будут результаты, — заверил я его, — дней через пять уже смогу на выход пойти.

— Ну вот и прекрасно! — одобрил он мои намерения и продолжил, — Ты только не подумай, что кроме тебя никто не работает, мы за это время несколько нападений на колонны сделали и два состава с рельс спустили.

— Да я и не сомневался, — заверил я его, хотя, признаться, мелькнула мыслишка...

— Ну тогда ладно, — он тихонько хлопнул меня по плечу, — Завтра с утра выходим, а пока пойду, есть тут ещё дела.

***

Новый лагерь нашего отряда был обустроен гораздо лучше — видно, что учли ранее совершенные ошибки и применили наработанный опыт. По прибытии в свой отряд я первым делом отправился отдыхать — всё-таки не до конца ещё восстановился. Мне отвели небольшую одноместную землянку, в которой уже была установлена печь-буржуйка, переделанная из бочки. Вот это я понимаю — шикарный интерьер! Полежав пару часов, я сходил на

обед и по настоятельной просьбе Антипова уселся за написание рапорта, где, следуя пространным, но очевидным намекам, особо отметил непосредственное участие в подготовке диверсии командира и комиссара. Ну не сам же я такой умный все продумал да спланировал.

Потом ходил немного по лагерю, посмотрел как всё устроено. Командира тут ещё не было — он пока оставался в первом лагере. Здесь же фактически командовал Антипов, а Коровин занимался хозяйственной частью и обустройством базы. После завершения осмотра с чувством глубокого удовлетворения вернулся в землянку и прилег отдохнуть. Потом ужин и снова спать.

Следующие два дня я провел в том же режиме — жрал и спал, а на третий решил проверить свои физические кондиции и пробежался пару километров. Устал, но в целом чувствовал себя нормально. На следующий день пробежал три километра после завтрака и два километра перед ужином. Поняв, что восстановление идет ускоренным темпом, вечером я зашел к Антипову.

— Добрый вечер, товарищ комиссар!

— А, Андрей, заходи! — он указал мне на плетеное кресло, в которое я и опустился, — Ну как здоровье?

— Нормально, через пару дней можно на выход, — ответил я и перешел к делу, — Как раз по этому поводу и зашел — у меня была снайперская винтовка — не в курсе, где она?

— Нет, — комиссар задумчиво покачал головой, — но поручу узнать, хотя возможно она в старом лагере осталась, а она тебе очень нужна?

— Да, я думал выйти к шоссе и пострелять в немцев, на что-то более серьезное я пока не способен, но снайпер я неплохой, так что результаты могут быть довольно приличными, особенно если хорошая цель подвернется. Но если нет, то можно и из обычной трёхлинейки или немецкого карабина поработать, только придется поближе подходить.

— Ну, тогда давай пока тогда с обычной винтовкой сходишь, а я при первой возможности про СВТ узнаю, — согласился Антипов и перешел к другой теме, — Тут, Андрей, ещё такой вопрос, — он поморщился, показывая как неприятно ему говорить об этом, — когда тебя ранили, то в кармане у тебя нашли много денег — и наши рубли, и немецкие марки.

— А в чем проблема? Деньги взяты с убитых мной немцев и мародерством это не является, так как предназначены они для обеспечения моей боевой и разведывательной деятельности — купить пожрать самому, моей группе или для отряда. Можно выдать деньги агенту при наличии такового. Централизованного снабжения ведь нет. Кстати, где они? — надеюсь, я доступно разъяснил комиссару свое видение проблемы, — Да, и хорошо что напомнили, там ещё трофейный мотоцикл был, мне бы он тоже пригодился.

— Все финансы мы внесли в кассу отряда и выдать их я тебе могу только под расписку и последующий отчет, — извиняющимся голосом произнес Антипов, — Мне ведь пришлось сказать, что деньги тебе дали для развития агентурной цепи, а то им, — тут он сделал паузу, чтобы я понял, кому это — ИМ, — им только дай зацепку, всю душу вытрясут... А мотоцикл забрали в распоряжение штаба партизанского движения.

Вот значит как. Сплошное кидалово. Обидно. Но за время проживания в СССР я уже смог немного привыкнуть к подобным неприятностям, поэтому психовать и погружаться в рефлексии не стал, а только уточнил:

— А как по деньгам надо будет отчитываться? Предоставлять товарный чек от рыночных торговцев?

— Хватит короткого рапорта, — лаконично ответил комиссар, давая понять, что тема закрыта.

Ну и хрен с ними. Ещё добуду, и деньги и мотоцикл. Попрощавшись, я вернулся в свою землянку и отошел ко сну.

А через два дня, как и обещал Антипову, я взял двух бойцов из отделения Хомича и отправился к Старому Варшавскому шоссе. Шел я налегке, только с двумя пистолетами на поясе. Всё остальное, что могло пригодиться нам на боевом выходе, в том числе и мой карабин, несли на себе красноармейцы-партизаны.

Вечером мы подошли к трассе и занялись делом: я выбрал подходящее место для огневой позиции, затем бойцы принялись рыть окопы, а я подполз поближе к шоссе, по которому ещё продолжалось активное движение немецких колонн, и поставил две растяжки в полусотне метров от дороги и ещё одну на подступах к моей огневой позиции. Затем мы углубились подальше в лес и встали на ночевку. Ночной караул несли бойцы, сменяя друг друга и я смог довольно неплохо выспаться, укрывшись двумя шинелями. Проснувшись на рассвете, я поёжился от промозглого холода — осень вступала в свои права и в скором времени подобные выходы станут совсем некомфортными. В подтверждение моих безрадостных мыслей стал накрапывать мелкий дождик и я придвинулся поближе к стволу осины, под которой спал. Ночевать лучше было бы в ельнике — там гораздо лучше можно укрыться от дождя, да и на лапнике спать помягче. Но мы работу у дороги закончили около полуночи, поэтому времени на поиски удобного места для ночлега не было. Но несмотря на продолжавший моросить дождь я приказал бойцам завтракать и выдвигаться на огневую позицию.

Вот уже несколько часов я мок под дождем в окопчике, наблюдая в бинокль за движением на шоссе, но так и не мог выбрать подходящую цель. Мимо меня двигались одна за другой тыловые гужевые колонны, стреляя по

которым можно было убить лишь какого-нибудь штабсбешлагмайстера да нескольких ездовых с лошадьми, ради которых не было смысла устраивать эту операцию. Однако на безрыбье и ездовой — солдат, поэтому я решил, что если ещё пару часов не будет подходящих целей, то бью кого попало и уходим. Тем временем из-за дождя движение колонн замедлилось — как и на всех советских шоссе в те годы здесь не было асфальта и лишь местами дорога была отсыпана гравием. Напротив меня как раз был грунтовый участок, который буквально на глазах раскисал, постепенно превращаясь в непроходимую грязь. Хм, да от этого, казалось бы, безобидного дождика пользы поболее, чем от меня будет!

Ещё через час наблюдений моё терпение было, наконец, вознаграждено и моим глазам открылась комичная картина: две лошади тащили за собой по дорожной грязи легковушку BMW. Шикарная машина, лейтенанты да капитаны на такой ездить не будут. А если ещё учесть, что машина движется без охраны, то можно сказать, что мне очень повезло, осталось только попасть. Я передал бинокль затаившемуся рядом бойцу, взял карабин и, дождавшись, когда машина поравняется со мной, выстрелил, целясь в пассажира на переднем сиденье. После первого выстрела из задних дверей выскочили два офицера, но убить я смог только того, который оказался с моей стороны. Второй умело залег за машиной так, что мне его не было видно, водитель тоже успел спрятаться. Но я сильно не расстраивался по этому поводу, а ещё пару раз выстрелил в неподвижного переднего пассажира, потом в бензобак, и стал методично расстреливать мечущихся лошадей и ездовых, которые попадая в лужи, открыли ответный огонь в мою сторону и. Мне такое их поведение было только на руку. Мою позицию они пока не обнаружили и лупили наугад в сторону леса, а у меня каждый выстрел был результативным. Обратив внимание на то, что автомобиль после моего выстрела по бензобаку нисколько внешне пострадал, я выстрелил ещё два раза, с удовлетворением увидев взметнувшиеся над машиной языки пламени.

Увидев, что после первого испуга немецкие тыловики сумели организовать и в сторону леса с флангов от моей позиции выдвинулись вражеские отряды, я дал команду на отход и вскоре мы бежали по заранее намеченному маршруту, отдаляясь от шоссе. Через некоторое время за спиной сработала растяжка, которая должна у немцев отбить желание меня преследовать. Однако, в любом случае, мы двигались не к своему лагерю, а значительно западнее, к вечеру преодолев не менее двадцати километров. И только утром, немного попетляв, мы отправились на партизанскую базу, к вечеру прибыв в расположение отряда.

Вернувшись в лагерь, первым делом я зашел в штаб и доложил Антипову о результатах выхода, после чего отправился в столовый сектор, где мне в котелок плюхнули половник перловой каши и в кружку налили чаю. Отойдя от повара, я увидел Павлова и подсел к нему за стол, при этом, весьма неожиданно для меня, был награжден недружелюбным взглядом. И чего это он так?

— Привет, как дела? — спросил я его, проявляя вежливость.

— Дерьмово! — злым тоном ответил начальник разведки, не поднимая головы.

— Отчего же?

— Да оттого, что какой-то вонючий козел рядом уселся! — процедил он сквозь зубы, и схватив котелок, удалился.

Ну вот ни хрена себе! И чего это он взъелся? Я растеряно огляделся по сторонам и встретился взглядом с Хомичем. Тот мне весело подмигнул, а я жестом пригласил его к себе. Сержант не стал заставлять себя долго ждать и вскоре приземлился напротив меня с кружкой чая в руке.

— Что, командир, удивил тебя наш разведчик?

— Ну да, неожиданно.

— Это он по Ольге сохнет, — объяснил Хомич мне столь неожиданное поведение старлея, — Вообще, скажу тебе по секрету, многие парни в отряде в неё влюблены. Женщин у нас мало, а она красивая, молодая и героическая, — дополнил он мечтательным тоном.

— И ты?

— И я, но издалека и без всякой надежды, понятно ведь, что тут мне не светит, искренне признался сержант и приступил к рассказу, — Там ведь как было? Когда ты ушел на задание, так Павлов практически сразу стал за ней увиваться, не то чтобы сильно, однако заметно. Но она не обращала на него внимания, да и вообще Оля на парней всегда без какого-либо интереса смотрела. Потом станция взорвалась и все были уверены, что это твоя работа, ждали, что ты скоро вернешься, а как неделя прошла, стали поговаривать, что ты, наверное, погиб. Оля несколько дней ходила вся в слезах, потом взяла себя в руки и вскоре исчезла...

— Как исчезла? — удивился я.

— А ты не в курсе?

— В каком курсе? Я думал, что она в старом лагере.

— Нет её там, но подробности мне неизвестны, наверное, на задание ушла. Была, работала на кухне, а потом раз... и нету. И никто ничего не знает.

В сердцах я ударил кулаком по столу, отчего кружка перевернулась и чай вылился. Ну вот что за собачья

жизнь — всё не слава Богу! Котелок тоже упал, но каша была довольной густой и не вытекла. Хотя это было совсем не важно — аппетит у меня пропал начисто. Бездумно посидев ещё пару минут, я собрал посуду, отнес её в свою землянку и пошел в штаб, но на походе к нему меня остановил боец и сообщил:

— Извините товарищ Ковалев, не велено никого пускать, там совещание у них, важное.

Прорываться, пользуясь должностным положением, я не стал и, развернувшись пошёл в свою землянку, думая о том, что надо всегда иметь неприкосновенный запас алкоголя, как раз вот для таких случаев. Однако, к моему несчастью, никакой выпивки у меня не было и я долго не мог уснуть, думая про Олю. Я ведь, признаться, успел себе нафантазировать, как она, соскучившись по мне, при скорой встрече бросится в мои объятия. И прижмётся ко мне крепко-крепко, и скажет что-то вроде: «Пока тебя не было, мне было так плохо... Возьми меня скорее!» А потом всё будет хорошо. А тут такой удар, прямо в сердце.

В моей памяти всплывали и многократно прокручивались лучшие моменты нашего короткого знакомства. Вот она подходит ко мне на рынке и пытается соблазнить, выдавая себя за проститутку. Вот она втыкает нож в беспамятного унтер-офицера. Вот она голая стоит на крыльце, отвлекая постовых. Вот мы сливаемся в неудержимом порыве страсти... Разумом я понимал, что это моё состояние ненормально, нужно отключиться от этих воспоминаний и хорошо выспаться, но эти картины, становящиеся всё более реалистичными и одновременно более нереальными, продолжали будоражить мой мозг. Дошло до того, что в какой-то момент я вдруг осознал, что стоит мне сильно захотеть и сделать шаг, то я моментально окажусь рядом с любимой. Я уже потянулся к ней своим сердцем, чувствуя, что вот-вот, ещё немного и... но в последний момент остановился. Стоп! Этак далеко можно зайти! Пусть я сейчас, находясь в состоянии измененного сознания, перенесусь к ней. А дальше что? Далеко не факт, что я смогу вернуться обратно. И как я буду это объяснять отцам-командирам? Хватит. Один раз уже «слетал» к Болеславе, еле выкрутился. Воспоминания о «прыжке» к жене несколько охладили мои разгоряченные эмоции и я смог вернуться в нормальное состояние. Однако спать совершенно не хотелось и я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Прогулявшись вокруг землянок, я через десять минут вернулся на своё ложе и крепко уснул.

Утром все эти мои ночные мысленные блуждания казались абсолютно нереальными, но мелькнувшее тогда осознание возможности управляемого перемещения заставляло задуматься. Возможно или нет? Пока не попробую не узнаю, но вокруг меня обстановка, совершенно не подходящая для подобных экспериментов. А если переместиться возможно, то только к Ольге? Наверное, и к Болеславе можно, я ведь её тоже люблю. Я прислушался к себе: да, Болеславу я люблю, и, наверное, смогу к ней переместиться, если очень сильно этого захочу. А ТУДА можно вернуться? Хотя, даже если есть такая возможность, то зачем?

После завтрака я всё-таки наведалься в штабную землянку, где застал Антипова, тупо пьялившегося в лежащую на столе топографическую карту. Подняв на меня глаза, он махнул рукой в сторону пустого кресла:

— Садись, Андрей! Рапорт по выходу написал?

— Нет пока. Я как раз спросить хотел: зачем мы эти бумажки пишем, хранить их опасно, ведь в случае чего уходить надо быстро, можно не успеть уничтожить.

— Да мы их и не храним, здесь только журнал боевых действий, а всё остальное мы отправляем на Большую землю. Скажу по секрету, сюда иногда прилетает самолет. Но, — он поднес палец к губам, — это большая тайна! А бумаги нужны, чтобы показать работу. Тут ведь как? Мало убить немца, надо ещё и грамотно отчитаться, чтобы там знали, что не зря сюда шлют боеприпасы и продовольствие, что мы не дармоеды и не трусы, прячущиеся по лесам. Вот для этого и нужны рапорты и отчеты. Понимаешь?

— Да, теперь понятно, — согласился я и озвучил более важный для меня вопрос, — А можно ещё узнать, где Ольга Коротаяева?

Антипов глянул на меня с прищуром и ответил вопросом на вопрос:

— И откуда у тебя этот интерес?

— Ну, так... я ведь её в отряд привел и чувствую себя ответственным...

— Если ты это спрашиваешь действительно из-за ответственности, то отвечу: у неё всё в порядке, а всё остальное — секретная информация. И попрошу с другими партизанами не обсуждать эту тему вообще ни с какой стороны. Забудь. А если ты спрашиваешь по каким-либо иным причинам, то как комиссар, я тебе должен напомнить, что ты женатый человек, комсомолец и должен быть образцом для подражания, а всякие шуры-муры в боевом подразделении неуместны. Так что тем более забудь! Я доступно объяснил?

— Всё по полочкам разложили, спасибо, — не стал я спорить и попросил, — А можно здесь рапорт написать?

— Конечно! — Антипов положил передо мной бумагу и письменные принадлежности, после чего вновь погрузился в изучение карты.

Я за полчаса накропал краткое описание своего позавчерашнего боя и протянул рапорт комиссару. Тот молча прочитал, кивнул и положил в папку, показывая своим видом, что мне пора удалиться. Но я не спешил уходить:

— Товарищ комиссар, а можно карту посмотреть? Там ведь ничего особо секретного нет?

— Ну глянь, — Антипов приглашающе махнул рукой.

Я обошел стол и склонился над расстеленной на столе километровкой. Здесь была изображена местность от Исаповичей на западе вплоть до Рогачева и Жлобина на востоке. Интересно. Рассматривая изображение, я прогонял в уме различные варианты диверсий и простоял так, наверное, минут пятнадцать, пока Антипов не спросил меня:

— Ну, и что надумал?

— Да вот, мысль пришла: если немцы недавно перешли в наступление, то вот в этой зоне у них до сих пор может твориться некоторая неразбериха — тылы передислоцируются, чтобы успеть за наступающими частями и отследить, кто где находится довольно сложно. Если кто-то пропадет, то искать его начнут далеко не сразу, могут подумать, что отстал или заблудился на наших бескрайних просторах.

— Но здесь совсем нет лет лесов, лишь редкие рощицы, да кое-где кустарник по берегам. Нигде не спрятаться, — возразил комиссар.

— Вот поэтому надо работать небольшой группой в немецкой форме, с хорошими документами, — ответил я ему.

— А ведь и правда, хорошая идея! — подумав, согласился Антипов, — А то нам пришлось требование усилить диверсионную и разведывательную работу в этом квадрате, вот я и ломаю голову... Сделаешь? — тут же взял он быка за рога.

— Да, — ответил я, — Но, как я уже говорил, нужно четыре-пять человек, умеющих разговаривать по-немецки, форма, документы, ну и оружие со снаряжением.

— Хм, насчёт знающих немецкий, это ты загнул, откуда их взять-то? — С ходу отмел часть моих запросов комиссар, — А вот форму и документы сделаем! Теперь у нас есть такие возможности. А что думаешь по поводу цели?

— Это уже по ходу дела решим, побродим там вдоль дорог, обязательно что-нибудь приглядим вкусное.

— Хм, вкусное, говоришь... Так-то оно так, но сам понимаешь...

— Да понимаю, товарищ комиссар, всё я понимаю. И немцев пощипаем и отчет красивый будет.

— Ну раз так, тогда давай иди отдыхай, а я подготовкой возьмусь.

— Ещё вопрос — письма можно написать?

— Письма? — переспросил комиссар и после короткой паузы произнес, — можно, но без подробностей о том, что может представлять секрет, надеюсь ты сам понимаешь, и я должен буду прочитать.

— Тогда я у Вас немного бумаги позаимствую, — я протянул руку и взял десяток листов из лежащей на столе стопки писчей бумаги.

Выйдя из землянки я осмотрелся. Вокруг меня был начинающий желтеть смешанный лес с замаскированными среди деревьев элементами партизанской инфраструктуры, тут и там расположились немногочисленные бойцы отряда, занимавшиеся своими делами — кто чистил оружие, кто чинил одежду, кто просто беседовал с товарищами на отвлеченные темы. Над моей головой висели осенние свинцовые тучи, но дождя пока не было, хотя начаться он мог в любой момент.

Антипов мне посоветовал отдыхать, но у меня были другие планы. Первым делом я подошел к Коровину и забронировал баню на вечер. Здоровье уже позволяет нормально попариться, а топить можно только когда стемнеет. Ну а потом приступил к физическим нагрузкам бегал, подтягивался, отжимался, карабкался на деревья и так до обеда. Хорошо нагрузился. Да, кстати, кто-то может спросить, да нет, обязательно спросит, с чего это я со своей инициативой полез? Поясню. Если сидеть ждать приказа, то можно оказаться в такой ситуации, что никакого поля для маневра не будет. Ну, например, отправят подрывать мост, который охраняется ротой солдат, с напутствием: умри, но сделай! Так что я уж лучше в свободный поиск, если есть такая возможность.

После обеда я устроился в кухонно-столовом секторе и приступил к составлению писем. Первым делом написал Болеславе — мол, жив, здоров, люблю, скучаю.

Следующее письмо было адресовано секретарю автозаводской партийной организации. Здесь я описал, как авторота добиралась на фронт, как я оказался в пехоте, как воевал и о том, что нахожусь в партизанском отряде, где бью врага не жалея сил. Потом написал о том, что снегоходы зря сняли с производства, похоже боевые действия будут продолжаться и в зимнее время, а эти машины позволят нашим войскам действовать более маневренно. Закончил лозунгами и приветом всему трудовому коллективу автозавода.

Третье письмо было адресовано в Генштаб. Здесь я подробно расписал причины, по которым необходимо срочно восстановить производство снегоходов, а также напомнил о своём письме по поводу самоходной артиллерийской установки, повторно приведя доводы в пользу запуска её в производство.

Закончив с эпистолярным жанром, я отнес бумаги Антипову.

— Вот это домой, — я положил перед комиссаром одинокий листок, заполненный строчками на две трети с одной стороны, — Это надо на Горьковский автозавод оправить секретной почтой, — положил я ещё четыре

листа, — А это в Генштаб, тоже, разумеется по секретке, — добавил я ещё парочку листов.

— Ну садись, — ответил слегка удивленный Антипов, — Посмотрим, что ты тут накарябал, — он взял в руки моё письмо Болеславе и внимательно его прочитал, — Вот это правильно! Семья, дети... А то что удумал, шуры-муры здесь в отряде разводить, — слегка пожурил он меня и взялся за следующие бумаги.

Внимательно изучив всё, что я написал, он откинулся на спинку кресла и произнес:

— Это ты хорошо придумал, что на автозавод написал, в партийную организацию. Фронт и тыл должны быть единым целым, мы должны все вместе... — тут он запнулся, видимо, задумавшись как лучше выстроить слова в лозунге, и, после небольшой паузы перешел на другую тему, — Я тоже направлю в Ваш партком письмо уже от себя, поблагодарю за воспитание такого героического бойца.

— Спасибо, товарищ батальонный комиссар, — искренне поблагодарил я.

— Да что там, мы ведь отправили представление на орден, но неизвестно, как там всё будет, а письмо оно в любом случае лишним не будет. Не беспокойся, — он накрыл рукой кипу бумаг, — Отправлю всё ближайшим самолётом, но и ты не подкачай.

— Всё будет сделано, — заверил я комиссара и на этом наш разговор закончился.

На следующее утро в лагере объявился фотограф, который дал мне форму немецкого унтера и сделал пару снимков. Потом Антипов познакомил меня с бойцами, которые были включены в мою группу. Двое из них Андрей Крылов и Василий Иванов были из отделения Хомича, а третий — Владимир Радчук — был местным комсомольским активистом, хорошо знающим местность. Все трое в школе изучали немецкий и вполне могут понять простые фразы, кроме того, Котова находясь в нашем отряде занималась с этими бойцами, добившись того, что теперь они могли произносить десяток простых общеупотребительных фраз почти без акцента.

Весь оставшийся день я занимался с выделенными мне бойцами боевой учебой, а на следующее утро, получив от Антипова немецкие форму и документы, наша группа отправилась на задание. До Березины мы шли в советской форме, так как в этих лесах встретить партизан намного более вероятно чем немцев, и лишь когда переправились на левый берег, переоделись в немецкое обмундирование. Здесь мы переночевали в прибрежном лесу, а утром выступили в направлении жлобинского шоссе. Вокруг нас раскинулись широкие поля, где-то были видны остатки траншей советских оборонительных позиций, от которых доносился трупный запах, где-то, не покладая рук, трудился сельский люд — осенняя страда была в полном разгаре. На обед мы остановились у старосты небольшой деревни, которого нашли по немецкому флагу, укрепленному на крыльце. Когда в дверях появилась испуганная сорокалетняя женщина, я демонстративно достал из кармана разговорник и с немецким акцентом произнес:

— Ты должен хорошо кормить немецких солдат, — и протянул ей две оккупационные марки.

Нас тут же проводили в дом, усадили за стол и вскоре до отвала накормили вареной картошкой с молоком и хлебом. Наевшись, я немного покуражился, показав на работающую во дворе двадцатилетнюю дочку и делая вид, что выбираю слова в разговорнике:

— Как её звать?

— Оксана, это дочка наша.

— Сколько стоит Ак-сана?

— Куда стоит? — опешила хозяйка, — она же человек, она не продаётся!

— Даю пять марка, Ак-сана... — я нахмурившись листаю разговорник, — Шайсе, Ак-сана лежать на кровать, я любить Ак-сана. Пять марка!

— Да что же Вы говорите, господин офицер! — испуганно затараторила женщина.

— Шесть марка! — я грозно насупился, показывая всем своим видом, что отказа не потерплю.

— Нет, она не такая, помилуйте господин офицер! — женщина со слезами на глазах рухнула на колени, — А давайте я! — она одним движением сняла через голову платье, оставшись в трусах и лифчике, — Я все сделаю бесплатно!

— Пошел вон, швайне! — я злобно замахнулся на неё рукой, отчего та испуганно отползла в угол и замерла там, испуганно подвывая.

Удовлетворившись результатом представления, я собрал свои вещи, махнул рукой бойцам, и вышел из дома.

— Зачем Вы так? — спросил Радчук, когда мы отошли от деревни.

— Во-первых, добрый немецкий солдат выглядит подозрительно, Вова, а нам это совсем ни к чему, во-вторых, теперь они будут более настороженно относиться к фашистам, а в-третьих, будут прятать свою Оксану при появлении немцев. Достаточно тебе объяснений?

— Угу, — понуро кивнул боец, а я продолжил наставления:

— И ещё раз повторяю для всех! Пока мы в немецкой форме, смотреть на местных высокомерно и презрительно, они пыль под нашими ногами. Слишком доброе отношение может дорого нам стоить. Все запомнили?

— Да, — в разной степени ответили бойцы и мы двинулись дальше.

За всё время дальнейшего пути нам встретился только один немецкий патруль на двух мотоциклах с колясками. Мои документы полностью удовлетворили патрульных и мы мирно разошлись, при этом получив информацию о том, где удобно встать на ночлег — здесь поблизости, не доходя до шоссе, был хутор, хозяин которого вместе с сыновьями вступил во вспомогательную полицию и содержит что-то вроде небольшой гостиницы для немцев. Туда я и решил направиться. Интересно посмотреть, кто и как там фрицев привечает.

К пяти часам, ещё засветло, мы добрались до этого хутора, который опознали по наличию фашистского флага. Всего в поселении было четыре основательных жилых дома, по всей видимости, построенных уже после революции, и многочисленные хозяйственные постройки.

— У-у, кулачье недобитое! — злобно процедил Радчук, подойдя к хутору.

— Знаешь их? — спросил я.

— Нет, — мотнул тот головой, — Но по домам же сразу видно, как только их не раскулачили?

— Так, всё, замолчали! — скомандовал я бойцам, настраивая их на бдительность, — работаем, как я говорил, и не вздумайте хоть слово по-русски ляпнуть, здесь враги опаснее немцев.

Бойцы подтянулись, посерьёзтели и вскоре мы подошли в хутору. Навстречу нам бородатый крепко сложенный мужик лет пятидесяти от роду.

— Добрый день, господин офицер! — поздоровался он по-немецки.

Я состроил высокомерное выражение лица и произнес:

— Мне известно, что у тебя здесь можно остановиться.

— Да, да, конечно, господин офицер, я могу предоставить в Ваше распоряжение целый дом и ужин всего за восемь с половиной марок, — мужик говорил по немецки вполне сносно.

— Ты хочешь брать деньги с немецких солдат? — спросил я, играя крайнюю степень ярости.

Мужик побледнел, испуганно хлопнул глазами, но продолжал настаивать на своём:

— Извините, господин офицер, у меня есть разрешение, надо ведь продукты закупать, бесплатно ведь никак не получится.

— Ладно, — сменил я гнев на милость, — Получишь ты марки, показывай дом!

Мужик провел нас к дому, я ему отсчитал деньги и через час вся моя группа сидела за столом и с аппетитом уминала горячий ужин, а мужик сидел рядом и отвечал на мои вопросы об окружающей местности:

— А вот три километра в сторону Жлобина, там деревня Осиповка, там все коммунисты!

— Почему же их ещё не повесили? — как о само собой разумеющемся спросил я его, обгладывая куриную ножку.

— Так они по документам беспартийные, но в душе все коммунисты, это я точно говорю, не будет от них Германии добра! Расстрелять их надо! — убежденно произнес мужик.

— А может ты сам коммунист? — задал я вопрос, не меняя скучающе-отстраненного выражения лица.

От такого поворота мужик подскочил, перекрестился и с придыханием сказал:

— Вот Вам крест, ненавижу я красных и двадцать лет назад их убивал, да и потом, иногда.

Интересный мне дядечка попался. Надо будет изыскать возможность поподробнее его допросить.

Отпустив мужика, я пересказал бойцам разговор.

— Тут в гражданскую и после неё много бандитов было, — прокомментировал услышанное Радчук, — Но чекисты практически всех выбили, а этот, получается затаился и уцелел, тварь!

— Ничего, сколь веревочке не виться, всё равно совется в петлю, — успокоил я его и продолжил, обращаясь к остальным, — Сохраняем бдительность и осторожность, сегодня разбираться с этими предателями не будем. У нас задание — работать по немцам. Доложим в отряд, там примут решение.

После того, как мы поужинали, пришла хозяйка, вытерла стол и забрала грязную посуду, а мы, закрыв дверь на щеколду, и назначив очередность дежурств, завалились на кровати. Эх, давненько я не спал на чистом белье!

Однако спокойного отдыха, на который я наивно рассчитывал, не получилось. В половине восьмого вечера, когда уже окончательно стемнело, я услышал приближающийся шум моторов и вскоре на хутор въехал тентованный грузовик «Опель-Блиц» в сопровождении мотоцикла с коляской. Дав команду своим бойцам быть наготове, я привел форму в порядок и вышел во двор где около подъехавшей машины увидел невысокого, хорошо упитанного немецкого офицера, беседующего с хозяином. Подойдя к нему, я вытянулся по стойке «смирно», козырнул и представился:

— Унтер-офицер Клиндер, по приказу майора Дитриха провожу пешую разведку местности!

Собственно говоря, можно было особенно и не тянуться, так как передо мной был интендантуррат, который, если быть точным, являлся не офицером вермахта, а военным чиновником. Но уж лучше немного перебдеть.

— Дитриха? — переспросил немец, — Знаю его, да, это очень хорошо, что я вас встретил, надо организовать охрану груза на ночь, а у меня совсем мало людей, при том, что завтра надо ехать весь день к линии фронта. Груз ценный, а на этих свиней, — он кивнул в сторону мужика, — Полагаться никак нельзя.

— Не беспокойтесь, господин интендантуррат, со мной три опытных солдата, мы можем обеспечить надежную охрану, Вы и ваши люди можете спать спокойно.

— Превосходно, а я обещаю замолвить за вас словечко перед майором Дитрихом, — пообещал мне немец, даже не удосужившись проверить мои документы.

После этих слов я обернулся к так и стоявшему рядом мужику, который слышал весь наш разговор:

— Как устроишь господина интендантуррата, придёшь ко мне со своими людьми, я проинструктирую, как мы будем нести охрану.

— Будет сделано, господин офицер, — поклонился хозяин, а я отправился к своим бойцам.

В доме я проинструктировал партизан, после чего вместе с Крыловым вышел к грузовику и демонстративно поставил его часовым, порадовав этим господина интендантуррата, который в приподнятом настроении наконец-то удалился в дом вместе с тремя сопровождавшими его обозниками.

Примерно через полтора часа в избу, отведённую под постой моему отряду, для инструктажа заявился хозяин хутора в сопровождении ещё четырех полицаев, вооруженных «Мосинками». Мужика, зашедшего последним, я вырубил ударом в затылок, после чего два моих бойца навели автоматы на остальных полицаев. Если бы те попытались сопротивляться, то мы бы их в любом случае покروшили, но это было бы шумно, что могло осложнить наши дальнейшие действия. Однако не ожидавшие такого поворота предатели дружно подняли руки вверх и вскоре лежали на полу связанные с кляпами во рту.

Удачно завершив первый этап операции, мы втроём вышли на улицу и направились к дому, где остановился интендантуррат с тремя сопровождавшими его обозниками. Крылов всё также находился у грузовика для контроля за улицей. Дверь в дом была не заперта, все немцы уже успели раздеться и лечь в кровати, так что, когда мы ворвались с криком: «Всем лежать, руки держать на виду, кто дернется — стреляю!» — за оружие схватиться никто не успел, лишь интендантуррат дрожащими руками попытался вытащить пистолет из застегнутой кобуры, но, получив от меня ногой в голову, вынужденно отказался от этой бесперспективной затеи. Надежно связав немцев, мы пошли дальше и согноли в крепкий сарай всех женщин и детей, находившихся на хуторе. Теперь можно чуть выдохнуть, большая часть дела сделана, но помня о том, что проблемы могут появиться в любой момент, расслабляться нельзя.

Оставив Иванова охранять немцев, я вместе с Радчуком вернулся к полицаям, где взял самого младшего, которому на вид было лет двадцать. Отведя этого полицая в сарай, я приступил к экспресс-допросу. Сначала, ничего не спрашивая, раздробил ему пальцы на левой руке, потом применил американскую методику утопления с использованием полотенца и через пятнадцать минут информация полилась рекой.

Со слов парня, которого звали Степан, на хуторе жила большая семья Корпань, главой которой являлся Василий — тот самый мужик, который говорил по немецки. Кстати, язык Василий изучил, находясь в плену у немцев во время Первой мировой. Кроме того полицаями были ещё два сына главы семьи и его младший брат Григорий, приходившийся отцом Степану. Так вот, что он рассказал: когда немцы стали приближаться и по дорогам потекли реки беженцев, Василий решил этим воспользоваться, чтобы повысить своё благосостояние. Он сколотил шайку из своих родственников и в течении двух недель, пока шли беженцы, эти бандиты работали, не покладая ножей и топоров. Выбирали тех, кто по внешнему виду был побогаче, или евреев («Те то умные, одеваются плохо, прибеждаются, но золото у них всегда есть...»). Одних убивали рядом с дорогой, других приглашали к себе переночевать, третьи сами приходили, когда пытались идти не по самой дороге а по полям вдоль неё. Резали всех, не взирая на пол или возраст («Ну а куда детей девать? Не себе же оставлять! Но я их не убивал, это дядька Василий делал... Отпустите меня, я жить хочу... Я не хотел...»)

Вернувшись в дом, я спросил Радчука:

— Ты быстро писать умеешь?

— Да, я десять классов закончил, хорошо пишу!

— На вот, — я, покопавшись в офицерском портфеле, выудил авторучку с золотым пером и пару листов бумаги, — Запиши, что скажет тот парень в сарае о массовых убийствах беженцев, особо в подробности не углубляйся, на всё про всё тебе полчаса, потом зарежешь.

Побледневший боец кивнул, взял писчие принадлежности и вышел, а Григорий тем временем взвыл и стал отчаянно биться головой об пол.

— Ты Гриша, не плачь, скоро вслед с сыночком в ад отправишься, — пообещал я кровавому убийце и взялся за Василия.

С главарем пришлось повозиться, но через полчаса я узнал от него то, ради чего и допрашивал — где спрятаны награбленные ценности. К моменту завершения допроса в дом вернулся Радчук, протянул мне исписанные листы бумаги и угрюмо сказал:

— Сделал!

— Этих троих тоже в расход, — я показал на полицаев, — А Василия с собой возьмем, к нему ещё будет много

вопросов.

Боец кивнул, а я отправился в дом к немцам и вместе с Ивановым по одному перетаскали фрицев в кузов грузовика. Затем я отправился к сараю, где были заперты женщины и дети полицаев и, не открывая двери, громко произнес:

— Все бандиты казнены за измену Родине, немцев я всех забрал. Если про этих немцев расскажете фашистам, то они вас расстреляют за соучастие.

Из-за двери раздались плачь и проклятья, но я не стал слушать, а взяв двух бойцов занялся опустошением тайников, после чего сложил находки в мешок, забросил его в кабину грузовика, сел за руль, немного подождал, пока рядом усядется Радчук и выехал с хутора. Сзади на мотоцикле ехали Крылов и Иванов. Двигаясь по полям и объезжая населенные пункты, за два часа мы достигли прибрежного леса, а вскоре и выехали к Березине. Здесь я встал на стоянку и отправил Радчука через реку, чтобы он передал сообщение в отряд.

Утром я ещё раз хорошо проверил, хорошо ли замаскированы следы машины на въезде в лес и занялся пленными. Начал я с того, что вместе с Ивановым вытащил из кузова одного из обозников, отвел отвел трясущегося фрица в сторону, немного поговорил с ним, успокаивая, полностью согласился с тем, что он является военнопленным, пообещал, что все будет хорошо и попросил раздеться, тот с надеждой в глазах выполнил мои требования, после чего я его тут же и зарезал. Так форма сохраннее — ни дырок, ни крови, ни дерьма. Ту же самую операцию проделал и с оставшимися двумя обозниками. Натерпевшись страха, пока лежали связанными в кузове кабины, те были готовы выполнить любое моё требование за маленький лучик надежды, который я им дарил перед смертью.

Разобравшись с рядовыми, я взял для разговора интендантуррата. Ни о каких секретах вермахта я его не спрашивал — этим займутся другие люди. Меня заинтересовало, как чиновник оказался на том хуторе.

— С моим начальником, господином Зиверсом связался генерал Ребер, который был крайне возмущен тем, что в его обозе, который комплектовался под моим контролем, не оказалось достаточно вина и шоколада. Зиверс обвинил меня в халатности и приказал срочно доставить эти продукты нашим доблестным воинам, а заодно и проверить документы их тыловой службы, — понурым голосом сообщил мне пленный чиновник.

Да, как я уже успел убедиться, кузов машины на две трети был заполнен ящиками с вином и шоколадом — весьма неплохое подспорье для партизанского рациона. А сам интендантуррат, несомненно, обладал весьма интересными для нашей разведки знаниями.

— А Вы меня тоже убьёте? — дрожащим голосом поинтересовался пленный.

— Это зависит от Вас, господин Хаас, — ответил я ему, даря надежду, — Если сведения которыми Вы обладаете, заинтересуют наше командование, то мы можем переправить Вас через линию фронта.

— Да, да, я много чего знаю, я всё-всё расскажу, только не убивайте, у меня трое детей, им будет очень плохо без меня!

— Вот как, у Вас есть семейное фото?

— Да в портфеле у меня есть фотоальбом.

Я сходил в машину за портфелем, нашел альбом и продолжил светскую беседу с интендантурратом о семье и о его мирной довоенной жизни в Ганновере.

Днем подошли разведчики из отряда во главе с Павловым, который, злобно зыркнув на меня, приказал:

— Идите в отряд, дальше мы сами.

Далее мы с парнями сели в лодку, переправились через Березину и к вечеру были уже на базе. Там мы сразу по прибытии поужинали, после чего бойцы из моей группы отправились отдыхать, а я уселся за написание рапорта, который закончил часам к десяти вечера и улегся спать в своей землянке. Утром после завтрака я с рапортом отправился в штабную землянку, где меня дожидались Кузнецов, прибывший в отряд этой ночью, и Антипов. Оба они имели очень усталый вид, но встретили меня с большой радостью, особенно командир, который сразу бросился обниматься:

— Ну здравствуй, герой! Живой чертяка! Молодец! — радостно повторял он, тиская меня в объятиях и похлопывая по спине. Даже легче на душе становится, когда есть люди, которые так искренне мне радуются.

— Ну давай садись, — указал мне на кресло Кузнецов, закончив обниматься, после чего он выставил на стол бутылку вина, очевидно, из захваченного мной грузовика. Открыв бутылку штопором, он разлил напиток по стаканам и провозгласил тост, — За Победу!

Чокнувшись, выпив и закусив шоколадом, мы перешли к разговору о моей вылазке.

— Удачно у тебя получилось, — похвалил командир, — В центре, как узнали, кого вы взяли в плен, сразу самолет отправили, сегодня ночью его уже вывезли. Вот так, очень осведомленный офицерик попался. Чую, что в скором времени нам передадут множество информации по тыловым коммуникациям немцев в нашем районе для активной работы. Да и этот Корпань — очень занятный тип, его товарищ Сергей себе забрал, сначала выпотрошат дочиста, а уж потом повесят гада. И как только местные чекисты его прошляпили? Ну да ладно, это уже не наше

дело, а вот у нас есть ещё повод, — Кузнецов снова плеснул вина в стаканы, — Много пить не будем, работы много... хотя нет, ты-то можешь отдыхать, — и он долил мне до самого верха, потом выпрямился и официальным тоном произнес — Младший лейтенант Ковалёв, Вам присвоено звание Героя Советского Союза!

— Служу Советскому Союзу! — выпалил я, вытянувшись по стойке смирно.

— И внеочередное звание старшего лейтенанта, — продолжил радовать меня командир, протягивая стакан, который я тут же осушил одним махом.

— Награды пока будут находиться в Москве, в штабе партизанского движения. Там считают, что в немецком тылу нельзя разгуливать с орденами. Кстати, — командир снова разлил вино, окончательно опустошив бутылку, — Нам с комиссаром, — он кивнул на Антипова, — Дали по Красному Знамени, а мне ещё и звание до майора повысили.

— Поздравляю! — произнес я и, чокнувшись с командирами стаканом, снова выпил.

* * *

Посидев ещё немного с начальством, я вернулся в землянку и весь оставшийся день валялся на своем ложе, ничего не делая. На следующее утро меня вызвал командир и приказал заниматься боевой подготовкой с отделением Хомича и теми бойцами, которые ходили со мной на последний выход. Следующие десять дней я гонял вверенных мне партизан по осеннему лесу, отрабатывая тактику и взаимодействие, молча удивляясь и тихонько радуясь тому, что обо мне больше не вспоминают.

Но, как оказалось, у моего длительного отдыха были свои причины. Тридцатого сентября меня к себе вызвал Кузнецов, и, когда я пришел в штабную землянку, то обнаружил там кроме него ещё одного незнакомого мне мужчину с пронизывающим, как рентген, взглядом.

— Знакомьтесь, — представил меня командир отряда, — Герой Советского Союза старший лейтенант Ковалев, а это, — Кузнецов жестом указал на неизвестного мне мужчину, — Товарищ Федор из Москвы, все его приказы являются обязательными для исполнения. Ну Вы тут общайтесь, а я пойду подышу свежим воздухом, — с этими словами он покинул помещение.

— Присаживайтесь, Андрей Иванович, — товарищ Федор указал жестом на кресло, — в ногах нет правды.

— Но правды нет и выше, — ответил я ему, располагаясь на плетеном сиденье.

— Это вы о чем? — настороженно спросил собеседник.

— В ногах нет правды, но в заднице её тоже нет, — объяснил я ему смысл бородатой для меня шутки.

Тот зашелся хриплым смехом:

— Ха-ха-ха, тонко подмечено, как я сам не догадался, — пока он смеялся, лицо его излучало доброту и дружелюбие, но лишь только смех прекратился, как на меня снова смотрел суровый мужик с ледяным пронизывающим взглядом.

— Ну а теперь к делу, — начал товарищ Федор без предисловий, — насколько я знаю, Вы родом из Варшавы, в совершенстве владеете немецким и польским языками и неоднократно переодевались в немецкую форму при выполнении боевых заданий.

— Да, так и есть, — согласился я с ним.

— Так вот, у нас есть важное дело, которое Вы должны будете выполнить — необходимо доставить небольшой груз в Варшаву и забрать оттуда посылку.

Хм, интересно... прокачусь на поезде, здоровый сон на чистом белье, питание в хороших ресторанах. Надо только денюжат побольше с них содрать. Я согласен!!!

Разумеется, на лице я никакой радости не изобразил, напротив, постарался выглядеть максимально задумчивым и тревожным.

— Задача очень сложная, требует тщательной подготовки. У Вас есть уже наработки? — спросил я.

— Нет, у нас уже почти месяц нет связи с варшавской резидентурой, так как из-за отступления мощность их радиостанции недостаточна, а Вас нам порекомендовали, как находчивого и здравомыслящего человека с превосходными боевыми навыками, поэтому было решено, что план операции мы с Вами разработаем совместно.

— Хорошо, но мне надо время, чтобы всё обдумать, если Вы будете не против, то к вечеру я предоставлю план и список необходимого.

— Хорошо, договорились, — согласился со мной товарищ Федор и я удалился.

Расположившись у себя в землянке, я до обеда занимался тем, что виртуально моделировал свою поездку продумывая всё до мелочей, а позднее взял бумагу и подготовил список необходимых мне вещей, документов и информации.

— Так, чемодан, саквояж... — товарищ Федор углубился в предоставленный мной список, — а краска зачем?

— Возможно придется угонять автомобиль, перекрашу номера.

— Хм, так... Полторы тысячи марок?! — он поднял на меня округлившиеся глаза.

— Могут возникнуть непредвиденные расходы, поэтому в деньгах недостатка быть не должно, — я твердо выдержал сверлящий взгляд.

— Ладно, в общем-то всё разумно, — резюмировал мой собеседник, закончив ознакомление с моими запросами, — думаю, за пару дней всё сделаем.

* * *

Вечером пятого октября в сопровождении отделения Хомича я пешком добрался до Бобруйска, там, когда окончательно стемнело, проскользнул мимо немецких постов в город и постучался в дверь одноэтажного бревенчатого дома.

— Кто там?

— Это ваш племянник Костя, — произнес я незамысловатый пароль и мне отворила дверь женщина средних лет.

— Ну заходи... племянничек!

Здесь я с комфортом переночевал, а утром, побрившись, умывшись и приведя в надлежащий вид немецкую офицерскую форму, покинул этот гостеприимный дом и, не таясь, направился к вокзалу. По пути мне встретился один патруль из трех солдат и фельдфебеля, который проверив мои документы, не увидел в них ничего подозрительного.

Купив на вокзале билет на поезд до Варшавы, я посмотрел на время и обнаружил, что до отправления ещё целых три часа. Немного поразмыслив, я решил провести это время в лучшем ресторане Бобруйска. Во время подготовки к операции я подробно изучил план города и знал, что где находится, поэтому нужное заведение я нашел быстро и устроился около окна в полупустом зале. Попросив принести свежих немецких газет, я сделал заказ и углубился в чтение. Н-да, неприятная новость. Доблестные германские воины разгромили остатки большевистского сброда на правом берегу Днепра и торжественным маршем вступили в Киев. Дорога на Москву открыта! Правда из статьи было не совсем понятно (а точнее совсем непонятно) какое отношение Киев имеет к дороге на Москву, но всё-равно грустно, хотя немцы и взяли Киев позднее на две недели, чем ТАМ, да вот еще и Гомель в придачу. Тьфу, лучше бы совсем не читал, только настроение испортилось. Через некоторое время принесли мой завтрак — сардельки с макаронами и я отдался греху чревоугодия, надеясь, что от вкусной пищи настроение хоть немного поднимется. Потом настал черед кофе и дальнейшего перелистывания газет, от которых я периодически отрывался, рассматривая посетителей. Ресторан был предназначен для немцев, поэтому здесь находились в основном офицеры и интенданты. Женщин было не много — скорее всего из персонала военного госпиталя. В общем, ничего особо интересного, но я смотрел не для развлечения, а старался подметить особенности одежды и поведения, чтобы случайно не спалиться на какой-нибудь мелочи.

Вот дверь ресторана распахнулась и в помещение вошла очень интересная и колоритная пара — немецкий оберст, крепко сложенный сорокалетний мужчина, которого сопровождала юная, до невозможности красивая, моя любимая Ольга Коротаева. По тому как по-хозяйски он смотрел на девушку и по тому как она отвечала ему взглядом, как она держала его под локоть, было очевидно, что эта пара состоит в близких отношениях уже немало времени. Да как только из отряда ушла, так сразу, наверное, в постель к этому фашисту и запрыгнула, сука!!!

На пару секунд я потерял над собой контроль, мои глаза округлились и непроизвольно взмахнув рукой, я разлил кофе, тем самым привлекая к себе взгляды посетителей. Быстро совладав с эмоциями, я изобразил невинное выражение лица — мол она сама, эта чашка кофе выплеснула, я совершенно не причем. Ольга вместе со всеми повернулась ко мне, на мгновение встретилась со мной взглядом, она дернулась как от удара током, но быстро взяла себя в руки и отвернулась. Курва.

Я попросил принести ещё чашечку кофе и принялся бесцеремонно разглядывать Ольгу. В своем внимании к ней я был не одинок, кроме меня ещё с десятков немцев неприкрыто пялились на девушку, а оберст делал вид, что ничего не замечает. Хотя, очевидно, ему льстили завистливые взгляды. А посмотреть там было на что. За то относительно небольшое время, что я её не видел, Ольга очень похорошела, неожиданно быстро превратившись из эмоционального нескладного подростка в уверенную в себе женщину с красивой прической и утонченными чертами лица, которые были умело украшены французской косметикой. Бутон гвоздики распустился, превратившись в сияющую розу. Чёрт, ну как так-то?

Посидев так еще минут десять, я понял, что ничего хорошего от такого времяпрепровождения не будет и, расплатившись, покинул ресторан. Настроение было препоганейшим. Немцы взяли Киев, Гомель и Ольгу. Полное поражение. А она ещё вся из себя цветёт и выглядит счастливой. Курва. От осознания того, что это у неё такое

задание, становилось ещё хуже. Разгоряченный мозг рисовал весьма реалистичные картины, чем они занимаются по ночам в постели, и я едва себя сдерживал, чтобы не вернуться и застрелить обоих. Однако на остатках силы воли я всё же смог добраться до вокзала, где сел в купейный вагон и накачался коньяком по самые уши.

— Господин обер-лейтенант, пора просыпаться! — до моего погруженного в сон сознания, наконец, достучался смысл фразы, которую кто-то многократно повторял рядом со мной.

Я открыл глаза и осмотрелся. Лежу на полке в двухместном железнодорожном купе, вторая полка пуста, в дверях стоит проводник и монотонно повторяет:

— Господин обер-лейтенант, пора просыпаться!

— А в чем дело? — поинтересовался я хриплым голосом и прокашлялся.

— Мы уже в Варшаве, — спокойно пояснил проводник.

— Да, встаю, воды принеси!

— Да, конечно, — ответил проводник и исчез, а я поднялся с полки и принялся одеваться. Эк я быстро от Боруиска до Варшавы домчался. Только сел и уже выходить. Телепортация, мать её ети. Надеюсь, я по пьяни тут «День победы» не пел, да нет, точно не пел, а то вместо проводника здесь бы уже гестаповцы стояли.

Спустившись из вагона на перрон, я зашел в здание вокзала, где нашел кафе и слегка опохмелился для поправки здоровья и слегка перекусил, затем вышел на площадь, где взял такси, на котором в скором времени добрался до комендатуры. Здесь я зарегистрировался и на доске объявлений нашел множество предложений от контор, сдающих жильё. Выбрав несколько адресов на среднем удалении от комендатуры, я вновь воспользовался такси и после нескольких осмотров и переговоров, получил во временное распоряжение довольно неплохую двухкомнатную квартиру в центре города. Оставшись в квартире один, я принял ванную и завалился отдыхать на широкой кровати. Благодать, никуда сегодня не пойду, дела подождут.

На следующий день я покинул квартиру и весь день ходил по городу, с интересом разглядывая улочки незнакомой старой Варшавы. Этот город сильно отличался от того, что осталось в моей памяти из ТОЙ жизни. Ведь в январе 1945 года во время ожесточенных боев столица Польши была разрушена почти полностью. Большую часть исторического центра потом восстановили, но далеко не в полном соответствии с довоенным видом. Я заходил в кафе, рестораны, делал небольшие заказы, осматривался, ел и шел дальше. Вернувшись вечером в квартиру, я обнаружил, что мои сигналки сорваны. Кто-то в моё отсутствие посещал квартиру и рылся в вещах. Отпуск перестает быть томным. Хорошо, что я посылку весь день носил с собой, хотя так делать тоже рискованно. Надо поскорей избавляться от неё и уезжать. А ведь так надеялся отдохнуть, в кино сходить, может и в театр, отъестся в ресторанах, а то партизанская каша уже в печенках сидит. Одно радует — слежки за мной не было, в этом я был абсолютно уверен. На следующее утро я ещё раз обошел выбранный для операции район, потом позвонил по имевшемуся у меня номеру телефона.

— Алло, это Збигнев Новачек?

— Да, я слушаю.

— Я сегодня приехал из Вислян, у меня для Вас посылка от пана Корбы.

— А как поживает пани Моника?

— Прекрасно. В одиннадцать ноль-ноль, я жду Вас в ресторане «Оливия» на Дрезденской улице, и возьмите свою посылку для пана Корбы.

— Хорошо, я обязательно приду.

До встречи оставалось немногим более часа и я занялся дальнейшими приготовлениями: нанял такси и, заплатив аванс, сказал шоферу, чтобы ждал меня в соседнем переулке, после чего занял столик в кафе у окна напротив ресторана. Отсюда открывался хороший вид и если бы появились гестаповские «топтуны», я бы их сразу вычислил. Но, к счастью, никого и ничего подозрительного за время ожидания мною замечено не было. Агент также появился без «хвоста», поэтому я зашел в ресторан вслед за ним и приблизившись сказал:

— Это я Вам звонил от пана Корбы, идемте!

Тот несколько удивленно окинул мою немецкую форму, но без проволочек вышел вслед за мной через запасной выход, который вел в переулок, где меня ожидало такси. Мы сели на заднее сидение и я дал команду таксисту, чтобы он ехал на Венскую улицу. Там мы остановились в указанном мной месте, прошли через проходной двор и, убедившись, что слежки нет, зашли в небольшое кафе, где обменялись посылками и расстались. Уф, большая часть задания выполнена. Осталось добраться до отряда.

Доехав на такси до комендатуры, я протянул свое фальшивые документы помощнице коменданта. Она просмотрев их подняла на меня удивленный взгляд:

— Уезжаете? У Вас ведь отпуск на десять дней!

— Связался, со штабом, приказали немедленно возвращаться, — с искренним огорчением ответил я.

— Понимаю, — сочувственно улыбнулась девушка и поставила мне штампик и печать в отпускное удостоверение.

Из комендатуры я сразу поехал на вокзал и купил билет до Бобруйска на поезд, отходящий в полдень. Времени до отправления оставалось немного, но вполне достаточно, чтобы я смог хорошо перекусить в вокзальном кафе и там же взять с собой в дорогу бутербродов с копченой колбасой.

Состав, в котором мен предстояло ехать, оказался сборным десяток товарных вагонов и три пассажирских. Разумеется, у меня был билет в лучший вагон с двухместными купе, который был прицеплен непосредственно за тендер. К счастью, моим соседом оказался не военный, который за долгое время пути мог бы раскусить меня, подловив на какой-нибудь оплошности. Нет, моим соседом оказался торговый представитель коммерческой берлинской фирмы, представившийся Гансом Шмидтом.

— А вот скажите, Гюнтер, — спросил меня сосед после того, как мы выпили по полстакана вина из щедро предоставленной им бутылки за знакомство, — как Вы что вообще возможно приобрести у этих русских дикарей?

— Я, вообще, мало интересовался этим вопросом, сами понимаете, у меня другие интересы. Но насколько я слышал от других офицеров, то там вас может заинтересовать только древесина. Продовольствие ведь закупается централизованно, коммерческие фирмы к этому не допускаются. А кроме древесины там взять больше нечего, ну разве что можно скупать у населения по дешевке золотые изделия, но не думаю, что там можно с этим широко развернуться. А вот Вы лучше расскажите мне, как сейчас живется в Германии, а то я так скучаю по родине... — с помощью этого нехитрого приема я перевел разговор на другую тему и в дальнейшем я больше спрашивал, а Ганс мне подробно описывал берлинскую жизнь.

— Только подумать, — сокрушенно восклицал я, — Там в кинотеатрах идут американские фильмы, рестораны как и прежде ломятся от посетителей, а мы кормим вшей на Восточном фронте!.. А скажите Ганс, бордели работают по прежнему?..

Так, за легкой светской беседой, приправленной хорошим вином протекало наше путешествие ровно до тех пор, пока партизаны не спустили с рельс наш состав. От мощного удара я, не успев сгруппироваться перелетел через стол и врезался о противоположную стену, оставшись в сознании только потому, что Ганс любезно смягчил удар своим телом. Слетев с насыпи, наш вагон свалился набок и меня опять хорошенько приложило. Когда поврежденный состав замер и грохот ударяющихся вагонов прекратился, я услышал выстрелы, доносящиеся снаружи и плотнее прижался к стене вагона, которая сейчас стала полом. Над головой появились аккуратные отверстия, пробитые партизанскими пулями. Первоначально я надеялся, что нападавшие, немного постреляв, уйдут в лес, но услышал с наружи приказ:

— Забросать гранатами и добить!

Твою ж мать! И что мне теперь делать? Орать: «Не стреляйте, я свой!», а потом долго объясняться и доказывать? Это если слушать будут, что далеко не факт. Вот же влип! Похоже остаётся только экстренный выход. Я проверил пульс у Ганса — труп. Затем подтянул к себе чемодан и вынул из него гранату. Ну что же, рискнем! Я представил себе Ольгу и потянулся к ней всеми своими эмоциями, каждой частицей души и тела.

Мгновение, и я стою в незнакомом кабинете. В правой руке у меня граната, в левой чемодан. За столом сидит Ольга, которая отрывает взгляд от бумаг, лежащих перед ней и поднимает взгляд на меня, её глаза округляются, а рот открывается, чтобы заорать. Я, бросив на пол поклажу, перепрыгиваю через стол и крепко обнимаю девушку, зажимая ей рот ладонью.

— Тише, тише, всё нормально, это же я, Андрей, — прошептал я ей на ухо успокаивающие слова. Девушка в моих руках пару раз дернулась и обмякла, а у меня снесло крышу от её близости и ощущения столь желанного тела в руках, отчего я, убрав руку, жадно впился в её губы, Оля ответила, плотно прижавшись ко мне и время сжалось в один миг, полный ни с чем несравнимого наслаждения и счастья.

— Я думала, ты погиб... — произнесла Оля, чуть отдышавшись и надев трусы, — Как же я себя кляла, что оттолкнула тебя! Жизнь так коротка... — она надела юбку, заправила блузку и застегнула жакет, — а когда увидела тебя в ресторане, обрадовалась, что ты жив и тут же испугалась, что ты больше никогда ко мне не притронешься, побрезгуешь... — она взяла в руку кусочек ваты и стала протирать лицо, глядя в небольшое зеркальце, — Мне показалось, что ты появился сразу посреди комнаты, что только не привидится сдуру... Я тебя не сразу узнала, со страху-то. Да, кстати, а ты как тут оказался? Да ещё с гранатой?

— По ошибке, — соврал я, — Вообще не ожидал тебя тут встретить, кабинет у тебя уж очень хороший.

— Две недели назад повышение получила, теперь я заместитель начальника отдела закупок. Пришлось очень... постараться, — ответила она, скривив рот, — Но то, что я делаю, очень нужно нашей Родине, — продолжила девушка таким тоном, что стало понятно — она сама сомневается в этом, — Как же он мне противен! — с отвращением произнесла она и на её прекрасных глазах выступили слёзы.

Да уж, ситуация. Мне хотелось забрать её отсюда, увезти на край света, спрятать её ото всех и любить день и ночь напролет. Но вместе с тем, разумом я прекрасно понимал, что это невозможно. У меня и у неё обязательства, и как бы это пафосно ни звучало, долг перед Родиной. С болью в сердце я обнял девушку и прошептал:

— Всё будет хорошо, мы победим, я тебя люблю, прощай, — после этих слов я отпустил её, взял чемодан,

Положил в него гранату и вышел из кабинета.

Когда я вышел из городской управы, на улице уже начало смеркаться и я, пройдя мимо стоявших на посту полицейских, спокойно направился на конспиративную хату. Там, подождав несколько часов, я переоделся и отправился в лес.

Очередное задание выполнено, но впереди ещё очень много работы.

Больше книг на сайте - Knigoed.net